

Максим Греков

18+

В тени креста

Максим Греков

В тени креста

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Греков М. В.

В тени креста / М. В. Греков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-08866-5

Год 1488. Русь в состоянии войны с Литовским княжеством. Непокойно и в пределах бывшей Новгородской республики, которая покорилась московскому государю Ивану III, но стремиться сохранить свой уклад. Иван III, по совету своей жены – Софьи Палеолог, зовёт на свою службу бывших византийцев. Они начинают борьбу с распространяющейся по Руси ересью. События романа разворачиваются в Москве, Новгороде, Твери и в пограничье княжества Литовского. В оформлении обложки использовано изображение "Тень", автор Анна Грекова.

ISBN 978-5-532-08866-5

© Греков М. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог первой книги	6
Глава первая	8
Глава вторая	24
Глава третья	41
Глава четвёртая	59
Глава пятая	80
Глава шестая	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

В лето господне года 1488 от рождества христова, или по русскому летоисчислению 6996 от сотворения мира¹, на Москве случилась небывалая засуха. От самой весны дни стояли невыносимо жаркие. Дождей почти не падало. От этого обмелели реки, а в посаде иссякли не только колодцы, но даже и родники.

По причине ли той великой суши, или по недосмотру, но вдруг, между правым берегом реки-Москвы и её старицей² полыхнула церковь Благовещение и пламя быстро охватило едва ли не треть престольного града Русского государства. Выгорело всё: от кремлёвских стен и реки Неглинной до храма Всех Святых на Кулишах.

И поползли по Руси слухи, что огонь на Москву пал не просто так. Одни шептали о проклятии татарском, ибо минуло двенадцать лет, как Русь, после стояние на реке Угре, насовсем с себя скинула иго ордынское. Другие спорили, что пожар дело рук опальных бояр и месть за то, что Великий князь московский Иван III Васильевич, прикончил вольницу Господина Великого Новгорода³. Третьи же, говорили о гневe господнем, на землю русскую, за то, что поперёк обычаев, государь московский, после смерти первой жены, взял за себя новую жену, да не из своей отчины, а царевну заморскую – именем Софья из рода Палеологов, которая доводилась племянницей последнему императору Византии. А за этой царевной, на службу к русскому правителю прибыло много люда иноземного, через этих и пришли вселенские напасти.

Ведь помимо огня пожаров, русские гибли при усмирении Казани и Вятки. И новая война с Литвой в пограничье, не сулила ничего хорошего.

¹ Такой порядок летоисчисления сохранялся на Руси до 1492 г. Началом каждого года считалось 1 марта.

² Старица (*стар.русс.*) – изогнутый участок прежнего русла реки.

³ Согласно 2-й софийской летописи, Иван III с 1478 по 1488 гг. не только полностью подчинил себе Новгород и все новгородские земли, но и установил над ними прямое правление: “*вечю колоколу... не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати*”...

Пролог первой книги

Уже почти стемнело, когда служилый боярин Илья Ласкарёв – старший сын грека Фёдора Ласкариса, миновал караульную башню и въехал на каменный мост, ведущий к старым Богоявленским воротам. Согнувшись в седле, он мерно покачивался в такт шагу своего коня, изредка краем глаза поглядывая на заводную лошадь⁴, что была привязана за узду длинной верёвкой с петлёй, затянутой на хвосте его коня. После дождя, лошадиные копыта то и дело скользили по мокрому камню древнего моста, и животные плелись медленно, громко цокая железными подковами. Таким мерным шагом лошади двигались, пока не приткнулись к рогаткам перед дозорной башней. На посеребренных от времени, отёсанных валунах, из которых были сложены сама башня и прилежащие стены, металась отблески пламени от жаровен, возле них грелась озябшая от осеннего ветра стража. Москвитяне и посадские уже разбрелись к своим жилищам, у ворот было пусто.

Конь Илья устал, еле слушался поводыря и сам остановился перед проездом. Боярин тяжело спрыгнул с седла, проверил заводную, на которой полусидел – полулежал, опёршись на конскую шею другой всадник, крепко привязанный к своему седлу, толстой пеньковой верёвкой. На голове этого второго, вместо шапки был грязный промокший мешок, лица не было видно, только борода торчала, руки связаны. Удостоверившись в прочности узлов и поправив перемётные сумы, Илья взял коней под уздцы повёл внутрь гулкого свода ворот.

Откинув свой закрывающий лицо капюшон, он, наскоро перекинулся несколькими словами со старшим караульным, и, от ворот повернул направо. Прошел, ведя в поводу коней, и приблизился к неровному тёмному частоколу московского острога. Дважды стукнул в большие ворота, окованные по краю железом, тихо бросил несколько фраз в открывшееся малое оконце. Одна из тяжёлых створок со скрипом приоткрылась и двое караульных в поношенных серых кафтанах впустили Илью во двор.

Караульные огни у ворот не горели. Лишь потрескавшийся слюдяной фонарь в руке одного из встречавших боярина, давал малый свет.

Тот, кто встречал, фонарь не поднял. Так и держал его у колен. К Илье шагнул вперевалочку.

Разговор промеж них в полголоса.

– ... Да это, уж, как водится, будь покоен боярин⁵, устроим голубчика в отдельную клеть. Токмо как величать-то нам его, судя по платью не из простых будет?

– Ничего величального в сем воре нет, так и зовите: «Вор-Бориска». – Илье хотелось быстрее закончить. Находиться на острожном дворе ему было не по душе, и в нутро самого острога, куда только что увели его пленника, идти подавно не хотелось. Слишком тяжелый дух веял от этого места.

– Ага, понял, понял, – покачивая фонарём, закивал головой худой, бородатый с курчавой сидящей головой человек. Он был горбат, и от этого казался, мал ростом. Его шустрые черные глазки стреляли по сторонам, рот кривился к недоброй усмешке. Горбун зашел сбоку от Ильи и заискивающе посмотрел снизу-вверх:

– А сколь держать то? Ведь это... гм... оно дело такое..., ведь человек, и хоть душа в ём воровская, а всё одно, есть то попросит....

⁴ Заводная лошадь – выучная или запасная лошадь, которая в походе, заменяла основную. Всадник пересаживался на заводную и продолжал путь, давая возможность отдыхать основной, что позволяло перемещаться на большие расстояния без остановок.

⁵ В то время на Руси «боярином» называли почти всю знать. Подробно см. в Примечании.

– Вот..., возьми, – Илья бросил горбуну тощий кошелёк. На два-три дни, а то седмицу, тут будет с лихвой, а дальше... Грамота тебе будет, кто её подаст, тому и отдашь сего вора. Да смотри-ж, сбереги его в тайности, и чтоб никого к нему не пускать!

– Не впервой боярин, всё сделаю, – снова закивал горбатый и быстро одним движением спрятал кошель за пояс, при этом он поёжился и сделал полшага в сторону, так, чтобы дождевая вода со ската ворот не капала на отложной, местами сильно потёртый беличий воротник его кафтана.

Илья с отвращением отошел, и не глядя в сторону горбуна, вскочил в седло услужливо подведённого караульным коня. Взяв заводную за повод, боярин, молча, ударил пятками по лошадиным бокам и выехал в тёмные московские улицы.

Горбун проводил взглядом скрывшегося за воротами всадника, достал кошелёк вытряхнул его содержимое на ладонь и плотоядно ухмыльнулся.

– Хороша государева служба, что мир, что война – острог кормит своих слуг с двух рук.

Глава первая

Неоконченное дело

Промозглая и длинная осенняя ночь. Пропахшая караульными кострами глубокая тьма лежит между Москворецкой башней и Водяными воротами московской крепости, и над новоставленными мощными стенами, и над каменным мостом, что ведёт к кремлю, и над мутной водой рва, что порос камышами от основания башни до самых ворот. Прямо за воротами – подворье государевых людей Беклемишевых. Ровный гладко отёсанный частокол ещё не успел почернеть от времени. Над дубовыми воротами кресты-обереги. Чуть в стороне, рядом с громадой башни, приткнулась большая темная изба без крыльца.

В избе пахнет сырым деревом, копотью смоляных факелов и ... кровью.

В широкой прокопчённой горнице, за грубым столом, рядом сидят двое. Один – высокий и статный, с сединой в длинных до плеч волосах, в дорогом кафтане синего бархата с распятием на массивной золотой цепи. Второй – помоложе, коренастый, с вихрами светлых волос, из-под которых то и дело мелькают зелёно-жёлтые кошачьи глаза. Одет он в поношенный поддоспешник и простую ферязь⁶. Тот, что постарше – Гусев Владимир – дьяк⁷ на службе московского государя Ивана III. А молодой – боярский сын Беклемишев Иван – прозванный «Берсень»⁸ за вздорный характер и острый язык.

Слева от входа в горницу, на низкой скамейке за покатою подставкой для письма длинных свитков, примостился подьячий – умелец составления допросных листов. Рядом с ним, у стены, глыбой застыл широкий, приземистый, мощный – заплечных дел мастер⁹. Борода его была опалена, а на лице выделялся лишь мясистый широкий нос. Всклощенные чёрные космы волос, были перетянуты тонким кожаным ремешком.

– Веди, – устало протянул Гусев, всклощенному бородачу. Тот, скрипя каблуками своих поношенных сапог, исчез в чёрном провале двери, что вела в подвал.

Беклемишев исподлобья посмотрел на Гусева – поджарого с аккуратной бородкой клинышком и прямым тонким носом, «как лезвие ножа» – подумал про себя Иван. Он не испытывал особой приязни к дьяку, который много лет состоял при посольском приказе и был ловок в делах тонкой политики. Придворные извороты и хитросплетение интриг были родной стихией для Гусева, но чужды для Ивана. Однако именно Гусев был головой в деле, что поручил государь. И дело это было муторным. День за днём: письма и донесения, жалобы и слухи: всё только для того чтобы открыть «есть ли измена и где гнездо её»?

Снизу по лестнице послышалась возня. Мастер не ввел, а втащил человека. Некогда богатая одежда висела на нём лохмотьями, на голове мешок, руки связаны за спиной, ноги хоть и были свободны, но еле передвигались.

Гусев небрежно кивнул, и с человека мешок сдёрнули. Пленник зажмурился. Может от факельной копоти, а может от страха.

– Ну, вот Борис, пора поговорить. Или, может, желаешь, чтобы мы тебя называли Болеславом? – с прищуром сказал Гусев. Человек встрепенулся, обвёл мутным взглядом горницу и замер, уставившись на дьяка, по всему было видно, что узнал его.

– Да это же... – удивлённо начал Берсень, разглядев лицо пленника, но осёкся и замолчал.

⁶ Ферязь – старинная русская одежда с длинными рукавами, без перехвата.

⁷ В то время – высокая государственная должность служивых людей.

⁸ Старинное русское название крыжовника, происходит от тюркского «берсень» – шиповник.

⁹ «Заплечных дел мастер» – палач. «Заплечный» – от того, что на допросах, как правило, стоял за плечами обвиняемого.

– Не желаешь ли, покаяться в грехах? – поднявшись со своего места, продолжил Гусев. – Или может, хочешь облегчить душу свою от деяний недостойных, отступить от злодейств в мыслях и поступках своих?

Человек угрюмо, переводил взгляд с Гусева на Беклемишева и молчал. Владимир Елизарович легонько махнул ладонью, и палач ловко накиннул петлю на руки связанного пленника, и, прежде чем тот успел сообразить, что происходит, рванул свободный конец к себе.

– Э-э-э, почто?! – заметался пленник, чувствуя, как руки уходят за спину и куда-то вверх. – Пустите!

– А ты как думал? У нас, тут, ежели спрос ведут потребно не мешкать, – вступил в разговор Иван. – Будешь отвечать, али запираяться? – Берсень пристукнул по столу, что вызвало неудовольствие на лице стоящего рядом Гусева.

– А-а-а-а..., – взвыл пленник. – Чего отвечать-то?

– Силантий..., – тихим, но твердым голосом произнес Гусев. Мастер перехватил руку, и веревка немного ослабла.

– Наперво сказывай: сохранил ли ты в своём сердце свет истиной веры христовой, али, как и братья твои, кои в Литве обретаются, перешёл в латинянство?

– Не перешёл. Веру дедов почитаю своею, – сверкнув глазами, промолвил Борис Лукомский.

– Сие добро, – удовлетворённо кивнул головой дьяк Гусев. – Стало быть, ты веруешь в господа нашего Иисуса Христа, в Святую Троицу и крест животворящий?

– Верую, – глухо ответил пленник.

– А коли так, перед крестом божьим поведай нам: знаешь ли, умыслы супротив государя нашего Иоанна Васильевича или ближних его, или иных московских людей? – Гусев поднял распятие со своей груди.

Борис молчал, слышно было только его тяжелое дыхание.

– Тронь, – повелительно сказал дьяк палачу, кивнув в сторону узника.

Верёвка натянулась, пленник стал упираться, Силантий перебросил свободный конец верёвки через специальное кольцо в потолочной балке и потянул сильнее. Борис взвыл и повис под потолком, его руки вывернулись в плечах, а ноги болтались, не касаясь пола.

– Чего же молчишь, человеке? Сказывай! – чуть повысил голос Гусев.

– Об чем сказывать то? Не возьму я в толк..., – натужно просипел Борис.

– Растолкуй ему..., – бросил дьяк заплечному и отошел к столу.

Палач закрепил верёвку на специальных колышках в стене, выхватил из голенища плеть и с силой трижды протянул ей пленника по спине. Тот дико закричал.

Гусев приблизился к извивающемуся узнику.

– Ну, так как же? Припомнил чего? Может, желаешь сперва поведать, как некий князь по наказу короля Казимира¹⁰ приехал на Московское житие, как бы на службу к нашему государю, а сам замыслил его извести? Или, может, укажешь нам на пособников сего злодейства? Отвечай!

Глаза дьяка смотрели в упор на Бориса. Тот, стиснув зубы, молчал.

– Отчего так быстро ты отъехал из Москвы, что делал в землях псковских? – продолжил сыпать вопросами Гусев.

Подвешенный затряс головой и хрипло заговорил.

– Э-э-э, об умысле на великого князя ничего не ведаю, за делом я был послан, о деле сём скажу....

– Реки, – разрешил дьяк.

¹⁰ Казимир IV – великий князь литовский и король польский.

Беклемишев сделал знак палачу и тот ослабил верёвку, дав пленнику коснуться ногами пола.

– Ну? – торопил Гусев.

Борис тяжело дышал, затравленно смотрел из-под слипшихся на лбу волос, то на дьяка, то на Беклемишева.

– Ты уж рассказывай, мил человек, – неожиданно ровным голосом продолжил дьяк, – всё одно мы до правды дознаемся, испытаем плоть, разум, сердце и душу твою. – Гусев последовательно показал на жаровню, где на углях калились инструменты палача, на потрёпанные свитки, что лежали перед подъячим и на крест на своей груди.

– Да какие вины то на мне, бояре? Юфф..., – никак не мог отдышаться Борис.

– Вон оно как, голубок.... А, я – грешный, подумал, что вразумление к тебе пришло, и ты о деле молвить хочешь.... Видать ошибся я, жаль. – Дьяк притворно печально вздохнул и вернулся к столу, где нервно ёрзал Иван Беклемишев.

– Да что молвить-то? – простонал пленник.

– Нешто ты сам не знаешь? Ведь токмо что заикался о некоем деле! – встрепнулся Беклемишев, – Силантий! – Берсень только взглянул на палача и тот рывком дёрнул верёвку. Руки пленника с хрустом вывернулись в суставах, снова притягивая его под потолок. Борис дико закричал от нестерпимой боли.

– Я укажу.... Я про все, укажу!

– Как, – крикнул Беклемишев и по его знаку Силантий ослабил натяжение, пленник снова коснулся пола.

– Ты лучше, сейчас рассказывай всё, что знаешь, – почти ласково произнёс Гусев, – ведь это только начало и если мастер за тебя возьмётся навсерьёз, то....

– Я понял, понял, – захрипел пленник. – Я всё скажу, вот, только не знаю с чего начать... Ах, мука какая....

– А начини-ка с того, как ты удавил Патрикея, – подсказал государев дьяк.

– Ну..., – слегка отдышавшись, неуверенно начал Борис, но заметив, что Беклемишев делает знак палачу, дёрнулся на месте, натянув верёвку.

– Так что же? – переспросил Гусев, – ты уж не запирайся, сам понимаешь, что всё одно дознаемся.

– Я следил за ним ещё в Великих Луках, – хриплым голосом начал пленник, – и проведаль, что он поехал в Ластовку – это большое село близ Жижицкого озера. Оно издавна принадлежало, князю Фёдору Бельскому, но его самочинно повоевал торопецкий наместник – литовский князь Семён Соколинский и Патрикей взялся вернуть сие село миром. На дороге через Ластовский луг я нагнал Патрикея и захватил в полон, повёз в Торопец, но он сумел развязать верёвки....

– И-и-и? – протянул Гусев.

– Так разумеете бояре, мне за него, но только живого князь Соколинский сулили три кошеля монет, вот токмо, Патрикей как ослобонился сам хотел задавить меня, и... я просто оказался ловчее.

В горнице стало тихо, только скрип пера подъячего, да треск огня факелов нарушал тишину.

– Ну, коли так, то оно конечно, – ехидно-вкрадчивым голом начал Гусев, – теперича милая рассказывай обо всей твоей службе литовцам.

Пленник провёл языком по сухим губам: – Дык, не служу я литовцам то....

Берсень и Гусев переглянулись, подъячий замер с занесённым над листом пером, капнул чернилами.

– Это как так? Да ты что? Ты над нами шутики решил шутить? Отвечай собачий сын, как служил литовцам! – взорвался Иван.

– Не собачий я сын, а князь, и служу не литовцам, а Москве! – яростно ответил пленник.

– А уговор с Соколинским, а ходьба к литовскому войску? Энто как? – закричал на Лукомского Берсень.

– Отстынь Иван, сядь, – повысил голос Гусев, и уже спокойным тоном к Борису: – не понимаем мы тебя человеке, ты же только что сказывал, как доброго людина смерти предал за литовские посулы, ведь так?

– Нет, Владимир Елизарович, я сказал, что торопецкий князь посулил мне серебра за то, чтобы я доставил к нему живого Патрикея, да и то, сие дело мне велено исполнить из Москвы....

– Из Москвы-ы-ы? – Гусев шагнул навстречу пленнику, предупреждающе подняв ладонь в сторону снова вскочившего со своего места Берсеня. – Ну-ну, сказывай, – напирал дьяк.

– Тут особо сказывать неча, – Борис выпрямил спину, – нет на мне грехов перед землей русской и перед государем нашим, крестным знаменiem осенить себя не могу, потому, как руки связаны.

Гусев подошел к Борису, посмотрел прямо в глаза.

– Вижу, осмелел ты, да только рано. А правдивы ли речи твои мы узнаем, – дьяк развернулся к пленнику спиной и шагнул к палачу, – сперва поведай: кто велел тебе отъехать ко Пскову? Зачем? Что ты делал в Литве? Кто отдавал приказы? – засыпал вопросами Гусев.

– Сего сказать я не могу, на кресте клялся, – поник головой пленник.

– Понимаю, – вкрадчивым голосом произнёс дьяк и потрогал пальцем натянутую как струна верёвку, – однако, ты ведь не думаешь, что мы отступимся? Тут, милáй, дело государево и не для того тебя ловили и сюда везли, что б спуску дать...

– Ловили? – встрепенулся Борис, – да, не в жизнь, вам самим меня не споймать! Я своё дело знаю. Это всё он – грек Илейка Ласкарёв меня выследил. Трёх моих людей из лука забил, а меня самого с коня чеканом¹¹ по спине приголубил.

– А ты как думал? На каждого ловчака найдётся ещё более ловкий, – дьяк сделал несколько шагов по горнице и снова развернулся к пленнику. – Вот ты говоришь, что у тебя и люди свои были, кто они и каким промыслом для тебя служили?

– На что тебе они? Всё едино, уже отошли они к господу, никто ничего не скажет.

– Да? Жаль..., от этого ведь только хуже..., тебе, – длинный палец дьяка упёрся в грудь Бориса. – Вот, сам посуди, всё опять оборачивается к тем, кто тебе отдавал приказы. Придётся говорить, не то..., – Гусев многозначительно посмотрел в сторону палача.

– То..., – пленник ещё раз облизнул пересохшие губы и обвёл горницу взглядом. – ...То, не моя тайна, слишком высоко на Москве эти имена, не могу....

Дьяк тяжело вздохнул, потом кивнул заплочному мастеру:

– Давай.

Палач, резко потянул верёвку на себя и быстро подтянул пленника на удобную для битья высоту. Руки Лукомского уже легко вывернулись в плечах, Борис резко вскрикнул, словно от неожиданности. Силантий, содрал с болтающегося над полом пленника, остатки одежды и вытащил большую тяжёлую плеть. После первых ударов пленник заорал:

– Нет на мне никакой вины перед государем!

– А перед кем есть? – тут же зацепился Гусев.

– Не перед кем, окромя Господа Бога вин не имею! У-у-у, – взвыл Борис, когда очередной удар плети просек ему кожу до мяса.

Владимир Елизарович знаком остановил битьё.

Силантий хмыкнул и ослабил верёвку. Ноги пленника коснулись пола и тот, тяжело дыша, поднял взор на Гусева.

¹¹ Чекан – боевой топор, тыльная часть обуха которого, снабжена бойком как у молотка.

– Ты сам-то, дьяк, почто из посольских хитрованов в сыскные ищейки подался? Нешто думаешь, что сам на моём месте не окажешься?

– А отчего я должен оказаться на твоём месте? – без тени удивления спросил Владимир Елизарович, – может ты, знаешь какие причины, так давай, у нас время есть! Начни с этого, а опосля, глядишь, доберёмся и до всего остального. Ну что же ты замолчал? Коли уж начал – давай, облегчи душу-то...

– Ничего я тебе более не скажу, – выдохнул Лукомский и замотал головой. – Ничего... Ничего...

Дьяк Гусев недовольно цыкнул зубом и, отвернувшись, дал Силантию сигнал продолжить пытку. Заплечный взялся за дело с усердием.

Однако, до самой зари пленник только кричал, извивался от боли и поносил гнусными словами всех подряд. В конце концов, усталые вопрошатели решили пытку пока прекратить.

– Огнём можно попробовать, – сипящим голосом предложил палач, его рубаха взмокла на спине от пота.

– Отложим до вечера, – коротко бросил Гусев.

– Ить, молчит, а на вид хлипок, – пробормотал Иван Беклемишев.

– То-то и оно, что хлипок, а про короля ляшского и про псковские дела не сказал. А ведь знает..., много знает собачий сын, – дьяк наморщил лоб и посмотрел куда-то в потолок. – Тут подумать надо, ввечеру продолжим.

На том и порешили. Палач снял пленника с дыбы и поволок на себе в подвал, все остальные с радостью вышли из тёмной избы. День ещё только начинался.

* * *

Иван Беклемишев не мог уснуть. Белый день по осени короток, но свет через мутное слюдяное оконце, хоть и мерклый, а всё одно – враз заснуть не даёт. Со двора слышны голоса холопов, ржание коней. А в голове – мысли, мысли, мысли. «Совсем тёмное дело с этим Лукомским. Говорит, что служит государю, а сам за наградой к какому-то литовскому князю ездил. О злодействе своём – как лишил жизни монаха, рассказал, а про вражьи люди нет. Слепому видно, что многое таит княжич. И как Гусев может быть так спокоен при дознании? Вот сам Иван до крови впивался ногтями в лавку, сдерживая себя, чтобы не вскочить и не накричать на пленника. Воистину человек великой выдержки Владимир Елизарович. А ещё дьяк может держать в голове сотни дел, спать урывками и так всё в разговоре разворачивать, что всегда в споре верх берёт. И хоть не по нраву Беклемишеву уловки хитрые и разговоры книжные да церковные, но проникнуться таким разумением было бы зело полезно...», – с этим Иван и провалился в недолгий сон.

– Хозяин, хозяин! – позвал кто-то рядом и Берсень разлепил глаза. Голова тяжёлая, как будто и не спал совсем. Над Иваном стоял его дворовый человек Сёмка. – Хозяин! – снова позвал он Беклемишева.

Иван резко сел на кровати, напугав отшатнувшегося холопа.

– Ну? – недовольно спросил Берсень.

– Хозяин, там тебя из избы кличут, беда с вашим вором! – холоп махнул рукой в сторону оконца.

Иван наскоро оделся и бегом припустился к избе.

Увидев Беклемишева, мрачный Силантий затряс головой, замычал и упал на колени:

– Помилуй, боярин, – истово закрестился он. – Помилуй меня, Иван Никитич, не уследил, не уберег.

– Чего?

– Языка твоего не уберег, боярин.

– В пытке перестарался? – подступая к палачу, сжал кулаки Берсень.

– Как можно? Я ж в ремесле не из последних буду, – отпрянул заплечный.

– Убег?

– Нет, не сбега, боярин, – опять перекрестился Силантий. – Удавился он до смерти. Уж не знаю, как, но видать, ослобонил руки от верёвки, на ней и удавился.

Иван в сердцах впечатал кулак в стену, и заплечный мастер судорожно сжался.

– Дьяка Гусева оповестили?

– Послал человека к нему, боярин, – торопливо сказал Силантий. – Мыслью, что будет он тут вскоре. Ох, сказнит он меня, – палач рухнул головой в пол. – Скажи перед дьяком слово боярин, ведь не ведаю я, как ваш вор такое сотворить мог, совсем без чувств я его оставил и связал крепко. Срубят ведь мне голову то...

– Мало срубить твою башку, – искренне пожалел Берсень, – для тебя нужна такая казнь, чтобы слух о ней ещё сто лет из уст в уста передавался! Всех нас под топор ты подвёл.

– Да как так боярин, я же его...

– Где, вор-то? – не стал слушать Беклемишев.

– Дык, тама – в подвале, – не вставая с колен, Силантий показал обеими руками в сторону тёмного провала.

– Так веди, показывай! – в сердцах рявкнул Иван, – шевелись дубина!

Спустились вниз – в «пытошную». В каменной жаровне тлел огонь. На стене, что насу-против дыбы, висли клочья волос и ошмётки закопчённой кожи толи от ремней, толи от тех, кого этими ремнями вязали. Сбоку низкая дверь с решёткой – за дверью поруб, посередине лежало окоченевшее тело, с обрезанной верёвкой на шее.

– Эх-ма, – в сердцах выдохнул Беклемишев, – не досказал ты вор важного, всё теперь за твоей кончиной сокрыто будет, прими господи душу раба твоего Бориса Лукомского – перекрестился над трупом Иван.

– А ну пусти, – твёрдая рука тронула Беклемишева за плечо.

В поруб¹² протиснулся Гусев. Взгляд холодный, губы в нитку. Присел к мертвецу, посмотрел на петлю на шее, на руки покойника и перевёл взгляд на дверь, на решетку которой пеньковый узел болтался. Оглядел весь поруб, и снова верёвку.

– Тело в ящик и льдом обложить, повелительно бросил дьяк, поднимаясь от трупа, – а нам пора ехать ответ держать.

– Ехать? Сейчас? – Берсень замер у двери.

– К государю, – раздражённо буркнул Гусев в его сторону.

* * *

– ... Стало быть, вопросов сокрытых осталось много, – сухо подтвердил дьяк Гусев. Он вместе с Иваном Беклемишевым в длинном теремном кабинете со сводчатым потолком и низкими дверями, сказывали великому князю московскому Иоанну III Васильевичу о деле. Разговор был тайный только на троих.

– Нет, не верю я в то, что Борис Лукомский сам удавился, – продолжил говорить Гусев. – Причин моего сомнения две: слаб он был телесно, и кроме того, верёвка, что была на шее ныне покойного Бориса – сухая пенька без затяжной петли. Чтобы на такой удавиться, надо прыгнуть с высоты не менее трёх сажень, а в порубе и двух не наберётся, притом, узел от верёвки был завязан на решётке всего в полутора аршина от пола, что ниже роста покойника. По сему, надо всех людишек, что в тёмной избе были имать и допрос учинять.

¹² Поруб – деревянный сруб, использовавшийся на Руси в качестве отдельного места заточения.

– Вот оно что-о-о, – протянул великий князь, он как бы с ленцой провёл рукой унизированной тяжёлыми перстнями с большими камнями по своей русой с проседью бороде, весь вид его показывал некую отстранённость от беседы, но цепкий взгляд был прикован к Гусеву.

– Хитёр ты Владимир в делах посольских, а ноне вижу и в сыскных – хват, я об том буду помнить до другого разу. А пока, – государь встал со своего места и подошел к резному столику возле окна с витой решёткой, – жалую вас слуги мои верные за службу, – великий князь взял со столика два увесистых кошель и подал их дьяку и Беклемишеву.

Гусев и Берсень изумлённо переглянулись. Дьяк пал на колени.

– Благодарствую государь. До последних дней своих буду молиться за оказанную мне тобой честь. Но, токмо чести для верных слуг мало.... Им потребно оправдывать её, великими, угодными тебе делами, а я вижу, что дело, порученное мне, оскудевает. В тот день, когда потребно радеть и не мешкать, всё наоборот затухает, горячий след остывает и канет в небытие. Коли видишь мою вину в том – прикажи казнить, но доверия своего не лишай!

Иоанн Васильевич весело рассмеялся: – Эва как..., – великий князь обернулся к Беклемишеву: – А ну, ты говори.

Боярин пал на колени рядом с Гусевым.

– Великая тебе благодарность за оказанную честь государь, – стоя на коленях, поклонился Беклемишев, – однако, помыслию, что прав Владимир Елизарович. В сём деле мешкать не след. Коли видишь вину нашу в смерти Бориски Лукомского – готовы расплатиться любой ценой.... Но сейчас..., ради твоего блага, блага государства московского не вели это дело забывать.

– Благозвучны слова ваши, – великий князь продолжил улыбаться, – отраднo, что вы есть верные слуги мне и всему государству московскому. Доволен я великим усердием вашим, но на этом закончим мы разговор о Лукомском и всём, что с ним связано. Коли суждено ему было покинуть наш мир, то об остальных его грехах пусть господь позаботится, – Иоанн Васильевич размашисто перекрестился, дьяк и боярин перекрестились вслед за ним. – Однако..., – государь дотронулся до массивного золотого креста на груди, и Берсень припомнил, что точно так же делал и дьяк Гусев, когда собирался с мыслями. Беклемишев чуть повернул голову к дьяку, но тот на его взгляд не ответил.

... – Не забудьте и о своей клятве: сохранить всё о сём деле в тайне, навечно, – чуть понизив голос, сказал великий князь.

– Помним государь! – вразнобой ответили Гусев и Беклемишев.

Иоанн Васильевич одобрительно кивнул головой. – Ступайте слуги мои верные, будет час, призову вас на новую службу. – Великий князь повернулся спиной, давая понять, что разговор окончен.

Поднявшись с колен, Гусев и Беклемишев отвесили поклон, и, пятясь задом к дверям, вышли из великокняжеских палат.

* * *

По переходам и галереям из резного дерева, через большие палаты и просторный зал, дьяк и боярин миновали Передние палаты, и вышли к красному крыльцу. Оба обернулись, и, не сговариваясь, трижды перекрестились на икону спаса над входом.

А вокруг крыльца, на ступенях трёх широких лестниц, да возле них, всё важный народ московский. От середины лестниц книзу – стояли больше родовитые, а за ними, ещё пониже – служилые. Все хотят увидеть государя, предстать пред его ясные очи.

За полдень, небо дышит холодом, первый снег большими хлопьями неторопливо оседает на крыши и дворы. Медленно кружится и застилает собой самый конёк красного крыльца и весь двор, что перед ним.

– Эх, чудно как-то оно..., – глядя себе под ноги, обронил Берсень.

– Ты о чём? – спросил Гусев, внимательно глядя куда-то в середину пёстрой толпы у крыльца.

– Да, вот чудно, говорю... Закончилось наше дело, почитай через пять месяцев на шестой, всё токмо этим жил и вдруг, как отрезало...

– Дело? – дьяк усмехнулся в усы, – это наша служба в этом деле закончилась, а дело только началось, – Гусев указал на троих бояр, что друг за дружкой поднимались по ступенькам великокняжеского терема.

Старший – сам весь седой, взгляд с прищуром; средний – одет во всё чёрное и с лица бледен; младший – в дорогой одежде и красных сапогах, щёголь.

Берсень посмотрел, куда указал Гусев, и, узнав всю троицу, уже хотел было что-то сказать, но его прервал резкий возглас из гудящей толпы:

– Гляди-ко-сь, сызнова греки к государю! Второй раз на дню! Мы – бояре московские, у крыльца дожидаем, а эти прямо в палаты шасть! – басил большой грузный боярин с длинной седой бородой.

– Так, то-ж Ласкарёвы... Их не для совета или розмыслов государь зовёт, а для тайных дел. Чем они живут, токмо богу, да нашему Великому князю известно – словно волки по дорогам рыщут, всё чегой-то ищут, и есть ли на них крест, аль нет – не ведомо... – Вторил первому, другой боярин в высокой бобровой шапке и шубе, крытой синим сукном.

Греки прошли мимо, прямо в те двери, откуда до этого вышли Гусев и Беклемишев, голов не повернули, ни с кем не заговорили и здравия никому не пожелали.

– Неужто по нашему делу они, к государю? – отойдя в сторону от толпы, спросил у Гусева Берсень.

– Может и так, – сдержанно уронил дьяк, – такие дела наш государь не бросает и не забывает.

– А мы? Али не доверяет нам более великий князь? – сдавленно спросил Беклемишев.

– Может и доверяет, да токмо, наша служба ему видать более без надобности, не нами начато, не мы и закончим.

– Стало быть, не греки при нас, а мы при их деле были? – вскипел Берсень.

– Так уж, получается..., – неохотно ответил Гусев, продолжая идти к воротам.

– Как же это?

– Нешто сам не разумеешь? – оглянувшись по сторонам, с горькой усмешкой бросил дьяк. – Крамольные дела, они тёмные, откуда и куда тянутся нити заговора враз не разберёшь. Нас потому к этому делу приставили, что князья, бояре и попы московские родством и делами издревле меж собой, да со многими литвинами накрепко связаны. Ветви родов-дубов сплелись и срослись-сроднились. Кто за кого стоит и супротив кого древнюю вражду питает с наскока не разобрать. В такой чаще, не то, что иноземец..., писчий дьяк из разрядного приказа голову сломит.

– Это, что ж... Мы для Ласкарёвых, навроде гончих на охоте, след унюхали, а дальше – дело хозяйское?

– Добрая гончая издалека чует зверя, но не видит его, от того и петляет, а сокол с высоты полёта зверя зрит. А коли соединить их? Вот то-то и оно. Наш Иван Васильевич премудр, паче всего в людях разбирается, знает какого человека к какому делу пристроить.

– А что же, теперь? Пробрались через дебри, учуяли зверя и, ненадобны мы?

– Стало быть – так....

– Ну, нет! Не по мне это. Такое дело не след на полпути бросать. Теперича, я ещё пуще сведать желаю, как оно так всё сплелось, и почему государь оставил это дело грекам?

– Что же ты государева слова ослушаешься? Своеволишь?

– Да рази я для своевольства, а не за ради государя? Нет, батюшка мне сызмальства говаривал: «все дела до конца доводить надобно», – так я и приучен.

– Да уж знаю я твоего батюшку, – улыбнулся Гусев, – не раз посольские дела вместе правили, только он не так горяч.

– Эх, Володимир Елизарович, всё бы тебе: по посольскому, да по писанному, а в этом деле вишь как

– Как? – удивлённо поднял брови дьяк.

– Тот делу рад, кто сам хват.

Гусев покачал головой и усмехнулся в бороду, что ещё сильнее распалило Беклемишева:

– А вот ты сам столько трудов положил и неужели не обидно тебе?

– Обидно? Пожалуй, что нет. Сыскное дело оно непредсказуемое, а потому не по мне. Да и на кого обижаться то? На государя? – дьяк пожал плечами.

– Не о государе я сейчас, а о том, что дело бросать не след, – в сердцах махнул рукой Иван.

– То есть, всё-таки, затаил обиду? – подначил Гусев.

– Нет, не обиду... Но успокоения мне нет, и поделать я с собой ничего не могу – шуба овечья, а душа человеческая, – не мог остыть Беклемишев. – И мыслю я, что коли влезли мы в это дело, нам и надлежит его до конца довести. Я бы и сам управился, токмо не знаю, как теперь подступиться.

– Подступиться не сложно, а вот отступить, потом будет тяжко. Ну коли решил, отговаривать более не стану, – дьяк пригладил свою бороду и кинув взгляд на оставшуюся позади на ступенях шумную толпу, продолжил: – все ведомые нам следы у тебя как на ладони.

Берсень непонимающе посмотрел на Гусева, и тот, уловив взгляд Ивана, пояснил:

– Да вот они: покойник Борис, те, кто был в допросной избе и конечно сами Ласкарёвы...

– Ну, про тех, кто был в избе – это я и сам думал, а греки, они-то как? – с нетерпением спросил дьяка Беклемишев.

Гусев поморщился, но продолжил:

– А сколь раз ты встречал Илью Ласкарёва, когда ён с Литвы да порубежья возвращался, чего ж не спросил, как он Бориса сыскал? Как он исхитрился захватить только его одного и при том уйти от прочих братьев Лукомских. Ведь те, небось, были где-то поблизости?

– Да много ль с ним поговоришь? С им и его меньшим братом всё едино, что хлеб, что мякина, – затараторил Берсень. – Лопочут меж собой не по-нашему, а нам о деле всего два слова и фьютъ – только пыль за ними по дороге.

– То-то и оно... тайна за ними. Вот, ежели бы ты с ними вместе, где побывал, то глядишь, чего и узнал бы. Но прежде, подумай, надобно ли это тебе? – подытожил Гусев.

– Надобно! Ой, надобно. Всё выведаю. Жив не буду, а узнаю! – запальчиво воскликнул Беклемишев.

– Эх, Иване, много в тебе бродит бесовского, а смирения нет. Так и до беды недалеко. Многому тебе ещё учиться надо. Ты б, хоть книги читать начал, в них обило многомудрости.

– Эва, книги, – нетерпеливо отмахнулся Беклемишев, – это в каких таких книгах прописано как крамолу извезть? Сколь разов я их открывал, а там всё о божественном, про мирское-то ничего. Опять же, вот и у тебя тоже сколь учуся, но это мне, покамест, всё уразуметь не помогает.

– Книги, они бывают разные и о разном..., – как бы про себя оборонил дьяк – А у меня ты не особо и учился, так... приглядывался. И постичь смысл всех шагов не пытался, – чуть прикрыв глаза, тихо сказал Владимир Елизарович.

– Да говорю ж тебе: мне писанная в грамотах, да книгах наука не к чему. Не по мне тако занятие, – с напором пояснил Иван. И, заметив, неудовольствие на лице Гусева, продолжил уже тише.

– Ты, мне лучше о настоящих делах обскажи. О наших. Вот это как раз то, над чем мне охота подумать, да постараться.

– Эх-хе-хе, – по-стариковски покачал головой дьяк Гусев. – Горяч ты. Мой совет – оставь всё это. Узнает государь – не сносить тебе головы.

– Нет, Володимир Елизарович, теперь уже не могу, не такой у меня характер, а за вешее дело и головы не жаль, – Берсень возбуждённо сверкнул рысьими глазами и притопнул ногой.

– Знать ты уже решил, что делать будешь, коль до государя дойдёт, что ты ослушник? – с хитрецей во взгляде спросил дьяк.

– Да, там уж будь, что будет. А ежели чего, то всё брошу и на войну уеду. Тама, чай, сподручнее будет и проще. Вот враг, а вот мы, и побеждает тот, у кого сила в руках!

– Эх-хе-хе... Коли так, то на этом пора нам расстаться Иване. Расходятся наши дороги, помогай тебе бог! – Серьёзно взглянув на Берсень, сказал Гусев.

Иван Беклемишев опешил. Он в растерянности растопырил руки в стороны и подался всем телом вперёд. Но через мгновение уже совладал с собой.

– Спасибо на добром слове... Бывай, Володимир Елизарович, – со скрытой обидой бросил Берсень, и резко развернувшись, зашагал прочь.

Гусев остался стоять на месте. Снег медленно падал на его плечи и седую бороду. Дьяк смахнул прилипшую к реснице снежинку и медленно перекрестил удаляющуюся фигуру Ивана Беклемишева.

– Помогай тебе бог.

* * *

Берсень поторапливал коня от государева двора. Уязвлённое самолюбие и мысли о том, что последние месяцы он жил как кукла в чужих руках, жгли его изнутри.

Влетев на отцовский двор, он, наперво приказал готовить допросную избу. Ничего не понимающая дворня мялась в нерешительности, и это окончательно вывело Ивана из равновесия. На крики Ивана, подгоняющего к избе вялую дворню, вышел отец.

– Почто шумишь, сыне? – ровным рокочущим басом спросил Никита Беклемишев.

– Да что же это, батька, холопы совсем обленились, наказов не исполняют, по углам шорочаются, а мне надо дело вершить.

– Не хватит ли на сегодня? – с ленцой потянулся боярин Никита.

– Э-нет, батька, поспешать мне надобно, пока след не остыл, с людьми из нашей допросной избы перемолвится, да хорошо покумекать.

– Так люди наши, вроде как за тобой отъехали....

– Как отъехали? Когда? – встрепенулся Берсень.

– Ну как же... Вслед за тем, как ты с дьяком со двора выехали, заскочил грек этот, ну..., седой такой..., Ласкарёв... Был он с сыновьями и двумя воями. Все верхами, да одвуконь¹³. Забрали домовину¹⁴ с покойником Борисом, нашего ката¹⁵ и подьячего, вроде как по государеву слову. Я думал, что ты с Гусевым о том знали.

– Не знали мы о том! Не знали! – выкрикнул Берсень. – Видать греки только и ждали нашего отъезда со двора, чтобы людей допросных имать.

– Т-а-а-к, – боярин Никита отвел глаза в сторону, а я ещё им розвальни¹⁶ под домовину дал и отрока из дворовых...

– Зачем?

¹³ Одвуконь (*старо русск.*) – на одном коне с одним запасным конём.

¹⁴ Домовина – деревянный гроб.

¹⁵ Кат (простонарод.) – палач.

¹⁶ Розвальни – низкие и широкие сани без сиденья, с боками, расходящимися врозь от передка.

– Ну как же иначе..., люди с государевым словом... дело у вас общее... Отрок им и листы снёс, что у тебя в горнице лежали....

– О господи! Батька! Было общее, было.... А, теперича, государь отставил меня и дьяка Гусева в сторону, – печально уронил Иван.

– Как так «отставил»? – боярин Никита стал темнее тучи.

– А вот так, поблагодарил за службу, наградил кошелём и приказал всё забыть....

– Стало быть, в немилости ты?

– Того великий князь мне не сказывал..., напротив, называл верным слугой своим. Но всё одно, чую я, что провели меня греки, как мальчика неразумного.

– Греки... уж сколь годов так-то... При них переменился дедовский порядок на Москве эх... Но, не в энтот раз! Этого случая не спустим, завтра же государю челом ударю на их обманку! А сейчас пока всё обмыслить надобно – идём вечерять. – Никита Беклемишев обнял сына за плечи, и они скрылись за дверями своего дома.

* * *

Погружённый в свои мысли посольский дьяк Владимир Елизарович Гусев медленно подъехал к воротам своего дома. Он без лишней суеты слез с коня и толкнул калитку.

– Эй! Коня примите! – крикнул Гусев во двор, мысленно удивляясь, что никто из дворни не увидел, как он подъехал, и как это было заведено, заранее не открыли ему. Необычно молчаливые холопы с запоздалой резвостью распахнули ворота и забрали коня. Владимир Елизарович сделал пару шагов и заметил, что во дворе, под навесом стоял ещё один осёдланный конь – чужой, а со ступеней крыльца его дома навстречу, широко улыбаясь, сошёл боярин государственной тайной службы.

Гусев давно был знаком с этим боярином, знал, что настоящее его имя Феодор Ласкарис, и никогда не верил в те сплетни, что рассказывали об этом человеке. На Москве этого грека все привыкли звать на русский лад – Фёдор Ласкарёв, что нисколько не задевало боярина. И хотя приятелями Гусев и Ласкарёв не были, но определённую симпатию друг к другу испытывали. Поэтому, без лишних предисловий, Владимир Елизарович проводил боярина в дом и усадил за стол. Тут он и выложил ему своё видение недавних событий, не забыв упрекнуть Фёдора и его сыновей в излишней скрытности. Гусев говорил ровно, но с редкой для себя желчью. Толи день сегодня был уж слишком ненастным, толи остался осадок от разговора с Берсенём, а может быть собственные давние мысли дьяка выскочили наружу. Как бы то ни было, но в конце своей речи, Гусев даже встал из-за стола и повысил голос, что случалось с ним не часто.

Грек не обиделся, а только кивнул головой и чуть лукаво улыбнувшись, сказал:

– Твоя правда, мы, может, кое в чём и перестарались, но уж больно странно всё в этом деле: как выйдем на поиск – засада, как нападём на след – тупик, а споймаем злодея – он либо молчит под пытками, либо вот – богу душу отдал.

– Неужто, меня, в чём подозреваешь боярин? – вспыхнул Гусев.

– Теперь уже нет, а за прошлое прости, – повинился Ласкарёв.

– Теперь?

– Ты ведь ведаешь, я верный слуга государя и государыни и что велят, то и сполняю.

– Ну да, ведаю. Токмо на деле ты есмь слуга *государыни* и государя, – поправил Гусев.

– Разве сие не суть одно и то же? – заулыбался старый боярин.

– Вообще-то нет, но продолжай.

Ласкарёв с охотой кивнул.

– С чего всё, зачилось, помнишь?

Гусев помнил: сначала в Новагороде объявились попы-еретики, а как им развязали языки и пошли имать тех, кого они на пытке назвали, так и открылось тайное: о заговоре супротив

государевых порядков и церковных устоев. Дале хуже было: в самого государя со стены кремлёвской кто-то стрелу метнул. Целую седмицу всю стражу кремлёвскую трясали да допрос учили, но злодея так и не сыскали. Вот и повелел государь заняться поисками лихоимцев ему – дьяку Гусеву, а для пушей ловкости дал, якобы в подмогу Ласкарёвых.

– Я поначалу тоже решил, что всё связано с делами иноземными, ведь иначе государь поручил бы сие дело не мне..., – с горечью в голосе начал Владимир Елизарович. – Однакось, по всему вышло, что тут лишь интересы тайной службы, тогда почему я? Ведь мой промысел – посольства править, а не за крамольниками рыскать.

– Э-э дьяк, да ты-ж сам и ответил на свой вопрос, – продолжил улыбаться боярин Ласкарёв, – потому ты и нужен на сём деле, что известен своей рассудительностью, да острым умом, и тем, что нельзя тебя ни купить, не запугать.

– Но теперь то, всё...? Сколь трудов, а стал уже не нужен, государь от дела отставил, – уронил Гусев.

– Владимир Елизарович, ты никак отчаялся? А может, ты просто устал?

– Возможно. Но когда твое дело оказывается с тройным дном, тут любой придёт к невесёлым мыслям. Однако, ты тут не за тем, чтобы пустые речи вести? Так? Коли приехал, так уже не темни, говори, как есть, чем могу – помогу, чай не враги мы.

– Иного от тебя и не ожидал, – обрадовался Ласкарёв.

Гусев поднял глаза на Фёдора Ласкарёва. Греку было уже за пять десятков. Сухощавый и статный, Ласкарёв казался даже несколько изящным, как юноша. Уроженец далёкого Константинополя, он был стремителен в поступках, но мягок в жестах, поступь имел плавную почти не слышную – кошащую. Взгляд холодных глаз грека был резок. Речь гортанная и певучая, почти без акцента. И хотя лицо Фёдора было в морщинах, а волосы на голове и в бороде был совсем седыми, сам грек мало походил на степенного старца. – Он был из тех людей, которых прожитые годы не сгибали в гнусного брюзгу, а как будто «натирали до блеска».

– Вот ты, Владимир Елизарович давеча попенял мне, что мол, тайн много, и тут ты прав, возразить мне нечего, но тайны-то они у всех есть. Большие али малые, но есть, иной раз даже и человек тебе знаком, а не знаешь, что за тайну он бережет. У тебя ведь ранее в посольских делах разве так не бывало?

– Ну, там сие, само-собой..., – нехотя буркнул Гусев.

– Да, – подхватил Фёдор, – вот ноне, до государева поручения, ты всё более по иноземным делам радел, однако ведь не всегда было так, сказывают, что по молодости и воинского дела не гнушался?

– К чему это ты ведёшь? – встрепенулся дьяк.

– Да просто к слову пришлось, – как будто простецки, пожал плечами грек.

– Ты, Фёдор Кананович со мной не хитри, чай не малец я, поседел на государевой службе, – с раздражением сказал Гусев.

– Да, что ты, какая уж тут хитрость, – с лёгкой усмешкой ответил Ласкарёв, – просто хотел спросить о делах твоей юности, да о сотоварищах, с кем службу ратную ты нес.

– О ком вопрошаешь? – дьяк прищурил глаза.

– Да вот, хотя бы о твоём былом товарище, об Иване Курицыне, ведь по молодости вместе же на рубежах да заставах не один год провели, али не так?

– Вон чего тебя беспокоит..., – недобро протянул Гусев. – Что ж, была у нас дружба, пока он молод был, да ноне её уж нет, хоть и в одном приказе мы с Иваном, но как ты сам ведаешь, начальным головой у нас его брат, что в ближних людях к государю. Да и сам Иван теперь важным стал, к себе не зовёт, и в гости не заезжает, разошлись наши дорожки врозь.

– То всем давно известно, – продолжил улыбаться боярин Фёдор, – но я хочу спросить о другом: как считаешь, зачем Иван послал Бориса Лукомского в Литву к князю Соколинскому,

и почему тот поехал? Ведь гонец-то больно непростой, – глаза Ласкарёва смотрели прямо на дьяка, как будто хотели пригвоздить его к месту, где он сидел.

– А откель ведомо, что это Иван послал Лукомского? – удивился Владимир Елизарович.

– Ну, ты же не думаешь, что мы даром тратим время на государевой службе, – уклончиво сказал Ласкарёв, – так всё же..., как мыслишь, почему именно Борис стал посланцем и зачем он туда поехал?

– Кабы я доподлинно всё знал, нешто утаил бы? – вопросом на вопрос ответил Гусев.

– А я вот и хочу это у тебя спросить, ведь может так стать, что ты чего-то не договариваешь. Нет, я, конечно, не верю, что ты в сговоре с Курицыными, но сердцем чую, что между Иваном и Соколинским что-то есть. А ты, если не знаешь об этом, то можешь догадываться, в чём сейчас дело!

– Побойся бога боярин! – вспыхнул, обычно сдержанный дьяк, – всё, что было мне ведомо об этих людях, осталось далеко позади, юнцами мы тогда были, и ничего с той поры не осталось, окромя воспоминаний.

– Кабы я боялся бога – тут бы с тобой не сидел, а обратился бы к другому человеку, скорее всего священнику, – всё с той же усмешкой продолжил Фёдор. – И ещё раз тебе повторю, что никто тебе не пеняет, но как человек, не верящий в совпадения, прошу – обмысли мои слова, может чего и надумаешь.

Ласкарёв качнулся всем телом назад, намереваясь встать из-за стола, но Гусев, не поднимая опущенной головы, хлопнул ладонью, чем вызвал едва заметно замешательство на лице боярина и остановил его порыв.

– Вот ты сказал про священника, а ведь получается, что к нему и надо....

– Не понимаю тебя Владимир Елизарович, – слегка растягивая слова, проговорил Фёдор.

– Что ж... была одна история. Сейчас она уже подзабылась, но я как услышал от Бориса покойника про старого князя Соколинского, так сразу её и вспомнил. Правда, сразу упрежу, что всё, что я помню совсем не касаясь отношений между Москвою и Литвой и не думаю, что этот вообще как-то связано с нынешним делом, так как Соколинский и Иван Курицын совсем не друзья, а скорее наоборот.

– Ну-у, – протянул Ласкарёв, – ты уж Владимир Елизарович поведай, а опосля, вместе обмозгуем, может, сообщая и поймём чего, ведь две головы одной лучше?

Гусев согласно кивнул, и начал свой рассказ:

– Было всё это на последнем году нашей порубежной службы, Иван тогда совсем мальчишкой был – борода ещё не отросла, состоял он по просьбе его отца при мне, к ратному делу обывкал. У князя Семёна Соколинского была дочь-красавица, звали княжну Анной. И вот посватался к ней юный Иван Курицын, всё честь по чести. Соколинские, несмотря на то, что женишок был моложе невесты, оказались не прочь породниться с Курицыными, ибо те уже тогда были не чужды великокняжескому московскому столу. Но вот только сама Анна любила другого – в младенчестве ей наречённого княжича Василия Бобровского. Он из родовитого, но обнищавшего древнего литовского гнезда, но собой был хорош и наукам разным обучен у латинян в граде Праге. В ту пору, он как раз возвратился под отчую крышу, так как при дворах иноземных, не имея протекции и денег, имени себе не сделал. Княжна была послушна отеческой воле, но девичье сердце указывало ей другой путь. Так и металась она почти год, но не выбрала, ни одного из них.

– И тогда она, бежала? – хитро сверкнув глазами, спросил Ласкарёв.

– Да..., при помощи бритвы..., – Гусев замолчал и перекрестился. – После такого, сам понимаешь, Семён Соколинский еле пережил позор, и возненавидел и Ивана Курицына, и Василия Бобровского, а четверо его сыновей поклялись на могиле сестры снести головы обоим неудавшимся женихам, так как именно в них видели зло, кое сгубило княжну Анну.

– Мда, – сухо произнес грек и задумчиво провёл рукой по своей белёсой бороде.

– Вот видишь, я же говорил тебе, что это дело, нынешнего не касаемо, – с печалью в голосе подытожил Владимир Елизарович.

– Так-то оно так, но как знать.... Об этом надо ещё поразмыслить, авось что-нибудь, да выплывет, хотя дело и старое. Однако-сь, уже в нынешнюю пору Курицын ведь зачем-то посылал Бориса к старому князю? Али прошлые обиды позабылись?

– То есмь загадка и для меня.

– А к чему ты обронил, что, мол, к священнику и надо? – зацепился за мысль Ласкарёв.

– Так, ведь Василий Бобровский после того случая как раз в монахи и подался, и как я слышал, стал священником, где-то в Новагороде.

– Что-ж..., надоть его поискать, может и приоткроется сия тайна, а я чую, что коли поймём мы, что есть нынче между старым Соколинским и Курицыным Иваном, так и доберёмся до самого дна колодца, из которого и проистекает зло, – уверенно сказал Фёдор.

– погоди, боярин, но, ежели ты прознал, что Курицыны враги нашему государю, отчего ж не молвишь ему об этом? – обескураженно спросил Гусев.

– Я измену сердцем чую, а видаков их делам у меня нет.... Пока нет, – Ласкарёв сжал перед собой жилистый кулак.

– Ну, тогда и суда нет, – пожал плечами дьяк.

– Пока нет..., – повторил грек.

– А скажи-ка боярин..., – снова остановил собравшегося уходить Ласкарёва Гусев, – всё-таки, почему государь отставил меня и Беклемишева от сего дела?

Грек в ответ как-то невесело хмыкнул и вместо обычного прищура посмотрел дьяку в глаза спокойно и открыто.

– Он не токмо тебя от дела отставил, он это дело приказал забвению придать, насовсем.

– Но ты, же всё одно спрос ведёшь..., – удивился Владимир Елизарович.

– Я? Спрос? Нет, что ты..., – рассмеялся грек, – это у нас так..., шутейная беседа.

– Ну-ну, горазды вы, греки, в шутках, особливо в тех, которые вокруг да около тайных дел.

– Такова наша служба, – хитро подмигнул Ласкарёв и, коротко поклонившись, скорым шагом вышел.

– Или натура..., – пробурчал ему в след Гусев.

* * *

Государев думный дьяк Фёдор Васильевич Курицын был человеком прозорливым и вдумчивым, наверно потому и ведал всеми посольскими делами при государе Иоанне III Васильевиче. И хотя, по долгу службы, он ежедневно распутывал нескончаемый клубок государственных дел, суеты сей муж не любил. С тех пор как три года назад при посредничестве крымского хана и венгерского короля, он благополучно удрал из турецкого плена, в жизни его многое изменилось. Вне стен государевых палат он стал менее словоохотлив и почти перестал бывать на многочисленных боярских пирах, ближних друзей почитай всех растерял, и его редко можно было увидеть с кем-либо, кроме своего брата Ивана, прозванного в народе «Волк». Меж бояр ходили слухи, что он в быту превратился почти в монаха, вкушал пищу всё больше скоромную, мёда и вина вовсе не пил и с женой почти не встречался, при этом никакой женской ласки на стороне не искал. Время своё проводил или на службе при государе или за книгами. Но совсем иначе выглядел Фёдор Курицын в делах шпионских. Сей дьяк, широко раскинул сети заговоров и провокаций, а нити его связей уходили далеко на запад. Фёдор Васильевич не был мягок: всё планировал заранее, о победах своих не распространялся, а провалы переносил спокойно, без падения духом.

После вечерней зари, как это часто бывало, Фёдор Курицын вместе со своим братом Иваном, заперлись в покоях, что выходили окнами во двор его усадьбы. Запалив всего одну свечу, Фёдор Васильевич поставил её по центру широкого стола, заваленного бумагами и свитками, и на ходу повернувшись к брату, спросил:

– Не было ли сегодня гонца?

Не дожидаясь ответа сел, напротив, без умысла раздвинув несколько бумаг на столе. Посмотрел на отрицательно качнувшего гривой своих серо-пегих волос Волка.

– А про случай на Беклемишевом подворье ты уже что-то ведаешь, брате?

Иван снова покачал головой. Фёдор чуть шевельнул бровью и продолжил:

– Что ж. Будем надеяться, что неудача в сыских делах не приведёт молодого Беклемишева к разочарованию, и он останется прежним врагом тех, кто злоумышляет на государя. Теперя... – размышлял вслух Фёдор Курицын, – ...следует подумать о нашем на него воздействии.

Волк плотоядно ухмыльнулся и провёл пятернёй по своей густой пегой бороде:

– Прямо с языка снял, брате. Именно сейчас, когда всё так обернулось, он, пожалуй, будет охоч до нужного нам дела.

– Расскажи мне о нём.

– На службе государевой, как ты знаешь, он не давно, но рвение проявляет. На отца своего похож только внешне, но не характером, больно норовист и колок, почти как его дядя – воевода Семён. Как и все в их семье, Берсень строгих нравов, ни в каком разгульстве и мотовстве замечен не был. Пока холостой. Грамоту разумеет, в приказе служит исправно.

– Как воспринял свой отвод от дела?

– Что было у государя и о чём там говорили, то мои соглядатаи не узрели. А опосля, был сдержан

Фёдор Курицын удовлетворённо кивнул и сказал:

– Такой человек нам и надобен. Очевидно, что с потерей Бориса Лукомского некоторые наши дела замедлились. Пора их расшевелить.... Но покойник Борис, своей кончиной сослужил нам последнюю службу. Немалых трудов стоило мне убедить государя в том, что сыск, ведомый Гусевым и Беклемишевым всё пустое, и если бы не эта смерть, то так скоро не закрыть бы эту язву. Жаль княжича-молодца, но что было делать, коль споймали его? Вдруг заговорил бы? – по привычке в полголоса проговорил Фёдор Курицын. – Да, к слову, а что там с телом несчастного Бориса, где оно? Где-то схоронено? Али его забрал отец?

– Про похороны я ничего не ведаю. Однако, доподлинно, что старый князь Иван Лукомский ныне не на Москве, он токмо на день Апостола Иакова к Москве возврататься с богомолья должён, об том у нас уговор был. Так что, мыслю он ещё ничего не знает.

– Значит... тело всё ещё на подворье Беклемишевых? Что говорит твой человек?

– Мой человек пропал, – Волк скривился, как от зубной боли. – И нутром чую – тут не обошлось без Ласкарей.

– Худо, – буркнул в ответ Фёдор Курицын. – Сие, очень худо, брате, снова эти клятые греки плюют в кашу, что мы заварили. Н-да... А как к Ласкарям относится Берсень?

– Да, без особой приязни.

– Это для нас хорошо, но тело Бориса надо сыскать. Для нас вообще лучше, если бы это тело больше никто и никогда не увидел, пусть он просто сгинет. Ну а с Берсенём, после....

– Есть у меня один человеке..., – Волк хищно улыбнулся, – ... он могёт.

– Это тот, о ком я думаю? Быть по сему, – не возражал Фёдор Васильевич. – Пусть займётся. Как там его кличут?

– Ныне он прозывается Тихон.

– Вот и добро. Пущай будет «Тихон», – согласился дьяк. – Итак, любезный брате, пока я буду весть догляд за Беклемишевым Ивашкой, ты – готовь послание к нашему другу, пусть ведаёт, что тут у нас. Он же уже в монастыре?

– По времени, должен там быть, но вестей пока не подавал. Видать затаился.

– Это меня и тревожит, но пока..., мы подождём, – Фёдор Курицын рукой накрыл и погасил свечу, давая понять, что разговор окончен.

Волк тяжело поднялся со своего места и вышел, оставив дверь открытой.

Глава вторая

Тени и ересь

Ночь.

В храме темно и холодно.

Лишь несколько свечей мерцают у алтаря, да чуть тлеющие лампадные огоньки теплятся под образами.

Перед самым аналоем¹⁷, на коленях, старец в простой чёрной рясе.

– ...Святый боже... Святый и милосердный. Спаси и помилуй мя, грешного..., – шёпот молитвы как сухой осенний лист отлетает вверх, ударяется о потемневшие от времени фрески с ликами святых и исчезает где-то там – под куполом.

Молился старче долго, осенял себя крестным знамением, бил в пол поклоны земные. Совсем устал. С трудом поднялся с колен, и, шаркая по каменным плитам, прошёл через церковный мрак, до самого предела у входа. Обернулся, окинул взглядом оставшиеся далеко в сумраке алтарные иконы, что-то прошептал под нос и вышел из храма.

Ожидая его, в смиреннии застыли дюжие монахи-телохранители и подьячие-писцы. Подбежал иподиакон-посошник и подал старцу его митрополичий жезл из рыбьего зуба¹⁸, сзади одели на седую голову белый клобук, накинули долгополую шерстяную накидку подбитую мехом. Не вымолвив ни слова, старче опёрся на плечо одного из монахов, и шагнул к лестнице в свои митрополичьи палаты.

В покоях, оставшись один, всё вздыхал в раздумье митрополит. При свете единственной свечи, склонил голову над раскрытым евангелием, как будто пытаюсь найти в нём утешение и ответы на свои вопросы. Никак не шли у него из головы слова, сказанные его ночным гостем.

Нет нигде спокойствия, везде глаза и уши недругов, и ему – митрополиту всея Руси Геронтию¹⁹, приходится под предлогом уединённой молитвы тайно вести разговор в пустом храме.

Очень непросто, ловок и осторожен тот, кто ещё с весны по условному знаку, приходит на встречу в храм. Как будто и не человек вовсе, а тень. Встречается во тьме, ни лица его не видно, ни голоса в шёпоте не запомнить, а сам он в ночном безмолвии всё видит и слышит.

Лёгкая дрожь сотрясала митрополита, когда он сегодня шёл в храм, он знал, что ночной гость не приходит с добрыми вестями. Геронтий хотел, и одновременно, не хотел знать эти вести. Старец часто дышал, он ждал слов, как ударов.

– Ты здесь? – дребезжащим голосом спросил он у темноты. В ответ послышался лёгкий шорох и еле слышный ответ «да».

– Говори, – сухо произнёс Геронтий.

– Борис Лукомский задушил твоего посланца Патрика, якобы по указке князя Соколинского, однако с благословения из Москвы, – холодным шёпотом сообщил посланец митрополиту. Тот, мелко крестясь, содрогнулся, и склонил голову, но взял себя в руки, и только одинокая слеза об убиенном ученике скатилась в седую бороду старца.

– Но много Борис не досказал, его самого задавили в допросной, – продолжил шёпот.

Митрополит сотворил ещё одно крестное знамение и поднял глаза вверх:

– Не выдержал пытки убивец, – прошептали его белёсые губы.

¹⁷ др.-греч. (ἀναλόγιον, ἀναλόγιον – подставка для икон и книг) – употребляемый при богослужении высокий четырёх-угольный столик с покатым верхом.

¹⁸ Рыбий зуб (устар.) – моржовый клык.

¹⁹ В те времена митрополитов с титулом "Московский" на Руси не было. Сама архиерейская кафедра в Москве появилась в 19 веке. Русские митрополиты претендовали и на Киевскую кафедру, и потому не могли взять себе только московский титул.

– Нет, Борис умер не на пытке, а после неё, по указке того же, кто приговорил Патрикея.
– Ах ты, господи, – восторгнулся старец, – а ведомо ли о том Великому князю?
– Всё ведомо с подробностями, но на этом, дальнейшее дознание государем велено останавливать, – леденяще прошелестел шёпот у самого уха старца.

– Так, то-ж... На веру нашу, и, на него самого крамола! – почти в голос воскликнул Геронтий и отшатнулся.

– Он не поверил.

– Аки так? Почто? – митрополит шагнул навстречу своему гостю и тот отступил ещё дальше в темноту.

– То ведомо лишь самому великому князю, но все знаки указывают на то, что он не впервой закрывает глаза на деяния этих лиходеев. Подле него, теперь, вдосталь шпырей да худых бояр, через них, да через их покровителей ересь как мор добралась и до палат самого... государя.

– Тише! – Геронтий взмахнул тощими как ветки руками в темноту, в ту сторону, где стоял его собеседник. – Речи твои охальные! – Митрополит вновь покачнулся на месте, привычно ища опору на посох, который он оставил при входе в церковь.

– Ох..., господи, грехи наши тяжкие. Почто нам така кара? Ну так, кто? Не молчи! Назови кто же отдал приказ..., – серо-бирюзовые глаза старца блеснули в полутьме недобрым огоньком.

В церковной гнетущей тишине никто не ответил.

– Ты тут? Чего замолчал? – Геронтий выставил вперёд себя сухие старческие ладони, как будто пытаясь нащупать собеседника в темноте. – Эй, человеце! – в голос позвал митрополит.

– Тсс..., – отозвался голос где-то за спиной Геронтия. – Не так громко... Ведь служки твои у дверей, недалече, а уши их тут – рядом.

– Так не томи, отвечай, – упавшим голосом,дохнул старец.

– Всё те же, отче, что и в Новгороде... А, покрывают их... Сам ведаешь, кто, – отозвался из темноты голос.

– Опять охальничают Новгородские еретики, и покровители их – дьяки Курицыны..., – медленно произнёс мысли вслух митрополит. – Неужто им всё мало? Ведь иножеж²⁰ – на плахе трое головы уже сложили, – воскликнул старец и замолчал.

В темноте раздался вздох.

– Они верят в силу свою. С тех пор, как те из них, кто сеет ересь бежали на Москву и были укрыты людьми великого князя, промеж этих, только и разговоров, что о конце опалы и полном прощении государем. И..., тобой, святейший.

– Кающихся еретиков следует прощать и миловать, но токмо, ежели их покаяние верно, а не притворно, – скороговоркой пробубнил старец.

– Вестимо, что вещий пастырь узрит покаянных среди иных притворных, – продолжил с усмешкой голос.

– Распалить во мне гнев хочешь? – свистящим сухим шепотом спросил митрополит, – почто так грешишь человеце?

– Коли оный для дела потребен, то это не я, а сам господь возжигает, – подначивал голос.

– Не монаше это дело – во гневу, аки в огне быти, – резко отрезал митрополит. В темноте воцарилась тишина.

Геронтий, уже с трудом мог совладать с собой. Его била мелкая дрожь. Старец корил себя за то, что так мало сделал, чтобы много не случилось. Внезапно митрополит почувствовал удушье, и глаза ожгло, словно дым горький в лицо попал. Геронтий замолчал, коснулся креста

²⁰ Иножеж (др. русск.) – только что.

на груди и поднял взгляд поверх алтаря, как будто ожидая, что так ему станет легче. Он так и застыл на месте, пока где-то сбоку не послышался лёгкий шорох.

– Хватит. Нынче о сём боле речей со мной не веди, – помедлив, бросил в темноту старец. Лучше обскажи, об чём таком просит архиепископ, что не доверяет письму? – всё ещё негодуя, спросил митрополит.

– О четвёртом еретике, что сидит на цепи в подвале под церковью Михаила.

– Крови желает? – шёпот Геронтия вновь стал свистяще-яростным.

– Нет, – тихо откликнулся голос, – хочет его спасти.

– Спасти? От чего? От суда церковного? А бог? А вера? Как с ними быть? – старец потряс в воздухе сжатыми кулаками.

– То для нашего дела. Отреши еретика от монашества и пусть будет он в остроге, сие будет справедливо и богоугодно.

– Много ты понимаешь, что ЕМУ угодно..., – проворчал митрополит, указывая пальцем вверх.

– Так, что передать архиепископу в Новагород? – торопливо спросил старца голос.

– Передай..., что, ладно... Пусть будет, как он желает, – смягчившись, ответил Геронтий. – Да, к торгу Новгородскому и люду, что тама обретается, пушай он взор свой обратит. Верный голос есть, что оттуда крамольники серебро имут. Об остальном, я сам ему отпишу, как господь сподобит, – вяло добавил Геронтий.

– Исполню владыка, – еле слышно ответил голос. – Благослови, и я удалюсь, ибо теперь не ведаю, когда сызнова сподобит господь свидеться. Там, на новгородчине мелькнул след сатанинского ересиарха Сахарии, и я поклялся изловить этого аспида.

– Фу! Не произноси этого имени в храме господнем! – отмахнулся от темноты Геронтий. – Вот ведь напасть! Трижды перекрестившись и сотворив поклон иконам, старец обернулся.

– Благослови тебя Господь, и я, своим словом благословляю тебя, – митрополит перекрестил темноту, хотя знал, что там уже никого нет, только лёгкие удаляющиеся шаги отозвались где-то в церковной глубине.

Повернувшись лицом к алтарю, старец снова пал на колени.

* * *

Иван Берсень Беклемишев не находил себе места.

Отец, как и обещал, издали заикнулся великому князю, что, мол..., слуги его верные ноне как будто от дела отставлены, но государь ничего не ответил, лишь грозно посмотрел в ответ. На том вроде бы всё и закончилось. Но через день был посыльный с грамотой от Иоанна III, в которой он указал Берсеню взять под свою руку дела сразу в двух повытах приказа Большого двора²¹ и приступить к службе с будущей недели. Такое назначение удивило всех Беклемишевых, никто из них к писчим делам отродясь отношения не имел. Но спорить с государем, конечно, они и не помыслили.

Иван к новому назначению отнёсся легко: «авось не пропаду, всё-ж хоть какое дело», – сказал он отцу, а сам, на другой день сунулся на подворье Ласкарёвых, что раскинулось близ монастыря Николы Старого, с желанием увидеть кого-то из хозяев этого места. Но греки из посольских служек разных фамилий, жившие на этом подворье с разрешения самих хозяев, промурыжив его, сколь могли долго без ответа, в итоге отвадили, сказав, что самих служилых бояр нет, и куда они уехали никому не ведомо.

²¹ Приказы – органы центрального государственного управления на Руси (являются прообразом современн. министерств).Повыт – отделение в приказе, ведающее делопроизводством. Приказ был поделен на отделы, так называемые «повытья».

Подручных, что были при допросах Бориса Лукомского, тоже не сыскать. Все разом как в воду канули. И никаких следов.

Даже за советом не к кому обратиться. Дьяк Гусев и тот, к брату в Тверь отъехал.

Засела в душе Берсенья болотная грусть, изнутри облепила всё вязкой тиной.

Вот в таком настроении Иван медленно ехал по Москве, правя коня своего по улицам наугад. Пока возле церкви Никиты у Ямского двора вдруг не приметил самого младшего из греков Ласкарёвых – Дмитрия.

«О-па, а вот и молодой», – мысленно сказал сам себе Берсень и, пристроившись за дровяными санями, решил переждать, да понаблюдать, за ним.

Грек о чём-то говорил со странным человеком – старцем с длинной бородой, не то монахом, не то странником. Беклемишев, чтобы остаться неприметным, соскользнул с седла и стал аккуратно подкрадываться. Оставаясь в тени дома, он, шаг за шагом продолжал медленно подходить всё ближе и ближе, пока вдруг молодой Ласкарёв, резко прервав свою беседу, не обернулся и не посмотрел Ивану прямо в глаза. Старик, что стоял перед греком, тут же засуетился, надвинул какую-то повязку на глаза и скрылся за церковной оградой, а Дмитрий пошёл прямо на Беклемишева.

Последнее, что заметил Берсень, прежде чем старик исчез, так это сильное недовольство этого деда.

Про остальное он подумать не успел младший Ласкарёв был уже рядом.

– Поздорову ли живёшь, боярин, мне сказывали, ты обо мне спрос у разного люда ведёшь, только вот зачем? – встретил вопросом молодой грек.

– И тебе жить без хвори, – пытаясь сохранить спокойствие, выпалил Иван Беклемишев. – Есть у меня пару мыслей, по которым хочу получить ответы...

– Ну, это, смотря какие, мысли, – встав так, чтоб загородить собой, проход на церковное подворье, ответил Дмитрий. – Один мудрый человек мне как-то сказал: «не спрашивай, если знаешь, что не ответят», – высокомерно подначил он Берсенья.

– То сторомные²², а не мудрые словеса, – глядя в глаза Дмитрию, ответил Беклемишев. И добавил, тряхнув своим чубом – вот у нас народ сказывает: «...не грех спросить, грех не узнать».

– Да, русского человека со спросом, переболтать невозможно, – неожиданно улыбнулся младший Ласкарёв. – Спасибо уважил, развеселил...

– К бесу веселье. Могу я задать тебе вопрос, грек? – сдвинув брови, подступил Иван Беклемишев.

– Мне? Ну, отчего же нет? Конечно, я не откажусь поделиться с тобой «сторомной» мудростью, ведь другой у меня попросту нет...

– Вы ведь знали обо всём, об этом? – пытливо заглядывая в лицо греку, спросил Берсень.

– О чём?

– Ну, про Лукомского, и про то, что он делал в Литве и близ Новгорода? Вы – греки всё это знали, но ничего не сказали, ни мне, ни дьяку Гусеву. Почему?

– Не ведаю, о чем ты..., – отводя глаза в сторону, ответил Дмитрий.

– Не ведаешь? А может, просто скрываешь ваши тёмные дела? И именно поэтому вы самочинно забрали с нашего двора всех тех, кто мог что-то выболтать? – С напором выпалил Иван Беклемишев.

– Хм-м..., Даже, не знаю, – с притворной задумчивостью, поднял глаза к небу младший Ласкарёв. – Мне почему-то кажется, что всё не так просто. Насколько я слышал, государь более не нуждается ни в тебе, ни в дьяке Гусеве при сём деле? Я только поэтому, увидав, как ты

²² Сторомные (старо русск.) – не понятные

крадёшься, решил на первый раз, просто с тобой поговорить. Ну, чтобы предупредить, что ли...

– Предупредить о чём? – вспыхнул Берсень.

– О том, что государь не забывает своих наказов. А тебе, вроде бы, он наказал помалкивать. Так?

– А ты меня государем-то не пужай! – Иван Беклемишев, вплотную приблизился к Дмитрию. – Ты на мой вопрос отвечай! Ишь, угрожать решил... Я сам разумею, что и как мне делать без отговорщиков. Ты, грек, блюди свой хлеб на обед, а слово – на ответ.

– До чего ж непонятливый, ты, боярин, – с той же улыбкой, что и раньше, произнёс младший Ласкарёв. – Я не собирался тебя ни от чего отговаривать, а только хотел сказать, что есть дела, о которых не стоит спрашивать, – добавил Дмитрий, многозначительно шевельнув бровями.

– Да я..., да ты.... – Берсень покраснел и схватился за саблю на боку.

– Э-гей! – Удержал его руку молодой грек, одновременно, незаметным движением, достав тонкий стилет и приставив его кончик прямо к горлу боярина. – Ты за саблю-то не хватайся, а коли всерьёз решил оружием позвенеть, то в любой день, приходи после заката к кресту у начала Смоленской дороги. Токмо, как соберёшься, наперёд о том знать дай.

Иван Беклемишев, от неожиданной прыти Дмитрия онемел. Он чувствовал, как острое лезвие царапает ему шею, и не понимал, как было возможно, незаметно и так быстро просунуть смертоносное жало к его горлу.

– Молчишь? Ну, я так и думал, – буркнул себе под нос младший Ласкарёв, и резко повернувшись, в два шага оказался у чёрного коня, что был привязан дальше по переулку.

Грек смерил взглядом всё ещё стоящего как столб боярина и рывком освободил повод своего коня. На выдохе вскочил в седло, и более не оглядываясь, резво умчал прочь. А обескураженный Берсень всё ещё стоял на месте и провожал его глазами, замерев от удивления.

* * *

Вечер ещё не наступил, когда на беклемишев двор въехало несколько всадников с холопами. Первым ехал сам хозяин – Никита Васильевич, боярин степенный, верный слуга великого князя, за ним, задрав кучерявую бороду, брат его – воевода Беклемишев Семён Васильевич, а далее слуги да холопы все.

У крыльца бояр уже поджидала румяная девица с серебряным ковшом в руках. Неспешно спрыгнув с седла, Никита Васильевич подошел к крыльцу, принял корец²³, немного отпил, кашлянул, отпил еще немного, крикнул, протянул ковш брату, после чего, кряхтя, стал подниматься по ступенькам. Семён Васильевич тоже пригубил из ковша, вернул его молодежи и, хитро ей, подмигнув, поспешил вслед за братом.

За дверьми их встретил ключник в богатом полукафтани. Он с поклоном сообщил, что баня уже истоплена, комнаты приготовлены, а сами бояре могут выпить и закусить, пока слуги собирают на стол вечернюю трапезу.

В трапезной им навстречу вышел Берсень, поклонился отцу и обнял дядю. Бояре сели к столу и неспешно осушили по первому кубку. Пока холопы подавали на стол, выпили ещё по разу и зажевали соленьями, да холодной телятиной.

Никита Васильевич и его брат завели разговор о планах на урожай со своих земель и о московских новостях. Берсень сидел молчаливой тучей, в разговоре участия не принимал, был погружен в свои думы.

²³ *Корец* – ковш с плоским дном (обычно серебряный или медный).

– А почто не весел племяш? Ой-да, непривычно мне тебя таким видеть – выпив очередной кубок, спросил Семён Васильевич.

– Да тоска, дядя. Вот думаю, может на войну податься, – ковыряясь ножом в тарелке, ответил Берсень.

– На войну-у, – с притворным удивлением протянул Семён Васильевич и хитро подмигнул брату, тот ответил улыбкой в бороду.

– На войну, ты это пока погоди, – продолжил Семён Васильевич, придвигая к себе блюдо с запеченным целиком зайцем, – ты наперво, тут все дела окончи, – боярин Семён, не договорив, впился зубами в заячье мясо.

– Да какие дела дядя? Все дела пошли прахом.

– Ну, коли, нету дел, то... женись, дела то сразу и появятся – запив мясо вином, весело подмигнул Семён Васильевич.

Берсень нервно пару раз чиркнул ножом по тарелке, он знал весёлый нрав дяди, сам ведь тоже любил веселье, но сейчас на душе было совсем мутно. Переведя взгляд на отца, Иван заметил лукавую хитринку и в его глазах.

– Вы это чего? – ошарашено пробормотал Берсень, – жениться я не буду, – он схватился за край стола, намереваясь встать.

– Будешь, – коротко отрезал отец.

– Но... может быть, чуть погодя, – добавил весёлый Семён Васильевич.

– Да не на ком мне жениться-то, – не на шутку вспыхнул Берсень.

– А мы тебе найдём, – уже почти смеясь, продолжил Семён Васильевич, но прежде..., – он медленно привстал и протянул руку над столом, выбирая, чего бы ещё отведать, – ... но прежде..., – как бы в задумчивости повторил он, – надобно тебе закончить своё дело.

Взяв большой кусок печёной осетрины, боярин Семён плюхнулся на место и посмотрел в глаза Берсеню.

– Тут прослышал я, что племяш мой в кручине и решил ему слегка помочь, – нарезая осетрину, продолжил Семён Васильевич, – вроде как объегорили его греки и со двора людей важных свели, – глядя на брата, с усмешкой проговорил он. – А мы, с отцом твоим, покумекав на досуге, нашли одного человечка, кой может чего интересного о твоём деле порассказать. Греки они, конечно хваты, но токмо, их онучи наших не вонюче, – рассмеялся Семён Васильевич.

– Дядя..., отец, – да кто ж таков, где же он, человек то? – заволновался Берсень.

– Э-э-э, племяш, тут дело серьёзное, не горячись, сейчас всё узнаешь.

– Не томи меня дядя, я уже сколь дён места себе не нахожу!

Семён Васильевич посерьёзней и снова хлебнул из кубка.

– Ну, так слушай: ещё по весне, видел я как на заднем дворе, при Архангельском соборе, одного из монахов водили на цепи, ну прям как медведя ярмарочного. Грязный он был, не чёсан, да словами худыми невпопад лаялся. Чудным мне сие показалось, я и спросил о нём настоятеля – отца Михаила. Он в ответ только очами зыкнул, да молвил: «не мирское то дело». Я уже было и позабыл о нём, а в аккурат перед тем как с вашего подворья грекам Бориса-покойника забрать, снова того чудного монаха увидал. Я на тот раз снова с настоятелем Михаилом разговор вёл, а его мимо повели. Гляжу, а навстречу к монаху этому идёт ваш Силантий и разговор заводит, сам тоже в чернецком одеянии. Я ещё настоятелю-то и говорю: «гляди-ко, отец Михаил, как похожи наш Силантий с этим монахом, будто родня», а он мне: «они и есть родня». Сказал, и так нехорошо на меня посмотрел, что я тут с ним и простился. В то время виденное, оно мне и не к чему, подивился я, да и всё. А уж опосля-то и припомнил. Мне как Никита рассказал, про энто..., ну..., как с греками получилось, я сразу к отцу Михаилу, может он чего скажет, ведь сколь годов мы в дружбе. Да токмо, не оказалось его в соборе, уехал в лавру, от служек узнал я, что как раз к завтраму вернётся он. Я ране тебе о сём не сказывал,

чтоб не распалить, за то винюсь, а вот теперь говорю. И зову с собой к отцу Михаилу, ударим челом и навестим его с просьбой. Чай, поможет.

– Отец..., – Берсень подскочил на месте как пружина, – ты ведал об том и молчал?

– Ведал, – со спокойствием в голосе ответил Никита Васильевич, – да что толку-то?

– Как «что толку»? Иметь надо этого цепного монаха, да дознаться что знает, вытащить из него, об чём он с Силантием беседы вёл!

– Има-а-ать? – протянул Никита Васильевич, – это с церковного двора-то, да без государева приказа? Тогда уж лучше сразу на плаху бежать... Али не знаешь, что в Архангельском иной раз сам государь молится?

– Ну..., – замялся Иван, хоть словом перекинуться с тем монахом... Всего и делов-то поговорить, да про Силантия вывести.

– Да ты что?! – дёрнул бровями Семён Васильевич, – кто ж просто так к тому сидельцу нас пустит?

– Дык мы..., – начал было Берсень, но осёкся под гневным взором отца.

– Охолонь, – пристукнул по столу Никита Васильевич, – ты сыне совсем разум потерял? Али забыл, что государь велел о сём деле молчать и его боле не касаться? А коли ты неслух, и мы грешные вместе с тобой, то всё надо делать с опаской. Тут с наскока никак нельзя. Завтрева возьмём подарки, и навестим отца Михаила, коль сподобит господь, всё и узнаем без лишнего шума. А сейчас, ступай, сведай, – баня уже простыла, поди, и больше ни слова.

– Эх-ма, вот и пришло похмелье в разгар веселья, – буркнул себе под нос Иван, но отцу перечить не посмел, вылез из-за стола и вышел на двор.

– Горяч паря, прям как я в молодости, – оглаживая свою курчавую бороду, сказал Семён Васильевич.

– Да уж, – наша порода, но токмо эта горячка не довела бы его до острога и палача, – ответил Никита Васильевич.

– Тю, брате, скажешь тоже.... Хотя, времена нонче лихие, спаси господь, – братья разом истово перекрестились.

– Вот я и думаю, как бы нам не пропасть с этим делом, – Иван по горячности, а мы по глупости, – здраво рассудил Никита Васильевич.

– Не журишь брате, авось не пропадём, ежели, токмо греки стрелу из-за угла пустят, али яду ихнего куда-нить нам сыпанут, – как бы в шутку сказал Семён Васильевич.

– А они ведь могут... – с усмешкой кивнул головой Никита Васильевич, – почитай пятнадцать годов минуло, как оженился наш государь на ихней царевне и вслед за ней пришли греки и фряги на Москву, тут то..., у нас всё и попеременялось. И государь наш стал в своих палатах, новых, заморских обычаев держаться, дедовский манер: сам – напротив говорить, уже не в чести, и во всех делах греки, греки, греки... Храмы и башни строят греки, грамоты посольские пишут греки, на войне за ворогом согладают тоже греки. И все они промеж себя друг за дружку держатся, начиная с царевны этой, и до последнего стряпчего.

– Что тут говорить, брат, много иноземцев стало за нас наши же дела решать, осталось только думать и смотреть, как бы ни объегорили. Да уж больно вёрткие они, половчее ужа, так просто и не ухватишь, – Семён Васильевич махнул в воздухе рукой, как бы хватая невидимую змею.

– Вот и я об том, – серьёзно посмотрел на брата Никита Васильевич, – однако, не мешало бы нам ведать, где сейчас греки Ласкарёвы.

* * *

Бурая грязь, перемешанная с болотной жижей сотнями лошадиных копыт, медленно заметалась мелким снегом. Порывы ветра, продувая болотистые овраги, стихали в лесу, бес-

покоили жирных ворон и мародёров, добывающих раненых. На пригорке возле леса, на старой вырубке, подальше от начинавших смердеть трупов, табором встал лагерь. Там, в походных котлах готовили ужин и в отвесах костров делили скудную добычу.

Сотник Щавей Скрябин с трудом открыл глаза. Последнее, что он помнил, это как гранёный наконечник вражеской пики, пробил его щит и вышиб из седла. Щавей пошевелил рукой, всё ещё сжимавшей ремень от разбитого щита и ощутил тупую боль в груди. Совсем рядом по болотной грязи прошлёпали чьи-то шаги, а где-то вдалеке, слышались обрывки немецкой речи.

– Жаль, что нам не платят за каждую голову, – пробормотал, глядя на рысущих по оврагам мародёров, наёмный пехотинец в старой помятой кирасе.

– Да уж, если бы так было, не сомневаюсь, что ты Фогель нарубил бы голов во всех окрестных деревнях, – бросил, проходящий мимо воин в длинном хауберке²⁴. В руках он нёс русский шлем-шишак, очевидно подобранный на поле боя.

– Ну, хоть бы и так, тогда возможно нам не пришлось бы подбирать на поле то, что уцелело, в надежде загнать этот хлам маркитанту по сходной цене..., – тот, кого называли Фогелем, указал корявым пальцем на русский шлем, что был в руках у воина в хауберке.

– Попридержал бы ты язык Фогель, – воин со шлемом повернул свой пояс с длинным мечом так, что мог достать его в любой момент.

– А то что? – лениво отозвался Фогель, – ты защекочешь меня до смерти своими тараканьими усами?

– Ну, ты и скотина Фогель, тебе самое место подохнуть в этом болоте, – воин в хауберке шагнул вперёд.

Фогель поспешно вскочил на ноги и уже хотел ответить, ещё что-то более дерзкое, но его прервал рык ещё одного воина.

– А ну заткнулись, вы оба, – рявкнул стоящий поодаль коренастый латник в блестящем бацинете²⁵ без забрала. – Сегодня нам повезло, и мы ловко разделались с московитами, но клянусь всем чем угодно, что как только получу жалование, я тут же, уберусь из этой гнилой литовской трясины, чего и вам советую сделать.

Слыша солдатскую брань, Щавей окончательно пришёл в себя, он нащупал на своём поясе ножны с большим ножом, перевёл дыхание.

В это время, один из мародёров, что обыскивал трупы неподалёку, шагнул в сторону и остановился над Щавеем. Он поднял топор и примерился рубануть его по голове, как это делали все, прежде чем начать обыскивать труп, но опустить свой топор не успел – нож Щавея вошёл ему точно под рёбра. Спорщики не расслышали, как тихо вскрикнул их соратник. Они были заняты, и уже не обращали внимания, на то, что происходило в пятидесяти шагах от них.

– Что тут за шум? – спросил их подошедший от леса седой бородач в полном латном доспехе и белом плаще, на котором была пришита круглая розетка²⁶ с изображением красного креста и меча под ним.

– Никакого шума нет, герр-капитан, мы просто поспорили о трофеях, – поспешил сказать коренастый латник.

– Нашли о чём спорить, – брезгливо бросил капитан, – никаких особых трофеев с этих московитов не соберёшь, а если хотите размяться, то идите к оврагам и выберете себе что-нибудь из того хлама, что осталось на мертвяках, – он указал в сторону места недавней битвы. – Вон один из ваших уже нацепил на себя что-то из найденного железа, и, судя по его походке,

²⁴ Длинная кольчужная рубаха с разрезами по низу, спереди и сзади. В указанное время считалась уже устаревшим доспехом.

²⁵ Полусферический шлем.

²⁶ Розетка – вышитое украшение в виде цветка с гербом.

успел изрядно промочить горло, – добавил седой капитан, разглядев спину, карабкающегося из оврага Щавей.

– Не, то не наш, должно быть кто-то из литовцев, которых дал нам местный князь, если герр-капитан прикажет, я могу выяснить кто это. Про них всё сержант знает, – смахнув снег с бровей, сказал воин в хауберке.

Капитан отрицательно покачал головой, и молча пошёл обходить лагерь.

– А что про них знать? Все они проклятые язычники, тьфу, – отвернулся в сторону Фогель.

– Не..., они вроде как крещённые, – возразил ему латник в бацинете.

– Да что толку то? – зло бросил Фогель, иные молятся в схизматских церквях, а иные и того хуже – после мессы идут в лес и там приносят жертвы своим деревянным идолам, всё их крещение есть насмешка над христианами!

Продолжая спор, солдаты двинулись к пылающему жаром костру, а Щавей, сдерживая себя, чтобы не побежать, нетвёрдой походкой перевалил за овраг и направился к излучине речушки, чтобы скрыться за её крутым берегом.

* * *

– ... Они нас стерегли, они ведали, где мы будем..., – боярин Щавей от слабости уже не мог стоять перед князь-воеводой, и поэтому его усадили. За спиной у измождённого стоял подручный воеводы – Яков, он придерживал боярина за плечо, чтобы тот не упал.

– Да ну, не могли они так вот сидеть и ждать, – возразил ему князь-воевода Фёдор Иванович Бельский.

– Но получается, что именно ждали, ведь они выскочили и точно ударили в середину, когда мы проходили мимо..., ударили так, чтобы оттеснить нас на дно оврагов в болота.

– Это как? – князь развёл руки в стороны и посмотрел на всех, кто был в его шатре, как бы ища объяснения.

– Возможно..., – Щавей качнулся на месте и замолчал, сложил руки крестом на груди и свесил голову, боль усиливалась, ему было тяжело дышать.

Воевода Бельский истолковал жест боярина по-своему.

– А ну, подите все! Оставьте нас, – рявкнул воевода на присутствующих, и его бояре и подручные поспешили из шатра вон.

– Ты тоже, – сказал Бельский своему слуге Якову, тот молча, с поклоном удалился. – Теперь говори, – князь-воевода тронул Щавей за то плечо, где совсем недавно, придерживая боярина, лежала ручища его слуги Якова.

– Люди князя Соколинского были не одни, с ними были наёмники-пикинёры, много, – Щавей вытащил из-за пояса тощий кисет и подал воеводе. Тот высыпал его содержимое на ладонь: пять монет разного достоинства, все ганзейские, осмотрел внимательно кисет.

– Хм-м. Немчура? Значит, опять припожаловали... М-да, не повезло... Видно снова рыскали тут в поисках наживы, вот собака Соколинский их и пригреб.

– Просто рыскали? Э-нет князь, в этот раз всё по-другому, и мы оба это знаем. Это не просто набег пришлых немцев. Соколинский сделал из этих наёмников медвежью яму и точно знал, где её вырыть и как нас туда загнать. Это была нарочная ловушка.

– Хочешь сказать в моём войске изменник? – лицо воеводы исказила гримаса отвращения.

– Я хочу сказать, что у них повсюду глаза и уши, а мы слепы, – твёрдо ответил Щавей.

– Он истину глаголит, это была засада, – промолвил голос совсем рядом. Князь и боярин вздрогнули и разом посмотрели на вошедшего в шатёр человека в длинном дорожном плаще, заляпанным грязью.

– Ты ли, боярин Илья? – князь Бельский повернулся к входу всем корпусом.

– И тебе поздорову быть князь-воевода, – с улыбкой поклонился Илья Ласкарёв. – К тебе я, с вестями, – грек, ловким движением извлёк из-под одежды свиток и протянул его воеводе. – А ещё с подарком, – Илья бросил на стоящий, на козлах грубо сколоченный стол розетку с изображением красного креста и меча под ним²⁷.

– Путь мой был не близок, вот я его и срезал через знакомый перелесок к оврагам. Приметил «чудных гостей», и «пошептался наедине» с их капитаном, – с хищной улыбкой сказал Илья Ласкарёв.

– Да как же ты от них ушёл? – князь, всё ещё не распечатывая, свитка, с удивлением глядел на грека.

– У меня хорошие кони и стрелять я ещё не разучился, куда там хмельным немцам догнать меня по темноте, – продолжил улыбаться Илья.

Воевода в ответ лишь покачал головой, и снова повернулся к Щавею.

– Ты, боярин Скрябин иди отдыхай, пусть мой Яков посмотрит твои раны, а завтра разговор наш продолжим, всё об чём говорили тут, держи при себе, ни полслова никому, – приказал князь Бельский.

Щавей с трудом склонился в полупоклоне и вышел, а князь стал молча буравить глазами Илью, ожидая его слов.

– Послание, что у тебя в руке – это от твоего брата Симеона, ещё кое-что он велел передать изустно, – указывая на свиток и, как будто, не замечая напряжения во взгляде князя, произнес Ласкарёв.

Бельский открыл, было, рот, но снова не произнёс ни звука.

Илья кивнул, словно с чем-то согласился и перевёл тему.

– А к знаку капитанскому, приглядишься, воевода, – сказал он, указав глазами на ту розетку, что бросил на стол, – это не бумажный цветок с ярмарки, а ответ на вопрос кто сейчас стоит супротив тебя.

– К бесу все знаки! Не те слова я ожидал от тебя услышать, – наконец разразился князь. – Видел ли ты... её? Говори, не томи боярин.

– Женку твою? Нет, сам не узрел, – ответил ему Ласкарёв. – Король Казимир держит ее при дворе, а я в Вильне не был. Да и брата твоего ко двору не пускают. Всё, что теперь о ней известно, так то, что жива она.

– О горе мне, горе! Ведь уже восемь лет.... Восемь лет как.... Почто такая судьбина? – подняв глаза к куполу шатра, прошептал князь. – Так что, мой брат Симеон, здоров ли? – как будто опомнившись, обычным голосом спросил Илью воевода.

– Хвала господу, здоров..., и жена его, и детушки, – однако после твоего отъезда за ними сильный догляд, но Симеон велел сказать тебе не об этом.

– Ты боярин..., это..., садись что ли, – замялся князь-воевода. Он как будто боялся услышать от Ласкарёва те вести, с которыми тот прибыл и поэтому нервно и суетливо указал боярину на лавку, на которой некоторое время назад сидел Щавей.

– Да, садись-садись. Вот, выпей..., – сипловатым голосом предложил Бельский, указывая на бутылку с вином и кубки. А сам, при этом, тяжело опустился на грубый табурет, наспех сколоченный кем-то из не струганых поленьев.

Илья небрежно придвинул лавку поближе к воеводе, обмахнул её полкой своего плаща, и, подхватив один из кубков с вином, присел и продолжил:

²⁷ Нашивка в форме четырёхлистника, с нанесёнными поверх цветка символами креста и меча – отличительный знак командиров ливонского ордена.

– Помощь твоя нужна в важном деле. О том и брат твой просит, ибо дело сие началось с него. – При этих словах Бельский нервно дёрнул щекой. Илья на это незаметно чуть усмехнулся. И единым махом осушил кубок, что держал в руке.

– Так вот, – выдохнув, начал рассказывать дальше грек. – Князь Симеон через своих людей прознал, что круль Казимир решил войну закончить единым махом, а для этого, всего лишь, извести нашего государя, через отраву..., – с притворно-спокойным вздохом, сказал Ласкарёв, крутя липкий от вина кубок в своих длинных пальцах.

– Ой, боярин, – подскочил на месте воевода. – Ты, погодь, такие дела, что.... – Князь не договорил, а приложив палец ко рту, вышел из шатра, бормоча себе под нос молитвы. Немного побряхтев и потопавав ногами снаружи, Бельский вернулся. – Теперь говори, боярин, здесь спокойно, никто чужой не услышит.

– Так вот..., дело это муторное и длинное, – продолжил Илья Ласкарёв, – но кое-что мы уже прознали, и самое главное открылось. Корень всего в ереси, кою плетут враги супротив нас – в Литве. Вот! Разные нити на это указывают.

– Да-да, я что-то такое слышал, ты вроде как поймал Лукомского Болеслава, – нетерпеливо перебил князь Федор.

– Да не в нём было дело, – поморщился Илья, – шёл я совсем за другим человеком – чёрным попом-еретиком Сахарией, лжецом и отравителем, который разными дурманными зельями, слабых духом опаивает, и словеса охульные этим людишкам нащёптывает. А то, что Лукомский или кто ещё должен был сотворить, так то, лишь последствия деяний еретических. Да вот, Сахария этот извернулся, и сам прячась в Новогороде, руками Лукомского, на Псковщине, убрал ученика московского митрополита, который один знал его в лицо. Ну а после..., как водится, самого Болеслава Лукомского кто-то придушил на Москве в допросном подвале.

– Ой, ты, господи! – перекрестился воевода.

– Соображаешь? Это ведь не просто неудача. Всё было содеяно по единому умыслу. И теперь, весь поиск нам пришлось начать сызнова, – смерив похолодевшим взглядом князя, продолжал боярин Илья. – Тебе одному, человеку, о том сказываю. Смотри не обмолвись – дело государево!

Князь, принял изумлённо-возмущённый вид, мол, само-собой! А грек одобрительно качнул головой и продолжил:

– Для того я сейчас таким спехом обернулся в Литву и обратно, ибо прошёл шепоток, что этот недопоп Сахария бежал из Новгородских земель в Киев, но пока, я его там не нашёл. А попался мне некий ярыга, который для этого попа холопствовал, да был обманут еретиком. Потому за мзду небольшую, этот человечек мне и поведал, что сей хитрый Сахария – на самом деле аспидом в клубок свернулся и пережидает время в Успенском монастыре на Явоне. А ведь это твоя вотчина, княже?

Бельский сморщился и кивнул, нехотя.

– Так, вот..., – Ласкарёв качнул кубком в сторону воеводы. – И..., надобно мне вызнать про этого Сахарию, он ноне в монастыре, иль нет? Но при этом, спугнуть еретика, если он там – нельзя! Зело хитёр этот змей, – подытожил Илья.

– Охо-хо, покачиваясь из стороны в сторону, выдохнул князь. Он волновался и потирал руки, будто ему было холодно. – Непростое это дело, ох, непростое..., – забормотал Бельский. Видя, что грек не разделяет его замешательства, он пояснил:

– Уже с десяток лет минуло, как прежний настоятель обители был убиен. И как! Тот, прежний владыка, был сподвижником тогдашнего новгородского епископа Феофила. А как войско московского князя мимо монастыря к Новогороду шло, он врата-то монастырские запер и со стен хулил княжьих воинов и самого государя. Призывал кары небесные на их головы и прочее злословие рёк. Да вот кто-то из войска государева стрелу в настоятеля и пустил. Насмерть, с единого выстрела. Говорят, стрелил кто-то из татар. А как врата монастыря отво-

рили, и войско туда вошло, чернецы враз присмирели. Но, с тех пор в этой обители братия монастырская в противлении к власти московской. Конечно, не явно, без оглашения, но слух идёт, будто все окрестные земли, что отошли к государю, в том монастыре прокляли. И вот хошь верь, хошь не верь, с тех пор уже сколь годов на земле недород.

– А что же, архиепископ Геннадий? – спросил боярин.

– А-а-а, – махнул рукой князь, – он и письма слал и сам дважды наведывался, а всё одно. Покуда он там был – всё тихо, как отъедет – монахи опять за своё, говорят: «ничью власть над собой, акромья божьей, не признаем».

– А люди как? – спросил Ласкарёв.

– А что люди: мужичьё в бега пускается, не хотят на проклятье жить. У меня в городище, каждую зиму смута. По слухам, всё ползёт от монастыря..., – поведал воевода и под взглядом грека опустил глаза. – Я конечно в эти слухи не верю. Но..., – Бельский развёл руками в стороны, показывая, что, мол, это всё происходит не по его воле.

Илья усмехнулся в усы и поднял ладонь, останавливая оправдания князя.

– Так или иначе, но сведать о том, есть ли в монастыре Сахария мне надобно, – твёрдо сказал грек.

Федор Бельский задумался и опять стал потирать руки.

– Трудно дело, боярин.... Большая сила в руках монастырских. Все монахи, что живут при монастыре – либо разного ремесла мастера, либо того паче – лекари-травники. Всё, что в округе дельного есть, там только через монастырских людей делается. В городе торг слаб стал, а до Новгорода за каждой косой или снадобьем не наездишься. – Князь Федор мельком посмотрел на боярина Ласкарёва, ожидая увидеть реакцию того, но Илья был спокоен. – Вобщем, это я к тому, что помощников в сём деле сыскать будет не легко, а без помощников никак, – как бы извиняясь, снова развёл руками Бельский.

– Но разве не ты тут князь?

– Это да, но монастырь.... Ух строптивы они, да своевольны. И как прикажешь с этим быть? Что же мне на монастырщину войско слать? В осаду садиться? Э нет, боярин, тут надоть как-то по-иному. – Князь-воевода помотал головой, как бы оправдывая своё бессилие, и из-под лобья посмотрел с досадой на боярина, ему явно была неприятна эта тема.

– А по-иному..., – Ласкарёв хлопнул себя по колену, – ...по-иному, придётся мне в монастыре самому всё проверить.

– Это как же? – тяжело задышал князь, не скрывая недовольства.

– Да уж найду способ, – хитро подмигнул грек. – А может, ты человека укажешь, кой за монастырские стены вхож?

– Ну..., – воевода Бельский задумался, почесал бороду. Покривился и изрёк: – Есть такой человек, токмо я ему ноне не указ, – то Фома Кусков, ранее у меня в приказчиках хаживал, а как жёнка в прошлую зиму богу душу отдала – ушёл в монастырь. Так там и живёт, хотя и без должного пострига, но сей муж при уме и со сноровкой. В монастыре он большим хозяйством ведаёт. Как найти его, я тебе обскажу, коли с ним договоришься, то большая удача.

– Что ж, спасибо тебе, княже, – сказал Илья Ласкарёв. – А еще попрошу я тебя послать человека в Новгород, к архиепископу Геннадию, с ним передам я два письма, одно самому святейшему, второе отцу моему.

– Ой-ли! И боярин Фёдор в Новгороде? Хм... знать действительно великие дела затеваются. Что ж, посланца найдём.

Разговор в палатке воеводы продолжался еще долго.

* * *

Выйдя от князя, Щавей Скрыба оглянулся на подручных воеводы, что застыли у входа в шатёр, лица их были сумрачны. Один только ближник князя – чернобородый Яков приветливо махнул рукой, указывая в сторону большого костра.

Щавей проковылял в указанную сторону и бухнулся на войлочную подстилку, возле сваленных в кучу сёдел. Сотник закашлялся – резкая боль в груди заставила его вскрикнуть. Неспешной походкой приблизился и Яков, молча расстегнул поддоспешник Щавея и задрал рубаху. Пока он рассматривал и ощупывал багрово-чёрное пятно на груди боярина, сам Щавей невольно всмотрелся в лицо Якова. Он не раз видел его подле воеводы, но так близко впервые. В отблесках костра казалось, что его жгуче-цыганские глаза смотрят как-то по-особенному, а розовые оспины на бледном лице совсем терялись в его чёрной курчавой бороде.

– Жить будешь боярин, – закончил осмотр Яков, – токмо, замотать тебя надо вокруг тулова потуже, и спать две седмицы придётся не вытягиваясь. Так что... – Яков хитро подмигнул Щавею, – ... а некой весёлой вдовушке, до которой ты охочий ходок, придётся подождать. С этакой раной ты к ней разве что лежа на санях, сможешь доехать. А на коня, тебе теперь долго не влезть. Не-е, таким, никак не влезть. – Сально улыбаясь, вымолвил чернобородый. После украдкой обернулся на шатёр воеводы. – Ты побудь тут пока, я сейчас, – вмиг посерьёзнев, сказал Яков и суетливо отошёл в сторону.

Щавей заметил, как он скорыми шагами нырнул за княжий шатёр, в то самое время, когда сам воевода высунулся из этого шатра. Бельский махнул кулаком на своих подручных воев и сердито притопнул, чтобы они отошли подале от входа. После этого, князь пошарил глазами по сторонам и вернулся к себе, внутрь.

Не дождавшись Якова, Щавей забылся сном.

* * *

– И всё же..., ты боярин, что-то ведаешь о моей ладушке, – глядя прямо в глаза грека, сказал князь – Ведаешь, но таишь. Сколь годов помню, не было ещё случая, чтобы вы – Ласкари свои думы напрямки выкладывали. Человека на крючке держать, для вас слаще мёда. От того ты и в стане моём как хозяин себя чувствуешь, и речи со мной ведёшь не как с князем, а как с холопом!

– Нет, князюшка, что ты? – ровным голосом возразил Илья. – Я к тебе со всем уважением, да и дело то у меня особое – государево! – продолжал Ласкарёв, наблюдая, как засуетился воевода, – а что до слухов разных, которые по Литве гуляют, так то, я в расчёт не беру.

– Каких слухов? – наострил уши князь Фёдор.

– Ну, даже и не знаю..., – растягивая слова начал Илья, – говорят, что Казимир имеет большую опаску, в том, что твоя жёнка, в след за тобой, сбежит под крыло нашего государя. И чтобы уж наверняка избежать этого, он повелел окрестить её в латинскую веру, а с этим крещением заодно признать и брак её с тобой не действительным. А коли так, то и..., – Ласкарёв притворно замялся и поднял глаза ввысь, – ... возможно выдать её замуж за пана из своего окружения. Ведь княжна то собой лепя и при дворе многие на неё заглядываются, да и земли твои, что пока под королевской печатью, обширны и богаты – приданое богатейшее, его круль как награду хочет использовать. Но это, конечно, всего лишь слухи – завершил Илья.

– А-а-а! – заломил руки князь, – проклятый, проклятый Казимир! Боярин, молю тебя, помоги вызволить жёнку, что хочешь для тебя сделаю.... Жизни не пожалею! – вскричал воевода.

– А что я? Али мне на Казимира войной идти, Вильню и Краков в осаду брать? – тем же манером, что ранее говорил князь, ответил ему Илья. – Ты, ведь и сам можешь себе помочь, – сказал Ласкарёв, искоса взглянув на воеводу.

– Я? Как? – сдавленно произнёс князь.

– Ну, как же..., как же, – притворно удивился боярин. – Твой брат Симеон, почитай в лучших друзьях у королевича Александра.

– Так что с того, – вяло ответил князь-воевода, – королевич никаких дел при дворе не ведёт, всё по застольям, да по охотам, помимо отца всем ростовщикам уже задолжал, дружба с ним никому ещё впрок не пошла, – сказал князь Фёдор.

– Всё так, всё так, – дважды повторил Илья, – но кое-что, ты князюшка упускаешь. Ты ведь хочешь вызволить свою жёнку? Ну, так упроси брата, чтобы тот бил челом королевичу. Коли захочешь, то слова нужные сам найдёшь и сумеешь вложить их в братовы уста.

– Ох, не знаю..., – смутился воевода.

– А ты подумай, может в этот самый день, пока ты в замешательстве, Казимир уже и назначил новое крещение, а может заодно и свадьбу?

Князь подскочил на месте и заметался по шатру:

– О горе мне! Господи помоги, вразуми мя господи! – он остановился напротив боярина. – Всё отпишу, всё сделаю, а надоть, так сам пойду на поклон к Казимиру!

– Эх-хе, этим только себя сгубишь, а её не спасёшь, – укоризненно покачал головой Илья, – ты, покамест, всё крепко обдумай до завтрашней ночи, к этому времени и мой посланец в Литву будет готов.

Боярин Ласкарёв уже собрался покинуть шатёр воеводы, как взгляд его зацепился, за оставленную на грубом столе розетку.

– А с этим, что мыслишь делать? – палец Ильи указала на орденский знак.

– А ты боярин, что посоветуешь? – вкрадчиво спросил князь.

– Отошли-ка ты, княже, сей знак к Москве в посольский приказ, пушай там думают, тем временем, сам с войском поостерегись, у орденцев сильная и хорошо обученная пехота, людей своих положишь зазря.

– Быть по сему! – хлопнул по колену князь.

– Ну, так, до завтрашней ночи, княже, думай..., – на ходу бросил Илья, покидая шатёр воеводы.

* * *

Настоятель храма Архистратига, в простонародье – Архангельского собора, стоял на ступенях и шурился на позднее осеннее солнце. Почти неделю было ненастье и полоскали дожди, а вот сегодня, как только он вернулся в свой храм, на куполах московских церквей заиграли пронзительные лучи низко висящего в облаках светила. Крякнув и размашисто перекрестившись на солнечный диск, отец Михаил, опираясь на посох, тяжелой походкой пошёл навстречу боярам Беклемишевым, что дожидались его у входа в храм.

Бояре, заметив, что настоятель сам идёт в их сторону, ещё издали смиренно поклонились старцу в пояс.

– Здрав будь отче, – первым басовито прогудел Семён Васильевич.

– Здрав будь отче..., – нестройно подхватили Никита Васильевич и Берсень.

– Ну, полно..., полно чада мои, – расплылся в улыбке отец Михаил. Он дал каждому приложиться к своему наперсному кресту и обнял по очереди, – рад..., рад я вас видеть в такой-то светлый денёк, ещё на службе вас заприметил, согрели вы сердце старика как это солнышко, – настоятель указал вверх. – А почто тут стоим? Пожалуйте ко мне, уважьте....

Бояре, все трое, снова поклонились.

Отец Михаил сделал знак монастырскому службе-привратнику и тот отворил ворота внутреннего церковного двора, куда не спеша вошёл настоятель, а следом за ним и бояре.

Берсень поразился большому количеству монахов, которые что-то таскали в грязных вёдрах, пилили большие брёвна, месили глину в низких корытах.

Заметив удивление Ивана, отец Михаил пояснил:

– Всё никак после пожара отстроиться не можем, второй год уже, вишь как купол накрыло и пределы обветшали, раньше каменные были, да теперь уж как есть, ставим из брёвен, – он махнул широким рукавом в сторону нескольких монахов с топорами, которые тесали концы брёвен «в лапу».

Повернув голову в сторону, Берсень заметил, как из боковой пристройки вышло двое совсем юных монашков, а вслед за ними, шагнул сгорбленный старец с длинной седой бородой, которая свисала сосулькой ему до пояса. Больше всего удивило Ивана то, что старик поверх рясы был закован в тяжёлые вериги, на глазах его была чёрная повязка, передвигался он, опираясь на две сучковатые палки, а монахи поддерживали его под руки. Ивана как будто ожгло изнутри. «Да это же тот самый старик, коего я видал с молодым Ласкарём»!

– Кто это отче? По виду молельник великий, ишь как вериги его гнут, а он всё терпит в смирении, – сдерживая себя, полушёпотом спросил Берсень настоятеля.

Блаженно улыбающееся лицо отца Михаила вмиг стало суровым, седые брови сдвинулись к переносице.

– Нет сыне, совсем не смирен этот старец, и это я повелел заковать его в эти железа за его глумление и хулу. В молодости был он мужем весьма набожным и учёным, а ныне совсем худым монахом стал. В речах и мыслях не воздержан, гневлив. Вот и замыкают его после службы подалее в клеть.

– А отчего его очи завязаны тряпицей, он что – слепой? – снова не сдержался Иван.

– Не..., – качнул головой, стоящий тут же служба-привратник, – пока ещё не слепой, хотя и гноятся его глазницы.

– Спаси господи! – разом перекрестились бояре.

– От чего же это? Уж, нет ли какой липкой хвори? – вперёд всех спросил Семён Васильевич.

– Нет, господь милостив к нам, хвори нет, – уверенно сказал отец Михаил, выразительно посмотрев на привратника, – но наказание, ниспосланное ему господом по заслугам..., – настоятель развернулся на месте, бояре замерли рядом. – В день поминовения мученика Лонгина-сотника, этот старец подглядывал в дырку в заборе за монашками, что в заречье возле бань полоскали своё бельё, и ему оттуда – из-за забора ткнули пальцем в глаз.

– А вот оно что, – заулыбались бояре.

– Но почему у него завязаны оба глаза? – не унимался Берсень.

– Он решил вторым глазом посмотреть, кто ткнул, – пояснил настоятель, незаметно показывая улыбнувшемуся службе свой пухлый кулак. – Да хорошенько как ткнули..., – отворачиваясь от привратника, сказал отец Михаил, ... – потому, как с прошлой недели дух зловонный он него идёт, загноились видать очи. То наказание господне, за его грехи, – настоятель со вздохом поднял глаза к небу.

– А, почто-ж, мы всё тут-то во дворе? Идёмте скорее в мои покои, – заторопился он. Бояре, сдерживая улыбки, проследовали за ним.

В покоях настоятеля было светло.

Солнечные лучи через высокие сводчатые окна падали прямо на середину просторной комнаты, рассыпались широкими полосами по длинному столу из морёного дуба, отражались от множества светильников и лампад, блаженным светом освещали десятки больших и малых икон на стенах.

Все расселись за большим столом настоятеля и Берсень украдкой стал разглядывать отца Михаила, которого вблизи не видел уже давно. С тех пор в нём кое-что изменилось. Вместо стройного русобородого мужа, во главе восседал тучный совершенно седой старик с широкой окладистой бородой, большим мясистым носом и кустистыми бровями.

Когда удалились служки, настоятель тяжело откинулся на спинку своего кресла и ласково посмотрел на бояр, как бы приглашая к разговору.

– Бьём челом тебе отче, – начал за всех Семён Васильевич, по делу мы, вельми важному, как к другу и как к отцу нашему духовному.

– Да ладно уж, прям как к отцу, – продолжая улыбаться, ворчливо ответил довольный Михаил, – небось, молодой боярин без надобности так и не проведаль бы, сколь годов уже изредка на службу забежит и фьют – только его и видели. Эх молодость – молодость... Но, давайте к делу, коли уж так.

Бояре переглянулись между собой. Заметив их нерешительность, настоятель кивнул Ивану: – ты младшой говори.

Берсень начал свой рассказ. Вначале он говорил спокойно и размеренно. Но чем дальше, тем сильнее распалялся, и под конец своего повествования, он вскочил и стал метаться вдоль стола, показывая жестах, и как он безуспешно пытался найти следы похищенных с их двора людей, и как его отвадили на подворье Ласкарёвых. А о своей встрече с Дмитрием Ласкарёвым он умолчал. Желая оставить это на потом....

Братья Семён Васильевич и Никита Васильевич, во время рассказа, только подтверждающее кивали головами, а отец Михаил успел несколько раз перекреститься и вытереть со лба пот.

– ... А, когда дядя поведал, что видел Силантия здесь, мы поспешили к тебе отче, бьём челом, чтобы ты дозволил поговорить со своим узником, – закончил Берсень и сел на лавку рядом с отцом.

Воцарилась напряжённая тишина. Бояре в три пары глаз уставились на настоятеля, который задумчиво молчал.

– Та-а-к, – наконец протянул он, поднимая глаза и щурясь, как будто от солнечного света. – Это хорошо, что господь вразумил вас прийти ко мне, ибо сейчас такое время, что можно угодить в большие неприятности, настолько большие, что любого человека смолотят в муку. И хотя, я не должен вам этого говорить, но дабы уберечь ваши головы скажу – дело из которого вы не как не хотите вылезти – есть государева забота, а паче того ещё и церковное. Да-да дети мои, ибо человек, о котором вы спрашиваете – преступник и еретик. И этого, я вам сказывать не должен. Но, дабы внести ясность, всё же возьму на себя сей грех: сидельца того, о ком вы просите, вместе с его братом Силантием, забрали ещё с неделю назад государевы люди. А я, на радостях, что избавился от этой чёрной ноши, не только отслужил благодарственный молебен в этом храме, но и испросив соизволения митрополита, совершил паломничество в скит. Там денно и нощно молился об избавлении от скверны, ибо собор наш не темница и держать в нём злодеев не след. Ноне, вернувшись, и услышав ваш сказ, понимаю, что господь хранит меня, а вас и подавно, ибо за ослушание нашего государя – кара! Но вас она миновала. И мой вам совет: не искушайте господя нашего – отступитесь!

Бояре молчали. Распалённый Берсень вскочил с места:

– Отче! С рождения знаешь ты меня, но ведь не за ради себя я хочу сие дело до конца довести! Ведь чувствую, что тут крамола гнездится!

– До какого конца? Ты о чём сыне? Где тот конец-то? Послушать тебя, так ты как будто миску глупости съел. Никакого конца в этом деле нет и быть не может, ибо испокон веку есть борьба с врагами за нашу веру и за нашу землю.

– Но, ведь Силантий то, как от греков ушёл, то не вернулся на наш двор, а зачем-то пришёл к тебе? – перебил настоятеля вопросом Берсень.

Это вывело отца Михаила из равновесия. Он пристукнул кулаком по столу, так что все трое бояр вжали головы в плечи.

– Молчать! Я вам, о чём тут толкую? А? Это дело не по вашему уму! Всё, государь сказал своё слово, и оно свято! Ты юнец рад должен быть, что в сём деле поучаствовал и великую пользу принёс. Но на этом хватит задавать вопросы, на которые не получишь ответы. Не кличь на себя беду! Разумел?

– Про беду то я понял, но как же так, отче, грекам, значит дело по уму, а мне нет, чую я, что здесь что-то не так....

– Молчи! Молчи – прокляну, – выкрикнул отец Михаил. – Не прикидывайся дурнеем, Иван! И вот что я тебе ещё скажу: причина многих жизненных ошибок в том, что мы чувствуем там, где нужно думать – и думаем там, где нужно чувствовать. Отринь от себя все мысли об этом деле, ибо они ведут во тьму! А вы... – отец Михаил указал рукой на отца и дядю Ивана, – вы, ещё более грешны, чем сей молодец! Уже бороды давно поседели, государевым делом не раз занимались, посольство правили и в боях были, а всё не обрели житейской мудрости. Глаз-то раскройте, да оглядитесь окрест! Война сколь годов не прекращается, а с ней вокруг Москвы мечутся тёмные тени и дурманная ересь, что как гниль поражает тех, кто на миг оступился и упал во тьму собственных желаний и г-о-р-д-ы-н-и, – последнее слово отец Михаил почти пропел, повышая и без того громкий голос.

– Что ж, отче, спасибо тебе за всё, коли так, то мы с твоего соизволения удалимся восво-яси, – Семён Васильевич встал со своего места и поклонился настоятелю, в след за ним под-нялись и молча, отвесили поклон Никита Васильевич и Берсень.

– Куда ж вы так сразу, а трапезничать? – притворно огорчился отец Михаил.

– Благодарствуем отче, токмо ноне ещё служивые дела в приказе государевом, – подал голос Никита Васильевич.

– А-а-а..., понимаю, – сдержанно сказал настоятель, – что ж, коли служба торопит, то ступайте с моим благословением. А, ты, молодой, – перст отца Михаила указал на Ивана. – Почаще бывай в церкви. Ибо не хорошо заботится только о теле, забывая о душе. Сие дело не шутейное, особливо, коли в твоей голове, то и дело бесы своими хвостами крутят.

Берсень, в ответ, полукивнул и тут же шагнул за порог, не дожидаясь окончания крест-ного знамения настоятеля.

«А ведь и у тебя тут святым духом и не пахнет святой отец. Почитай изворотлее гре-ков ты будешь. Но я всё одно узнаю.... Всё визнаю. Мне б теперь только, до этого старика добраться», – думал про себя Иван, вихрем несясь вниз по ступеням из покоев настоятеля.

Глава третья

«Кто бы мог подумать...»

– Ты что ли меня дожидаетесь? – голос боярыни Мирославы был резок, она не любила неожиданных встреч.

Из темноты холодных дворовых сеней навстречу ей шагнул совсем ещё молодой человек и учтиво поклонился.

– От Фёдора Ласкарёва, – проговорил он чистым голосом с лёгким акцентом.

Мирослава мельком взглянула на него, сверкнула хищными глазами, но ничего не ответила, на секунду задумалась и опасливо посмотрела по сторонам. Люда вокруг было много. Тут всегда так, на то он и задний двор государевых палат. По скрипучим доскам сенного пола волокли какие-то тяжёлые мешки, топали надворники со связками дров, тяжёлыми мерными шагами прогибали половые доски служки с огромным окованным железом сундуком. Кому служат все эти люди известно, а вот кому доносят – нет.

– Невместно тут, ступай за мной, – всё так же резко бросила боярыня, и не глядя больше по сторонам, скорой походкой устремилась по лестницам и переходам.

Толкнув очередную дверь, Мирослава вошла в маленькую светёлку с единственным оконцем под потолком, длинной широкой скамьёй вдоль стены и парой сундуков по углам.

– И так..., в грамотке, что ты передал, сказано суть в словах – так говори, – снова холодно произнесла боярыня. Она недовольно вертела в руках маленький пергаментный квадратик с нарисованными на нём палочками и крестиками – шифром, которым велась переписка между всеми ближниками её хозяйки – грозной государыни Софьи.

– Старого еретика и его брата на время перевезли в острог, оба молчат, – ровным голосом сказал посланец.

Пока он это произносил, боярыня Мирослава окинула его цепким взглядом: перед ней был красивый светловолосый молодой человек в щегольском кафтане, и то, что он держался с нескрываемым достоинством, только прибавляло ему привлекательности.

– И что же далее? Неужто некому развязать им языки, – с удивлением спросила боярыня.

– А того и не нужно, всё, о чём они могут сказать и так известно, – чуть улыбнувшись ответил посланец.

– Вот как? – ещё больше удивилась Мирослава, – для обычного гонца ты слишком хорошо осведомлён. Ты служишь у Ласкарёвых? – со скрытым интересом спросила боярыня.

– Боярин Фёдор – мой отец, и сам я, стало быть, тоже Ласкарёв. Димитрием нарекли меня родители, – ещё шире улыбнулся молодой человек.

Мирослава неожиданно для самой себя смутилась, но вида не подала.

– Прости боярин, не признала, ведь доселе мы не встречались, – притворно холодно бросила она.

– Встречались, но давно, – продолжил улыбаться молодой Ласкарёв.

– Так что там с еретиками? – торопливо перебила его боярыня, и как бы невзначай отвела свой взор в сторону.

– Оба в остроге, за ними догляд, и ждём «гостей». Ибо, что взять с безумного попа и его брата-ката? Первый, как старый пень передавал второму лишь те приказы, что с едой подбрасывали ему в подвал, а второй действовал по его указке. Кто писал те приказы, обоим конечно ведомо, да и от нас не сокрыто. Но что толку с пустых имён? Ежели и назовут они эти имена – тут и тупик. Будет лишь боярское слово против холопьяго, а в нашем деле, сама ведаешь, холопий сказ не решает. Но всё же, дело не пропащее. У настоящих хозяев наших сидельцев страх шевелиться должен, – Ласкарёв широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

Мирослава углядела нечто хищное в его улыбке, и её интерес к молодому человеку пыхнул новым огнём. Кровь прилила к щекам. Но боярин в полумраке светёлки ничего не заметил. И продолжал:

– Поп, тот телом слаб, но упрям духом, а брат его, весь как на выворот – в руках силу имеет, а нутром хлипок. Вот на этом мы их и споймаем. А коли придётся, то у обоих, всё, что знают, через огонь вырвем, но это будет опосля, а сейчас – к пытке они не налажены. Ибо ожидаем, что хозяева их, пока те молчат вызволять их учнут, на этом себя явят. Ведь сидельцы – приманка. А вот тот, кто за ними придёт должен знать намного больше, – многозначительно сверкнул глазами Дмитрий. – С тех-то, нам прямая дорога к корням крамолы.

– Хитро.... Вы, греки в сыскных делах зело разумеете, – покачала головой Мирослава, – коли это всё, что передать велено, идём, выведу тебя другой стороной – подальше от чужих глаз.

Дмитрий Ласкарёв снова учтиво поклонился, и вслед за боярыней вышел из потайной горницы.

Они, молча, прошли другими переходами, и очутились в большой кухне. В нос ударил запах печёного мяса. Чуть в стороне, в пристройке под высоким сводом, в ряд стояли пять пышущие жаром печей. Из их утроб вырывался пар и дым от всего того, что там пеклось, варилось, кипело. Вокруг сновали кухонные служки. То и дело то там, то тут стучали и звенели деревянные крышки о глиняные, медные и оловянные горшки. В этом месте готовились яства для великокняжеского стола. Мирослава, не обращая внимания на суетолю, прошла мимо пламенеющих печей, повернула от них в сторону и толкнула закопчённую дверь в длинный коридор, в котором было множество других дверей, ведущих в разные кладовые. Боярыня открыла на одной из них висячий замок и выдернула из стенового светца в коридоре еле тлеющую толстую лучину, пропитанную маслом.

– Сюда, – указала она внутрь кладовки. – Это самая короткая дорога – хоть и темно, но ты иди смело, в конце за поворотом дверь, далее длинный ход, ступай по нему, пока не упрёшься в малые воротца, откинешь щеколду и выйдешь на улицу уже за стеной.

Ласкарёв отвесил поклон, перехватил из рук боярыни лучину и молча, шагнул в темноту.

* * *

Иван Беклемишев был мрачнее тучи, он сидел по месту своей новой службы – в Большом приказе.

В низких палатах печной угар, едкий запах дешевых сальных свечей. За ставленными в две линии столами заляпанными чернилами, толкаясь локтями, сидят писчие, скребут перьями, правят и белят разные грамоты. Отроки в коротких полукафтанных разносят писцам серые листы на рыхлой бумаге, а забирают выведенные красивыми буквицами грамоты на жёлтом пергаменте. По углам, за малыми кафедрами сизоносые подьячие, всё листают какие-то тетради, да сверяют длинные списки. Дел в приказе каждый день много и дела всё путанные: перечёт содержимого государевых кладовых, разной ценной рухляди, поступлений и податей, производство начётов. Самые опытные приказные дьяки, что были под началом у Берсеня, и то иной раз не разбирались, откуда что пришло и куда передано. За неделю Ивану такая служба опостылела, но... согласно государеву слову, Берсень исправно ходил на службу, но при своей пылкой натуре он страдал от «чернильного болота». И хотя приказные палаты были переполнены подчинёнными ему писчими и подьячими, у него самого никаких дел, который день не было. Все текло вязкой рутиной. Изредка подбегал писец с грамотой, требующей печать, которой ведал боярин, получив желаемое, с поклоном исчезал среди снующих туда-сюда таких же приказных. К полудню, часть писцов и половина подьячих под тем или иным благовидным

предлогом из палаты улизнула. Да и сам Иван, махнув на канцелярские дела рукой, решил проехать по Москве – развеять тоску.

От Рыбных – Тимофеевских ворот Берсень повернул коня прямо на торг. Проехал по краю обжорных рядов, и спустился к Воскресенскому мосту, где перед караулкой стояли возы с хлебом, те, что ещё не пустили на торг. Возле возов, бойко тараторя, топтались мужики-возчики и осипшие от перебранки на морозе караульные, что желали получить с заезжих мзду, сверх обычной, торговой.

Беклемишев хотел уже поворотить коня и поехать вдоль замёрзшего берега, вглубь посада, но внимание его привлекла одинокая фигура, что пряталась от ветра за бревенчатой караулкой. Человек, завидя прохожих выглядывал из-за стенки, подходил почти к самому мосту и тряс большой медной кружкой, прося подавание. Одет он был в чёрное монашеское одеяние, тяжёлые вериги горбили его, ветер трепал длинную седую бороду и редкие длинные волосы, что выбивались из-под широкого чёрного платка, которым были повязаны его глаза. Многие горожане, жалея его убогость, кидали мелкую монету в кружку, истово крестились проходя. «Ишь, праведник... Страдалец...», – шептались они между собой.

Иван усмехнулся в бороду и направил коня к монаху, нашаривая в кармане.

– Подайте православные, за ваши грехи терплю..., гнусаво завывал монах, позвякивая кружкой.

– А что отче, может сгодиться тебе эта монета? – сказал Берсень, соскакивая с седла и бросая в кружку медную пуговицу со своего рукава, что уже несколько дней как завалилась в кармане.

– Коя-ж это монета, кормилец? – елеинным голосом ответил монах, – ты, видать, спутал.

– Я-то не спутал, а вот как ты слепец её разглядел? – с издёвкой ответил Иван. – Сам я хоть грешен и далёк от праведности, но кое-что вижу, например, как ты схоронил стыд на дне этой кружки и встал хворым праведником тут, и это, вместо того, чтобы отмолить прощение у отца Михаила.

Монах дёрнулся как ошпаренный и сдёрнул платок с лица, широко раскрыл гноящиеся глаза, чтобы рассмотреть того, кто перед ним стоит. Его движение заметил один из караульных, что стоял в стороне, опершись на рогатину и лениво зевая, слушал перебранку своих товарищей с возницами.

– Ей паря, неча ласы точить, бросил милостыню и иди своей дорогой, убогай тебе не докука, – крикнул он, сделав шаг в сторону Ивана.

– Э-нет, я этого «голубя» возвращу к его родному гнезду, – спокойным голосом проговорил Берсень и схватил монаха за шиворот. Тот затряс бородой и загремел веригами.

– Да ты чего? Над старцем глумиться? – рявкнул караульный, перепрыгивая через зыбкий сугроб и подбегая к боярину.

Монах отчаянно замахал руками и стал показывать караульному какие-то знаки, но тот не обратил на это внимание и уже изловчился, чтобы ударить Ивана древком рогатины.

Берсень выпустил из рук поповскую рясу и ловко нырнув под удар караульщика сгрёб того в охапку.

– Ты на кого фуфлыга пасть раззявил? – рыкнул Иван и врезал караульщику коленом в живот, тот хватанул ртом воздух и осел, выпустив из рук рогатину.

Развернувшись на месте, Берсень снова подступил к монаху: – а ты куда, уползть решил, гнида?

– Не бей..., не бей! – монах загородил лицо руками, его кружка с медяками, звякнув, упала на снег.

Сзади уже бежали ещё трое караульных, впереди старшой в распахнутом крашеном тулупе.

Добежав до боярина, он резко остановился и растопырил руки в стороны, сдерживая остальных. Скользя кабаньими глазками по дорожному кафтану Ивана, его куньей шапке, епанче с куньей же оторочкой, богато украшенной сабле и шитому золотом поясу, он решил не бросаться с наскока.

– Ты почто забижаешь калеку, боярин? – заискивающе спросил он.

– Калеку? – обернулся Берсень и смерил караульщиков презрительным взглядом, – тебе-то, что за дело, али вы в сговоре?! – повысил он голос, заметив, что караульные остановились в нерешительности.

Горожане, что шли по мосту мимо остановились, стали выглядывать из-за спин друг дружки, стараясь рассмотреть, что происходит.

– Значит, так у вас всё обставлено? – продолжил напирать Иван, – Поп своими болячками народ отвлекает, а вы с проезжих мзду трясёте?

– Да что ты, что ты боярин, я хоть и не ведаю как звать-величать тебя, но вижу, что муж ты праведный. Мы не об чём таком и не думали, вишь службу сторожевую несём... – залепетал старшой караула, а сам ещё раз скоро оглядел боярина. «Эк..., сопля зелёная, но по всему видно совсем не из простых.... И одёжа богата и голос держит шибко. От таких юнцов всякие беды и бывают. Намутит, накрутит и опосля тятке нажалится, а тот, небось, подле престола трётся. Эх-ма...», – быстро продумал он.

– Службу? – недоверчиво переспросил Берсень, – ну коли так, то и далее несите, а этого телуха патлатого, я с собой забираю. Отвезу к его настоятелю в храм, где ему воздастся! – он рванул монаха за рясу на загривке, а про себя подумал: «доставлю настоятелю Михаилу этого старого пня, авось в награду узнаю, чего мне нужного. Может шепнёт или намёк какой даст».

– Э-э-э..., боярин, так-то не гоже, – прогнусавил один из караульных, – мы с этого монаха копейку за место имеем....

– Что-о-о? – взревел Беклемишев и схватился за саблю, – Видать спина твоя по плетям затосковала, околотень безмозглый.

– Боярин не губи, – бухнулся на колени старшой из караульных, – это Мекеша так шуткует, ты не слушай его дурня....

– Что ж, радуйтесь, что не досуг мне тут с вами, – нахмурил брови Беклемишев. – Но! Я каждый день к государю на службу сей дорогой езжу, – схитрил Иван, – коли увижу, ещё, когда на мосту непотребство – быть вам всем драным плетьюми, – не дожидаясь ответа, он подошёл к своему коню и взобрался в седло, тронул коня шагом.

– А ты «святой голубь», пойдёшь со мной, – добавил Берсень, на ходу хватая собравшего свои медяки старика за загривок. Монах покорно поплёлся рядом с конём боярина, звонко брэнча своими веригами и медяками в кружке.

Проезжая мимо хлебных возов Иван крикнул: – гей православные, чего встали? К торгу правьте, а то закроют скоро!

Мужики, повинувшись приказу, мигом развернули свои возы, и, подстегнув понурых лошадей, поездом поехали вслед за боярином.

– Да как же это... – дёрнулся с места один из караульщиков.

– Охолонь дурень, – вполголоса проговорил ему старшой, придержав за плечо, – мы завтра своё возьмём, а сегодня нам надо без драной спины по домам возвратиться, – добавил он, поднимаясь на ноги отряхивая снег с коленей. – Ты, вот-ка что..., давай мигом беги к караульному голове, доведи, что тут видывал, да упреди, что боярин наперёд грозился. Голова от нас десятую деньгу берёт, вот пусть думает, как окоротить этого молодца, а на обратной дороге заскочи в собор Архангельской, обязательно к самому настоятелю Михаилу и ему всё обскажи, что видывал. Мы мол, знать не знаем, евойный старик сам тут шатался за подаянием, вот и доводим об ентом....

Караульщик согласно кивнул, и, натянув поглубже свой колпак, подхватил рогатину побежал в проулок.

– И где-то я эного боярина уже видывал, – проворчал себе под нос старшой караульщик. Но сколько не морщил лоб, так и не вспомнил. Для верности глянул ещё раз в сторону, куда скрылся боярин, но того уже не видать.

А Берсень повернул на дорогу к кремлю. Старый монах, что шёл рядом с конём, удерживаемый за шиворот Ивановой рукой, начал скулить.

– Пустил бы ты меня боярин..., ой тяжко мне..., ой не могу идти дале....

– Что же ты стонешь, монаше? Чай не в застенки – на подворье храмовое тебя веду, вроде как дом твой там? Али не так?

– Дом..., как же.... Темница моя там, а не дом, – хмуро буркнул старик.

– А вот грекам, небось, ты так не сказывал? Али думал, я тебя не признаю? Ну... сказывай? Служишь им?

Иван остановил коня, монах отдышался и поднял свои гноящиеся глазницы к боярину.

– На что я тебе? Какие греки, не ведаю я ничего....

– Не ведаешь?! А ну, идём сейчас на подворье, всё расскажешь.

– Ой, не губи родненький..., – по-бабьи взвыл старик. – ведь коли сдашь меня Михаилу – замкнут в узилище и там жилы вытянут. Не служил я никаким грекам, один раз, ко мне пристал какой-то молодец, да и то разговора у нас не вышло.

– А об чём он тебя спрашивал? – свесившись с седла спросил Берсень.

– Дык о том, мол, служу я в обители али нет....

– А зачем энтó ему было нужно? – продолжил напирать боярин.

– Не ведаю..., вот те крест не ведаю-у, – мелко трясясь, перекрестился монах.

Иван Беклемишев стрельнул глазами на испуганного деда и замер в нерешительности.

Заметив это, монах обнял боярина за сапог.

– Отпустил бы ты мени, а? Я правду реку про греков. Но может, я, когда тебе в чём-то другом пригожусь?

– Чем же ты мне годишься, седая голова? – более миролюбивым тоном спросил Берсень, ему почему-то стало жалко этого старика.

– Кто знает боярин, пути господни неисповедимы, я же в сём храме с измальства живу, может, чего для тебя нужного узнаю? – старик склонил голову на бок и лукаво ухмыльнулся. – Ты, только дай мне знать, чего надобно, а я уж расстараюсь...

Берсень на мгновение задумался: «Почему он так молвит? А может..., и ведаёт чего?», – мелькнуло у него в голове.

– Вот значит, как..., – качнулся в седле Иван, – ежели я сейчас тебя отпускаю, ты мне за это послужишь?

– Послужу-послужу, что хошь сделаю, – закивал головой монах.

– Что ж. Можá, я бы тебя. Но есть ли вера гласу такого, как ты?

– Да ты уж верь, не прогадаешь, боярин, Христом-богом молю!

– Ну, коли так, то слушай мой тебе первый наказ: – узнаешь, куда забрали сидельца, что был в храмовом подвале на цепи....

– Дык это..., коего из них, тама народа тьма перебивало, – растерянно спросил монах.

– Того, к кому Силантий приходил, – пояснил Берсень.

– Силантий, Силантий..., – несколько раз проговорил под нос старик, потряхнул головой пытаясь вспомнить. – Ты вот что, боярин, сегодня приходи после вечери к бабке-Андронихе, что за кузнечной слободой у леса живёт, а я всё к тому сроку сведаю, вот тебе крест, разузнаю, – звякнув веригами, перекрестился монах.

– Ты что же это богу служишь, а по бабкам ходишь, – с усмешкой спросил Берсень.

– Травница она, очи мои лечит, – пробурчал старик, – да, и чужих никого у неё не быват.

– Ой, старче, гляди, не подведи меня, я ж, теперича, за тобой пригляжу, коли обманешь – во... – Берсень погрозил монаху кулаком.

– Не обману, боярин, истинный крест не обману, – закрестился старик.

– Что ж поверю тебе на первый случай, ступай, – Иван махнул рукой и ударил пятками в конские бока. Конь резво взял с места, а старый монах остался стоять на дороге.

* * *

Весь день Московская великая княгиня – государыня всяя Руси и земли Новгородской, и Псковской, и Тверской, и Пермской, и Югорской, и Болгарской, и иных – Софья Фоминична Палеолог, была не в духе. Она всегда с грустью встречала приближение долгой и холодной русской зимы. И хоть в тереме её жарко натоплено, горят сотни ламп и свечей, но она знала, что скоро за стенами её покоев будут: снег, лёд и холод. В такое время она начинала чувствовать себя пленницей в собственных покоях. И чем дольше длилась зима, тем сильнее было это чувство.

Заботами великой княгини её палата для приёмов была роскошно обставлена. Она сама указала, как всё устроить, сотворила внутри терема маленький цареградский мир. Окружила себя нарочито нездешними вещами, мебелью, заморскими коврами и безделушками. Даже расписные иконы, что в несколько ярусов опоясали стены почти под самым потолком, были особенно яркими в золотых и серебряных окладах, украшенных крестиками и иноземными золотыми монетами. Ярko горели под иконами огни в больших и малых причудливых лампадах, по углам палаты в больших круглых подсвечниках потрескивали фитили десятка толстых витых свечей.

Но сегодня, в просторном зале, кроме её двух подручных боярынь, что сидели у стены, был только подслеповатый дьячок-писарь, который водил корявым пальцем по строчкам свитка, что лежал у него на коленях и иногда поднимал глаза к потолку, беззвучно шептал какие-то слова. Больше никого из своего двора, из-за дурного настроения, Софья нынче к себе не звала.

Сама великая княгиня сидела в высоком резном кресле венецианской работы, обитом мягким бархатом, рядом с массивной подставкой для книг над раскрытым фолиантом на греческом языке. Её взгляд был обращён к ликам святых, что взирали безмолвно со стен, но сейчас мысли государыни были не о молитвах.

Почти семнадцать лет минуло с того дня как она стала женой великого князя Иоанна Васильевича.

«Как быстро утекло это время», – подумала Софья.

Прошедшие годы изменили её: явившаяся на Москву маленькая, пухленькая, с тёмно-русыми волосами и белокожая, с огоньками в светлых глазах, византийская царевна²⁸ обернулась строгой государыней Руси – дородной женщиной с волевыми чертами лица и тяжёлым взглядом.

Новая жизнь Софьи полностью перевернула её прошлый мир. Теперь все её дни были наполнены сложными и важными делами и мыслями, каждый шаг и слово отражались эхом по всей Руси и далее.

Рождение в браке детей и открытая неприязнь со стороны сына Великого князя от первого брака – Ивана Иоанновича²⁹; слухи и сплетни о ней и её окружении, которые разносились

²⁸ В Троицком Сергиевом монастыре хранится пелена, вышитая руками Софьи. В подписи на пелене, она величает себя «царевною царгородскою».

²⁹ Иван Иванович Молодой – удельный князь Тверской, сын и наследник великого князя Московского Иоанна III Васильевича и его первой жены Марии Борисовны.

по всей Москве и, наконец, растущая холодность и подозрительность со стороны самого Великого князя – всё это Софья приняла как неизбежное. Даже скрытая вражда с ныне покойной свекровью – Марией Ярославной³⁰ не согнули гордую греческую царевну.

Никто кроме бога не слышал от нее жалоб. Познавшая ещё в детстве, при дворе своего отца, что такое придворные интриги и вероломство, она умела извлекать выгоду из любых передраг. Именно поэтому государь Иоанн Васильевич, несмотря ни на что, всё ещё дорожил её словом. А её властного взора боялись одинаково и слуги, и высокие бояре, и даже жена государева сына Ивана Молодого – Елена, прозванная на Москве Волошанкой.

Великий князь Иоанн Васильевич, показно не замечал неприязни между своей женой и молоденькой снохой, но это не затуманило взгляд проницательной византийской царевны.

«Эта набеленная черноокая девка ни перед чем не остановится, и готова пойти даже по мосту из чужих костей», – в тысячный раз подумала про себя Софья и прикрыла веки.

А в её голове мысли снова стали переплетаться в планы, о которых она не могла сказать никому и полслова.

«Нынешнему наследнику престола – Ивану Молодому через четыре месяца будет уже тридцать один год. По воле отца – московского государя, он – Великий князь Тверской и соправитель ему на престоле московском. Но всем на Москве ведомо, что до государственных дел, наследник куда как неохоч». Софья с затаённой горечью поджала губы, вспоминая, как Молодой, с трудом скрывал свою скуку, если ему доводилось бывать при государе на приёме послов, али на большой службе в соборе, по случаю крестин сводных сестёр и братьев. И не только это.

Иные князья и бояре, что мелькали при дворе великого князя, про меж себя в голос вели досужие разговоры о том, что ни на Москве, ни в Твери, правлением, как должно князю-государю, Иван Молодой не занимался, а токмо, покорно исполнял все приказы отца – Иоанна Васильевича. А ежели, кто из родовых князей бывал под хмелём, так, те, сразу после того как поминали о своём родстве с великим князем, нет-нет, да и упоминали, что наследником вертит его жена Волошанка. Мол, пока тот месяцами пропадает в набегах на врагов, да на охоте в чащобных буреломах – княжна Елена правит его именем.

Государыня Софья невольно сморщила нос, припомнив, как Молодой являлся на Москву по зову своего отца – тихий и покорный его воле, одичавший от звериной крови, пропахший лошадьми и псиной.

«Вот если бы наследником престола был не он, а её сын-отрада Василий – Василевс!» – греческая царевна вздохнула. «Вася – умница, с измальства наукам разным способен, учтив и расторопен. В свои малые лета не по годам умён. Ещё пока юный отрок, но уже вникает во всякое дело...», – звучали в голове Софьи слова, которые она не раз произносила мужу.

«Если бы Васенька был наследник! Мне бы была открыта иная высь. Всё, что лучшее было при византийском дворе вернулось бы. И новая империя простёрлась бы до самых дальних морей. Ах, какой бы великий государь был мой сын...»

– Матушка, – тихонько позвала государыню ближняя прислужница – старшая верховая боярыня³¹ Мирослава. Она только что неслышной тенью вошла в палату и стала подле кресла государыни.

– Жди в покоях, – оторвав взгляд от икон, сухо бросила ей Софья, – да прикажи вина согреть и подать, – добавила она в спину уходящей боярыне, та на ходу поклонилась и исчезла за малой дверью.

Государыня глубоко вздохнула, трижды перекрестилась и поднялась со своего места.

³⁰ Мария Ярославна, (ум. 4 июля 1484) – великая княгиня московская, мать Ивана III. В 1482 году ушла в монастырь под именем инокини Марфы, но до самой смерти продолжала оказывать влияние на своих сына и внука. Знакомство Ивана Молодого с Волошанкой состоялось в монастыре при её участии.

³¹ Распорядительница в покоях великой княгини.

– А что наш супруг, всё ещё с боярами заседает? – спросила она у одной из подручных боярынь – сероглазой и статной княгини Веренеи.

– Сейчас матушка всё проведу, – подскочила на месте та.

Софья еле заметно кивнула и направилась к двери, за которой недавно скрылась боярыня Мирослава. Вторая прислужница – совсем ещё молодая пухленькая Марфа, было направилась за государыней, но та обернулась и сделала знак рукой останавливая её. Затем указала на скамью у двери, прислужница молча повиновалась, пропустив за дверь Софью опустилась на скамью и занялась вышиванием, которое извлекла из кармана, что был скрыт в складках сарафана.

* * *

Поднявшись по широкой лестнице из резного дуба, государыня ступила в свои покои. Прислушалась к вою ветра в печных дымницах, вдохнула запах греческих благовоний, афонского ладана и смирны, что курились посреди покоев в четырёх медных жаровнях на длинных ножках. Софья любила эти запахи, они успокаивали её, на поминали о счастливом детстве в далёкой, и теперь навек покинутой родине. Она обвела взглядом свои покои и проход в опочивальню. «Как раньше любил это место мой муж», – промелькнуло у неё в голове. Она знала, что Иоанн Васильевич сначала невольно, а после всё сильнее и сильнее проникался её «ромейским миром», который она творила при помощи безделушек, нездешней мебели, дорогих заморских тканей. Но годы прошли... и теперь, супруг всё реже приходил в её покои, и уже не оставался в её опочивальне до утра...

Качнув головой, как будто отгоняя от себя тяжёлые мысли, государыня медленно прошла мимо застывшей в поклоне боярыни Мирославы и присела на широкое ложе с высокой спинкой. У ложа были точеные ножки гнутой формы. Изголовье отделано инкрустациями из цветного стекла и слоновой кости, а также деталями из бронзы в виде львиных голов. Матрас и спинка обтянуты алым бархатом с золотистой каймой.

Боярыня подала своей госпоже чашу с вином. Софья пригубила и откинулась на подушки, взглянула из-под ресниц на Мирославу.

– Какие вести? – тихо спросила она.

– Ласкарёвы нашли обоих еретиков, и теперь, держат их в остроге.

– С тех еретиков не велика польза, покуда они не назвали своих хозяев, а те, не выдали себя делом.

– Именно так и сказал боярин Дмитрий, поэтому греки ждут, что их хозяева скоро объявятся, – согласно кивнула Мирослава.

– Боярин Дмитрий? – Софья изогнула бровь дугой.

– Да, молодой Ласкарёв, он с вестями приходил, сам весь пригожий....

– Ах, оставь эти бабьи разговоры: «пригожий», – недовольно осадил свою слугу Софья. – Ты вот что – скажи Ласкарям, пусть хорошенько тряхнут сидельцев. Но главное, пусть расплетут те ниточки, что от сих еретиков-заговорщиков ведут к Волошанкиному двору. Да и про братьев Курицыных пусть не забудут. Из всех врагов моих, эти двое самые опасные. Прочие, кои злоумышляют супротив меня хоть и злы, но не столь хитры. А с этими тяжко, близко они к государю и коварству их нет предела. Мыслию я, что еретики свою крамолу творили не без их наущений.

– Всё сделаю, как велишь, сегодня же передам.

– Будь настороже, действуй с опаской, – как будто в забытье, прикрыв глаза, проговорила государыня.

– И Ласкарёвых опасаться? – с недоумением переспросила боярыня.

– Этих..., пожалуй, нет, – Софья открыла глаза и снова отпила из чаши, – их род издревле служил нам. Но, в наше время не в чём нельзя быть уверенной до конца. Поэтому, ты пригляди

за этим «пригожим», как бы чего лишнего не сказал, или не сделал. Старый Феодор Ласкарь – тот хитрее лисы и опаснее лесного волка будет, но молодого я в деле не знаю.

– Как пожелаешь, государыня, – с поклоном ответила Мирослава.

– Ступай же, – коротко обронила великая княгиня.

Пока Мирослава шла к двери, она пристально смотрела ей в след. «Кто бы мог подумать...», – пронеслось в голове Софьи, «Кто бы мог подумать, что такая нескладная на вид баба, высокого роста, вся белёсая, с крепкими как у дворового мужика руками и впалой грудью – станет такой преданной и ловкой слугой. Воистину, неисповедимо провидение господне», – великая княгиня истово перекрестилась.

* * *

К вечеру ударил первый настоящий мороз.

Уже миновав кузнечную слободу, Иван продолжал мысленно ругать старого монаха, что указал такое место для встречи. «Ну, если sluкавил старый чёрт – с живого шкуру спущу». Он даже несколько раз подумывал о том, не повернуть ли назад, но каждый раз одёргивал себя.

Вот и последняя кривая улочка с покосившимися домами и сараями уже кончилась, дорога превратилась в еле заметную в темноте тропку. Впереди только поле, да перелесок. «Тьфу напасть, sluкавил-таки проныра, нет тут никакого жилья далее...», – Берсень остановил коня и прислушался, – где-то вдалеке брехали собаки, морозный ветер дул резкими пронзительными порывами и более ничего.

Досадливо хлестнув коня, Берсень проехал ещё вперёд и заметил далеко впереди одинокий огонёк. «Постучу и узнаю, коли не скажут дорогу к бабке, завтра найду старого попа и поквитаюсь». Иван, чтобы согреться, а может от злости, рысью подъехал к низкому домику с покатой крышей, что утопал в снегу по самые окна. В одном из двух мерцал тусклый огонёк... Не слезая с коня, боярин, нервно постучал в окно и отъехал к низенькой двери. Вскоре за дверью послышались шаги, и звякнула щеколда. В приоткрытую щель показалась голова, закутанная в большой тёмный платок.

– Эй, старуха! Не знаешь ли дорогу к бабке-травнице, Андронихой кличут? – крикнул Берсень.

– Ждём тебя, ждём..., боярин, – приветливо закивала баба.

Иван соскочил с коня, отдал повод, а сам мысленно ругая себя за всю затею, шагнул внутрь крошечных сеней, через которые можно было попасть в сам дом. В темноте налетев на лавку, Берсень чертыхнувшись, наконец, нашарил дверь и ввалился в нутро избы.

Единственная горница была не большой, но жарко натопленной. Помимо очага, что еле тлел в самом центре, у дальней стены была сложена низкая печь-каменка, на которой, что-то кипело в закопчённом котле. Под потолком, на протянутых вдоль стен верёвках висели травы и коренья. А возле окна, на широкой лавке сидел старый монах. Он был уже без вериг и глаза его заметно меньше гноились, чем раньше.

– Здрав буде боярин, – вскочил с лавки с поклоном монах, – давно тебя дожидаю, всё как условились.

– И тебе здравия, вижу, хвори твои отступают? – проговорил Берсень, бухаясь на лавку, рядом с тем местом, где ещё мгновение назад сидел монах.

– С божьей милостью и стараниями бабки Андронихи, – продолжил суетиться старик, стоя согнувшись перед боярином.

– Что ж ты, слуга господен, а с ворожеей дружбу водишь? – как и в прошлый раз укорил Иван, оглядывая пучки трав на стенах и под потолком. Он делал это с нарочитой внимательностью, чтобы не встретиться взглядом и не выдать своего раздражения.

– Что ты..., что ты..., она ж совсем наоборот..., – замахал руками старый монах, – да и всех московских колдуний-ворожей уже как десять годов по приказу государыни Софьи в реке утопили. Царевна-волхва решила остаться единственной, – лукаво хихикнул дед.

– Что-о-о? Молчать! А не то сейчас располовиню прям тут! – взревел Берсень хватаясь за саблю, – за такие речи о государыне – смерти предам!

– Молчу-молчу, – боязливо затрясся монах, – болтнул не подумавши, не гневайся господине.

– Ты мне тут зубы не заговаривай, чай я-то не хворый, и не за пустым разговором пришёл, о деле рассказывай! – грозно засверкал глазами боярин, он был даже рад возможности проораться, но опомнившись, сдержал себя. Важно, что поведает старик.

– Дык, это... конечно-конечно, – снова закивал седыми патлами дед, – вот послушай, что я вызнал: почитай уже лето тому назад, в нашу обитель, ночью привели закованного в железа человека, тогда, да и ныне, никто кто он есть, толком не ведал. Человека того враз заперли в подвале и там и держали всё время, хотя иногда, как медведя на цепи водили на молитву. Но токмо с чёрным мешком на голове...

– Ты мне что, решил всё житие вашего храма пересказать? – нервно перебил Иван. – О моём деле рассказывай!

– Сейчас-сейчас, уже..., – просительно сложил руки монах. – Так вот, ни как звать-величать, ничего другого об этом человеке братия не знала. Но с недавнего времени стали примечать, что к нему стал приходить другой незнакомый монах и не из нашей братии – сам ну как есть как лесной вепрь, с таким же носом широким и лохмами чёрными, да и ходил он, переваливаясь, словно на обе ноги хромает....

– Та-а-а-к..., протянул Берсень, снова перебив старика, и подался всем телом вперёд, ему стало жарко.

– Ну так вот, – продолжил старый, сделав вид, что не заметил реакции боярина, – я сам то, его видал лишь один раз, да и то только мельком, а братья, сказали, что больно чудной был этот монах. В храм он приходил всегда со двора в мирской одежде, от ворот сразу шёл в покои настоятеля и оттуда уже выходил одетый как чернец. А далее шёл в подвал, иногда вместе с настоятелем Михаилом, иногда один, вот его-то настоятель несколько раз в разговоре и называл «Силантием». Верно про этого человека ты давеча спрашивал?

Берсень хотел сказать «да», но, только молча, кивнул, скинул шапку и епанчу, потёр рукой висок. Ему стало ещё жарче.

– А с месяц назад, энтот самый Силантий прибежал к храму ночью, да и остался. Два дня он тайно сидел в камере под звонницей. Пономаря, что там жил, Михаил выгнал в общие кельи, тот теперь там и живёт. Глухой он, и тем братии досаждают.... Он то мне про всё и рассказал.

– Да пёс с ним, с пономарём этим, – грубо перебил боярин, – ты о Силантии рассказывай, сядь сюда, – он указал на лавку рядом с собой.

– Так я про то и речь веду, что, Силантий-то этот, пожил два дня в келье, а как настоятель Михаил в скит отъехал, его вместе с тем, что на цепи в подвале сидел, из храма забрали. Сам-то я этого не видел, ибо уже в камере под замком был по приказу Михаила...

– Куда, забрали? Кто? – выкрикнул боярин Иван.

– Так я уже рассказывал, что про то никто не ведаёт, токмо привратник наш рек, что будто острожная стража за ними приезжала, – понизив голос, закончил старый монах.

Берсень вскочил с места и заметался по горнице.

– Не ответы, а вопросы ты мне принёс поп..., – бросил он на ходу.

– Ну дык, я ж того..., всё что мог, сделал, у других монахов всё выведал. Коли узнает Михаил мне головы не сносить.

– А греки? – спросил Берсень, резко остановившись напротив деда.

– Какие греки? Ах, ты про того молодца, о котором я уже сказывал? Это он грек? Дык мне о ем, и добавить неча. И чудно мне было, что этот, по виду начальный господин, меня прямо на улице к ограде прижал....

В это время в горницу вошла бабка с охапкой дров, бросила их у порога. Проковыляла к очагу, и, припав к полу, подула на угли.

– Не хочешь, ли испить горячего, господине? – скрипящим голосом спросила она Ивана.

– Да иди ты к лешему со своим питьём старуха, – прикрикнул Берсень. – Ты поп, говорил, что тут спокойное место....

– Так и есть, – кивнул головой старик, а Андрониха никому ничего не скажет, да и не слышала она ничего и мне, кроме сказанного молвить более нечего.

– Ну, если нечего, то и мне тут быть более не след, – боярин рванул с лавки свою епанчу, – Эй бабка! Выводи моего коня.

– Сейчас – сейчас, касатик, – отозвалась старуха и захромала обратно к двери.

– О нашем разговоре забудь, – бросил на ходу, не поворачивая головы к деду Берсень.

– То ясное дело, не было никакого разговора-то, – эхом отозвался старый монах.

На улице боярин резво вскочил в седло и гнал коня до самого дома, не чувствуя мороза. Мысли огнём жгли его изнутри.

* * *

С утра, голова у думного дьяка Фёдора Курицына болела от размышлений о европейских делах.... Он перечитывал грамоты от послов и соглядатаев, смотрел на карту. Думал, много думал.

Пока все в государстве Московском обратили свои взоры на остатки Тверского княжества, да на войну с Литвой – Фёдора Курицына заботили страны, что лежали западнее. Он размышлял о том, как склонить государя Ивана продлить союзнический договор с угорским³² королём Матьяшем Хуньяди – Корвином, и о помощи молдавскому господарю Стефану в войне с османами. Оба этих иноземных правителя недолюбливали друг друга и даже, по случаю, промеж собой воевали, но их поддержка открывала новые возможности для укрепления позиций московского государя в Европе, а также к признанию Москвы великой и просвещённой державой, а вслед за этим и всех русских людей не восточными дикарями, а европейцами. Ну, и, само-собой: ход товаров через земли этих правителей выгоден – напрямик на запад. Вот о чём думал Фёдор Курицын.

В дверь с низким поклоном вошёл постельничий, он, увидев, что дьяк занят своими мыслями, робко кашлянул и позвал своего хозяина.

– Господине..., господине...

– Чего тебе, – не поднимая головы от бумаг, отозвался дьяк.

– До тебя человек..., – промолвил постельничий, переминаясь с ноги на ногу.

– Так веда, всё так же безразлично, и не поднимая головы, ответил Курицын.

– Да дух от него смрадный и сам он того..., – постельничий завращал газами ища подходящее слово. – Хотели прогнать, а он, вон чё кажет, – постельничий с поклоном подошёл к столу хозяина и протянул ему свинцовый кругляш с вдавленным на одной стороне резным крестом.

– Тут почитай от каждого второго..., дух..., – брезгливо ответил дьяк, бросив на стол полученную свинцовую метку, – ладно, веда его в подклеть на заднем дворе, да так, чтобы по пути он ни с кем не встречался. Я чуть погода подойду.

³² венгерским

Проводив слугу взглядом, Фёдор достал из потайного ящичка стола кошель с монетами и маленькую коробочку простого тёмного дерева, – «два верных средства для любой беседы с тёмными людишками» – подумал про себя дьяк, и, прихватив свечу, вышел. Спустился через боковую лестницу и через низенькую дверь проскользнул к заднему двору своей усадьбы. Толкнул скрипучую дверь в пристройку.

На звук двери воровато обернулся тощий, сгорбленный человек в темном, выдавшем виды кафтане и колпаке, надвинутом на самые глаза, с курчавой тёмной бородой.

Постельничий, которому передалось нетерпеливое волнение незнакомца, согнулся в поклоне перед дьяком. А горбун только закричал. Курицын, переступив порог, остановился, посмотрел на обоих, стоявших в отсвете единственной лучины.

– Епишка?! – узнав незваного гостя, дьяк нахмурил брови.

– Он самый, господине, – ответил тот. Волнение его, казалось, куда и делось, он медленно стянул с головы колпак, и согнувшись вперёд, поклонился.

– Да как же ты, холопья душа, насмелился ко мне прийти?! – сухим голосом произнёс дьяк Фёдор.

Постельничий шагнул за спину незнакомца, но тот даже не пошевелился; кривая заискивающая ухмылка перекосила его лицо с чахоточными пятнами, что проступали из-под бороды на впалых щеках.

– Тому есть причина господине, – понизив голос, произнес Епишка, и как бы ненароком повернул голову и стрельнул чёрными бегающими глазками в сторону постельничего.

– Зябко тут, – отвлечённо бросил дьяк и перевёл взгляд на своего холопа, который истуканом застыл за спиной горбуна. – Ты..., печь затопи да ступай, – Фёдор указал постельничему рукой на берёзовые чурки, что лежали в углу, возле малой изразцовой печурки.

Постельничий запалил от лучины бересту в печи, покидал в разгоревшийся огонь чурки и молча, удалился.

– Реки, что тебя ко мне привело, али забыл наш уговор: боле никогда не встречаться? – бросил через плечо дьяк, отходя к нагревающейся печи.

– Да, дело сурьёзное и не мешкотное..., – начал горбун.

– Там стой, фу..., смердит мертвечиной то от тебя, – прервал его Фёдор Курицын, – говори без опаски, тут никто тебя не услышит.

– Дело говорю не мешкотное, коли прознают греки Ласкарёвы – головы мне не сносить. Вот я и того..., – Епишка замялся, стрельнул вороватыми глазками на дьяка.

– Да говори уже, рохля, и без тебя дел у меня много, чего тянешь? – повысил голос Фёдор Курицын, чтобы не показывать отвращения, которое вызывал у него вид горбуна, он повернулся спиной к своему неожиданному гостю.

– Решил я, что пришло мне время последнюю службишку тебе господине сослужить и с Москвы бежать, – горбун качнулся вперёд-назад.

– Вона как, ну так справь службу и делай, как задумал, – пренебрежительно бросил дьяк.

– Дык, я это..., господине, пришёл упредить, вроде обсказать, как дело идёт.... То самое, о котором греки радеют, – снова поклонился Епишка.

– Коли и вправду что важное об этом деле, то говори всё без утайки, – обернулся к нему Фёдор Курицын.

Горбун помял в руках свой колпак, стрельнул глазами в сторону двери и заговорил шёпотом, с придыханием.

– Молодой Ласкарь, приехал вчерась, к ночи, с ним были люди, все конные и при оружии, я сперва подумал, что они хотят забрать кого из пленников, но боярин только надо мной потешился, молвил, что, мол, деньги на содержание пленников уплочены. С тем мы и пришли к подвалу, где сидит кат-Силантий. Коды отворили дверь, тот долго кричал и кашлял, прежде, чем поднялся на ноги. Видать ослаб от цепей, а как в его темницу зашли двое воев с факелами,

он прямо весь зашёлся дрожью. Вслед за воинами к нему молодой грек вошёл. На вид ещё мальчишка, но заносчив не по летам, да..., ты же всё сам об ём усё знаешь господине....

Увидев боярина, Силантий отшатнулся назад. Затряс патлатой головой.

– Я желаю видеть брата, – выдавил он из себя.

– Твои желания не имеют значения, ведь ты здесь по воле божьей, – ответил ему боярин.

– Не повинны мы ни в чём. Всё не так, как ты об этом думаешь, – отходя дальше к стене, залепетал Силантий.

– Да? – принял удивлённый вид молодой боярин. – А вот брат твой изрекает другое: он признался в соучастии в заговоре, и ещё рассказал, какие поручения давал тебе. И кроме того, сказал, что это ты удавил Лукомского по его указке.

Силантий затравлено прижался к стене.

– Как видишь, мы всё и так проведали, и от тебя уже никаких слов не потребно. Тебе осталось только принять кару и всё, – спокойным голосом продолжил молодой Ласкарёв. – Но я знаю тебя и, вижу, что ты не совсем пропащий человек.... Понимаю – ты хотел спасти своего брата, и даже бежал от нас, чтобы предупредить его, а вот он все вины переложил на тебя.

– Не слушайте моего брата, он не понимает, что речёт. Безумен он..., – провыл Силантий.

– Хорошо, тогда расскажи нам о том, что знаешь ты.

Силантий тяжело задышал и стал скрести ногтями по стене.

– Ну вот, теперь ты молчишь, – грустно вздохнул Ласкарёв. – Что ж..., ты сам знаешь, что будет далее. Завтра твой брат будет на спросе с пристрастием. Ну, ты понимаешь, что он мог что-то утаить. Ведь ты и сам не раз развязывал языки. Теперь сия участь ждёт его, – подытожил боярин.

Силантий в ответ лишь шумно засопел и ошалело завращал глазами.

– Ну так как? Сам скажешь или обождём, что завтра молвит твой брат? – с досадой спросил молодой Ласкарёв.

– Нет-нет, не надо! Он же немощен телесно и слаб умом, скорбен он..., – Силантий рухнул на колени.

– То наказание за его грехи и я, печалюсь за него и молю господу даровать ему и тебе просветление, – твёрдо сказал Ласкарёв. – Ежели оно завтра к обедне не наступит, то уж не взыщи Силантий, – добавил боярин и резко повернувшись на месте, вышел в коридор. Вслед за молодым Ласкарёвым вышли и прочие.

Дверь в поруб закрылась и, Силантий остался один в темноте.

– А, ведь он, – этот грек младший, у старого монаха то в эту ночь и не был. Как от Силантия вышел, так сразу со всеми своими людьми и уехал, – закончил свой рассказ горбун.

– Так-так, греки.... Решили поторопить события. Ну, что ж..., – задумчиво пробормотал государев дьяк Фёдор Курицын. – А ведь дело и впрямь важное, – дьяк сделал шаг навстречу горбуну. Тот ослабился гнилыми зубами, закивал своей седеющей курчавой шевелюрой. – Дело важное и завершить его должно тебе, – взглянув с прищуром на Епишку, твёрдо вымолвил Курицын. – Сам понимаешь, распустил своя языки кат Силантий и его полоумный брат не должны, – утвердительно добавил дьяк и покачал пальцем с тяжелым перстнем перед носом горбуна.

– Аха, это оно конечно, – закивал Епишка. Но тут же, как будто что-то вспомнил и напрягся. – Дак, ведь они покуда и так безмолвствуют, – недоумённо пошевелил своими опалёнными бровями он.

– Пока... безмолвствуют, – поправил его дьяк. – И мне хотелось бы иметь верную надежду, что так будет и далее. Вот ты и сделай всё, чтобы так всё и было. Али впервой тебе? – Дьяк снова почувствовал тяжёлый запах, исходивший от переминающегося с ноги на ногу горбуна, и сморщившись отступил назад. – Что хочешь за свою последнюю службу?

– Боязно мне господине. Кабы не греки, я бы и награды не просил, а с энтими... – начал канючить Епишка. – Верить даже своей острожной страже не могу. От, вчерась, двух новых сторожей к воротам на службу из приказа прислали. И гадаю я: не послухи ли они греческие. Один вроде совсем с воровской рожей, таких греки на службу к себе не возьмут, а второй-то, ну аки херувим – лицом пригож, а глазищами так и шныряет.... В опаске я, повсюду чужие глаза и уши. В лихое время живём, ох в лихое....

– Вот держи, – Фёдор Курицын бросил горбуну кошель из красной кожи, который тот поймал на лету, – тут сто серебряных, а по завершении дела получишь ещё два раза по столько.

– Благослови тебя Никола-угодник, господине, – снова показал гнилые зубы Епишка, – с таким богатством я нигде не пропаду.

– Верно, не пропадёшь, – поддакнул дьяк, – но дело надо вершить сегодня же, ты понял?

– Как не понять-то? – тряхнул головой Епишка, – да и мне долго задерживаться на Москве нет охоты, будь покоен всё исполню....

– Как мыслишь управиться? – спросил горбуна Фёдор Курицын.

– Да... как господь подскажет, – Епишка затрясся в беззвучном смехе.

– Вот, – дьяк бросил горбуну тёмную коробочку, – подмешай это в еду обоим, только пусть будет побольше еды, не скупись, средство верное! А крови не надо, пусть греки гадают над их кончиной, да и от себя подозрения отведёшь. И как покончишь с делом, езжай на постоянный двор, что у хвелей. Там получишь свою награду, тебя сыщет мой человек.

– Благодарствую господине! – до земли поклонился горбун.

– Прощай Епишка. Сейчас жди здесь, тебя выведут, а мне пора. – сказал Фёдор Курицын и, не оглядываясь, вышел во двор.

* * *

Епишка вернулся в свою каморку в остроге не сразу. Перед этим, он, на торге купил нового коня со сбруей и припасов в дорогу. Мысли в его голове скакали как чёртики. Он думал о том, что вместе с теми деньгами, которые посулил дьяк, его собственных монет, собранных за годы службы острожным головой, хватит на то, чтобы устроиться в Литве или подале. И не просто устроиться, а жить как знатный господин. Здесь, в Москве такое немыслимо, вмиг донесут и тогда все его труды пойдут прахом вместе с его отрубленной головой скатятся с плахи. С такими думами горбун достал коробочку, что дал ему Фёдор Курицын. «Эх, не сказал дьяк, сразу забирает отраву или чуть погода. Лучше бы не сразу. Тогда, успел бы унести ноги, а что будет дальше уже не моя забота».

– Эй! Кто там? – крикнул он, приоткрыв дверь в тёмный коридор.

На пороге тут же возник один из острожных сторожей.

– Ну..., что у нас за ночь-день нового? Как сидельцы?

– А что им будет..., – тихонько сидят себе по клетям и подвалам иногда ворохтаются. Бо, студёно в остроге то, – согнувшись в поклоне, ответил стражник.

– Эт да, – с косой ухмылкой согласился Епишка. Тяжело сев на лавку, он выдохнул и вдруг прищурившись, спросил: – а новые сторожа у ворот как?

– Дык, как и все – стоят в карауле, – не понял вопроса стражник.

– Ну, ладноть... Пушай стоят. Про наших «особых гостей», что поведаете? Кормили сегодня? – властно спросил горбун.

– Так пока не велено, как всегда ждём твоего слова, а коли забудешь нам это слово сказать, знать, пора переждать им с кормёжкой, – хитро подмигнув, рассмеялся страж.

– Верно-верно, молодцы, службу знаете, – довольно закивал Епишка.

– Ты вот что, приготовь для них чего-неть похлебать, а я пойду их попроведаю и заодно, снесу. Пусть поедят, может разговорчивее станут.

– Ага, понял-понял, – усмехнулся в усы страж. – Чичас отволоку им варева.

– Нет! – оборвал его Епишка, – сюды неси, я сам им дам, заодно, можа и выведаю чего.

– Как прикажешь, хозяин, – пятась назад, пробурчал стражник.

Чуть погода он вернулся с двумя мисками отвратительно смердящего варева и поставил их на лавку подле единственного окна в Епишкиной каморке.

– Вот она снедь то, – продолжил хитро улыбаться страж, – как отведают, через полдня разгорится в их жажда, за глоток воды всё скажут, я туда рассолу, что от селёдок остался не пожалел, весь вылил.

– Ай, молодец, вот держи, – горбун подбросил монету, которую страж ловко поймал и снова, хитро подмигнув, удалился.

– Соль, это хорошо..., соль всё присолит..., – пробормотал себе под нос Епишка. Он открыл коробочку с ядом и начал трясти над миской. Порошок оказался очень лёгким и горбун не рассчитав, сыпанул большую его часть в одну из мисок.

– А ч-чёрт, – досадливо вырвалось у Епишки. Он посмотрел на остатки порошка на дне коробочки. «Ну, ничего, для старого дурня и этого хватит», – подумал он и высыпал все, что осталось во вторую миску. «Теперь главное не перепутать», – мелькнуло у него в голове. Горбун взял обе миски и осторожно вышел из своей каморки.

* * *

Дмитрий Ласкарёв почувствовал за собой слежку ещё от кремля. Коренастый дядька с широкой бородой венником, неотступно шёл за ним до самого подворья, а возле монастыря Николы Старого присел у ограды рядом с нищими. Это позабавило Дмитрия – дядька рядом с нищими выглядел как лесной хряк рядом с облезлыми дворовыми котами.

Оставив коня на подворье, скинув плащ и шапку, Дмитрий перелез через забор и приблизился к соглядатаю с противоположной стороны.

Дядька уже собирался уйти, когда боярин резко схватил его сзади за локти. Дядька рванулся вперёд, но Дмитрий ударил его ногой под колени и ловко припечатал к монастырской ограде. Нищие от ограды разбежались в стороны, а дядька, молча, пытался, пытаясь, освободится от захвата Ласкарёва. Боярин ещё пару раз припечатал молчуна и тот выплюнул кровь.

– Пусти, – просипел дядька.

– Сперва говори, кто послал, – усмехнулся Дмитрий и сильнее свёл локти бородача.

– Пусти, – снова попытался вырваться дядька, но Ласкарёв только усилил хватку, пока в плече соглядатая что-то не хрустнуло.

– А-а-а, – закричал дядька, – боярыня Мирослава за тобой приглядеть послала, – с надрывом простонал он.

– Боярыня Мирослава? – удивлённо переспросил Дмитрий, он выпустил из рук дядьку, но через мгновение уже схватил его за грудки. – А не врёшь ли ты, боров бородатый? – яростно прошептал он в лицо соглядатая.

– И-истинный крест, – чуть заикаясь, ответил дядька, он силился перекреститься, но руки после захвата Ласкарёва его не слушались.

Дмитрий поверил бородачу, и это ещё сильнее распалило его гнев:

– Э-нет, так это спускать не след, – процедил он сквозь сжатые зубы, – теперь ты пойдёшь со мной, – и тряхнул дядьку за ворот.

Догнав пинками соглядатая до подворья, Ласкарёв накинул ему на шею верёвку, а сам сел на коня.

– А ну шагай вперёд увалень, веди к своей хозяйке! – прикрикнул Дмитрий и замахнулся плетью.

– Э-э-э не надо боярин, – закрылся от удара бородач, – я проведу – проведу, – закивал он седеющей головой.

* * *

Боярыня Мирослава всё свое время проводила подле государыни. К ночи она обычно возвращалась в старый и нелюбимый дом покойного мужа, но изредка ночевала в маленькой светёлке над покоями своей госпожи, на этот случай, там, в сундуках, было припасено пару нарядов.

Сегодня на душе её было томко. Видать передалось дурное настроение государыни, и она, поначалу, было, собравшись заночевать в светёлке над покоями, но видя, что Софье до утра будет более не нужна, всё же, решила ехать домой. Отдав последние распоряжения боярышням, что остались подле покоев государыни на ночь, она, испрося разрешения самой Софьи, спустилась на конюшенный двор и забралась в свой возок запряжённый парой пегих кобыл. Холопы на козлах её ждали всегда. Они привыкли, что боярыня по слову государыни могла в любое время отправиться по какому-либо делу. И всегда ей надо всё скоро..., очень скоро. Услышав от Мирославы, что править нужно к её двору, они прищёлкнули бичами, и покрепче вцепились в вожжи. Возок резво выкатился с великокняжьего двора через кремль в темноту московских улиц.

По первому снегу полозья скользили не так легко, как это бывало по накатанной ледяной колее, боярыня то и дело морщилась от тряской дороги.

На одной из кочек, возок ухнул в чуть заледеневшую лужу, окатив при этом молодицу, что шла по улице навстречу с полной корзинкой в руках. Молодица стала кричать вознице вослед бранные слова, и это отвлекло Мирославу от своих мыслей. Что-то знакомое послышалось ей в голосе бранящейся молодки. Она выкрикнула слугам, чтобы остановили возок, и спехом вышла из него на улицу. Поглядела в спину поправляющей платок молодике и лицо боярыни стало хищным. По-мужицки поддёргнув рукава шубеи, она крикнула, чтобы слуги шли к ней. Оба холопа, что сидели на козлах возка тут же оказались перед своей хозяйкой, ведь они знали, что когда она засучивает рукава, то знак её великого гнева.

– Ты! – боярыня ткнула пальцем в грудь низкорослого слуги с соломенными волосами, который робея мямлял свою шапку в руках, – пойдёшь за энтой..., – Мирослава махнула рукой вслед идущей вдалеке молодки, и разумеешь: где живёт и как прозывается. Всё разумеешь! Понял ли?

– Да боярыня..., как не понять то.

– А мы к дому, да погоняй, – резко бросила она второму холопу, поспешно заскочила в свой возок.

«А ведь я узнала тебя змеюка», – думала про увиденную молодицу Мирослава. Забыв про тряску, возница нахлёстывал лошадей и гнал, распуская прохожих, но боярыне их разглядывать, было недосуг. Её мысли блуждали в прошлом. «А говорили, что сгинула..., но теперь, уже поживаемся», – со сладкой яростью подумала Мирослава. Она погрузилась в свои воспоминания и очнулась, только когда возок въехал в открытые ворота её дома.

Посреди её двора стоял Дмитрий Ласкарёв.

Выйдя из возка, Мирослава опешила: её холоп Антип с верёвкой на шее был привязан перед стойлом, рядом с конём боярина, а сам Дмитрий без шапки и плаща неотрывно смотрел прямо на боярыню, красивое лицо его пылало гневом.

Мирослава быстро совладала со своим удивлением и пошла навстречу Ласкарёву.

– Здрав буде боярин, вот уж не чаяла, что почтишь меня убогую вдовицу, – с ласковой улыбкой поклонилась она.

– И тебе поздорову быть боярыня, – пересиливая гнев, ответил Ласкарёв, – вот не чаял я, что ко мне провожатого приставишь, – указал он на холопа с верёвкой на шее.

– О! – с притворным лёгким удивлением в голосе воскликнула Мирослава, – то для нашего общего блага.... Ну, что же мы во дворе-то изволь в дом зайти и откушать чем бог послал, – с услужливым поклоном предложила боярыня.

– Некогда мне! Не досуг! – резко оборвал Дмитрий.

– Нет уж, изволь, – голос Мирославы стал твёрже, – не посреди же двора о делах разговор вести, слово к тебе имею от государыни.

Молодой боярин шагнул к коню и остановился при упоминании о великой княгине.

– Эй, люди, а ну собирать на стол, у нас гость на дворе! – уловив настроение молодого Ласкарёва, крикнула боярыня своей малочисленной дворне, что заперлась от гнева Дмитрия в доме. – Ну что же ты? – С ласковым упрёком повернулась Мирослава к молодому Ласкарю. – Идём..., – она подхватила его за руку и направилась к входу в дом.

Боярин слегка растерялся от слов Мирославы и её прикосновения, и неожиданно для себя совсем стушевался, когда она дотронулась до его руки, гнев сразу куда-то пропал, и он послушно проследовал за ней.

– Коня нашего гостя, в стойло, да и Антипа развяжите, чай заколодел на морозе-то, – на ходу приказала боярыня поспешившим выйти ей навстречу холопам.

Следуя по тёмному дому за боярыней, Дмитрий про себя отметил, что дом очень стар, таких-то уже на Москве не строят.

В большой квадратной трапезной зале, где боярыня остановилась, и предложила присесть, было сумрачно и холодно. Длинный и широкий стол посередине, вместо скатерти был застлан тёмным покрывалом. Потолок подпирали четыре стоящих ровным рядком, резных деревянных столба, со скобами для светильников.

– Эй, кто-нибудь огня! – громко выкрикнула Мирослава и тотчас же из боковых дверей выбежали слуги с подсвечниками и охапкой толстых свечей. Быстро расставили вокруг стола шандалы, воткнули подсвечники в скобы на столбах, сняли со стола покрывало, застлали новой цветной скатертью.

Боярыня всё это время, молча, изучала Дмитрия. Где-то за стеной было слышно, как загудела большая печь, холопы с поклоном забрали у боярина и Мирославы верхнюю одежду.

На столе появились первые закуски: низкое блюдо с десятком румяных пирожков, большой деревянный ковш, над которым струился белый парок, и объёмная тарелка с хлебом и балыком.

– Не томи ты меня боярыня, скажи, что велела государыня, да я и пойду с богом, – прервал молчание Дмитрий Ласкарёв.

– Э-э-э боярин! Не по-людски так-то. Ты, сперва, откушай, а опосля беседу вести будем. Видишь, какой у меня сегодня удачный день, я только помыслила, о том, как тебе слова государыни передать и вот он – ты, прямо на моём дворе. И к другому делу, которое я считала навек потерянным, по дороге домой ключик нашёлся. Ну, кто бы мог подумать! – Мирослава всплеснула руками, – видать чем-то угодила я нашему господу, раз он меня так благословил.

– И то верно, хвала господу нашему, – перекрестился в ответ Дмитрий, – только не томи ты меня боярыня, передай государыни слова.

– Торопишь? Али беседа тебе наша не мила? – снова притворно удивилась Мирослава. – Нет уж, ты сперва, откушай, у меня почитай сколь годов гостей не бывало, а такого сокола и подавно никогда, – с улыбкой добавила боярыня. И пока Дмитрий думал, что ответить, она обернулась к холопам, что несли на стол тарелки и блюда с яствами: – романей несите, да самой лучшей!

Молодой боярин почувствовал ещё большее смятение, он с гневом пришёл на двор Мирославы, а она его встречает как самого дорого гостя.

Мирослава неотрывно смотрела на Дмитрия Ласкарёва, и от неё не скрылось его виноватое беспокойство, она мысленно себя похвалила и продолжила улыбаться столь лучезарно, как только могла.

На стол принесли высокий серебряный кувшин с двумя серебряными кубками, украшенными искусной чеканкой.

Боярыня встала со своего места и подошла ближе к Дмитрию. Сама налила вино в кубки и протянула один боярину: – испей, уважь меня боярин.

Дмитрий, молча, взял кубок, сделал добрый глоток, и почувствовал, как вино сразу разлилось по жилам, согревая тело до кончиков ушей и пальцев на ногах.

– Добрая романея, – похвалил грек.

– Самая лучшая, – эхом отозвалась Мирослава и плавно обошла его со спины, присела рядом, не сводя с него глаз.

Боярин чтобы не обидеть хозяйку взял пирожок, который на вкус оказался чуть суховат, но это осталось Дмитрием почти не замеченным, он вертел в голове мысли о том, как бы поскорее узнать наказ государыни и отбыть восвояси. До него донеслись слова боярыни, но прозвучали они как-то глухо, и он не смог разобрать их смысл. Взгляд его задержался на серебряных кубках, он протянул руку, но не смог её поднять, удивляясь, как она стала тяжела, Дмитрий напрягся, пытаясь понять, что происходит вокруг, но перед глазами стремительно сгустилось какое-то красно-коричневое марево.

В трапезную боком вошёл дядька Антип, он приблизился к Мирославе и что-то шепнул ей на ухо.

– Вот и кстати, – громко ответила боярыня, – а куда, отнесите нашего дорогого гостя в опочивальню, видать, перебрал он с вином, так пусть отоспится.

Холопы засуетились вокруг Дмитрия, а боярыня вышла из зала вслед за Антипом.

В большой горнице с пыльными сундуками и тяжёлыми дубовыми креслами её уже ждал холоп с соломенными волосами, он виновато понурил голову и при виде боярыни согнулся в низком поклоне.

– Говори, что узнал, – резко спросила Мирослава.

– Девка эта зовётся Настёна, и живёт в услужении у дьяка Ивана Курицына, навроде как старшая там по хозяйству, прости хозяйка, более ничего не узнал, на двор дьяка пройти никак нельзя.

Боярыня на мгновение задумалась, а после, стрельнув глазами в сторону дядьки Антипа, улыбнулась одними уголками рта.

– Что ж, день сегодня и вправду благословен, и девка эта нам кстати. Ты вот что, – обратилась она к холопу, – с завтрашнего дня последи за домом дьяка Курицына, всё, о чём там узнаешь, будешь сказывать Антипу, особенно про девку. Каждый её шаг знать хочу.

– За домом дьяка? – ужаснулся холоп.

– А тебе что сие внове? Али есть разница, за каким домом для меня доглядать? – подняла брови Мирослава.

– Нет, хозяйка, всё сделаю, как велишь, – холоп изогнулся в низком поклоне.

– Ну, то-то же, – обронила боярыня, и резко повернувшись на месте, пошла к широкой дубовой лестнице, каблуки её башмаков легко простучали по ступеням, что вели наверх, к её покоям.

Глава четвёртая

Следы и последствия

Дмитрий проснулся неожиданно как от хорошей оплеухи. Голова гудела. Он с удивлением оглядел незнакомую палату и, хотя в темноте после сна видно плохо, но судя по убранству это опочивальня. Под ним была большая широкая кровать, застланная дорогими шелками, а рядом... Дмитрий отшатнулся, и затряс головой, пытаясь прогнать остатки сна, рядом с ним тихо спала боярыня Мирослава. Её длинные белые, почти льняные, волосы, расплетённые из кос, разметались по подушке, тело почти нагое белое, правая рука с пальцами в перстнях свесилась с края кровати. Дмитрий потрепал себя по щекам, рассчитывая, что это сон. Последнее, что он помнил, так это как сидел за столом боярыни. А что далее? Рядом заворочалась сонная Мирослава, она приподняла голову и стрельнула глазами в сидящего на постели Дмитрия. Ворот его рубахи был расстёгнут, оголяя часть плеча. Боярыня довольно улыбнулась. Дмитрий повернул голову, и ошалело посмотрел на неё.

– Где я? – спросил он сухим шёпотом.

– Всё там же, в моей опочивальне, – промурлыкала Мирослава.

– Но как...? – боярин, не договорив, поводит открытой пятернёй в воздухе слева от себя, как будто пытаясь что-то нащупать.

– Ты ведь сам меня сюда на руках принёс, – с ласковой улыбкой продолжила боярыня, – и любил всю, ой, крепко любил, – она прижалась к его плечу.

– Я? – Дмитрий отшатнулся в сторону и чуть не упал с постели.

– Иди ко мне, – Мирослава, продолжая улыбаться, протянула к нему руки, – али забыл, какие слова мне сказывал? Как целовал и миловал, ласкал моё тело?

Боярин как ошпаренный соскочил с кровати и заметался в поисках своей одежды, увидев всё на сундуке у стены, он лихорадочно, под смех боярыни стал одеваться.

– Неужто, всего за ночь весь твой пыл остыл? – продолжила смеяться Мирослава, – а вот только недавно называл своей любой. И что же мне теперь, бедной вдовице делать с разбитым сердцем и порушенной честью?

– Прости..., прости боярыня, бес попутал...бес, – приговаривал Дмитрий, натягивая сапоги, и сгребая в охапку свою оставшуюся одежду, он старался не смотреть в сторону кровати, щёки горели огнём, – прости мя, смилуйся, – выкрикнул он ещё раз и опрометью рванул из опочивальни. Прогрохотав вниз по лестнице, пробежав через пустые холодные залы и тёмные сени большого старого дома, Дмитрий опрометью выбежал на двор, к конюшне. Не помня себя, кое-как заседлал коня и под недоумённым взглядом сонного привратника, который выпустил его со двора, стрелой помчался прочь.

Мирослава отошла от окна. Она проводила взглядом ускользнувшего боярина, и, потянувшись, легко прошлась по полу до сундука, на котором ещё совсем недавно лежала одежда Дмитрия Ласкарёва. Глубоко вздохнув, она согнала с лица улыбку и трижды ударила в серебряное било, что стояло на столике возле сундука.

В опочивальню боярыни вбежала заспанная и простоволосая сенная девка Дуняха, она на ходу тёрла глаза и чуть не споткнулась о порог, чем вызвала насмешливую улыбку боярыни.

– Неси одеваться, солнце уже скоро встанет, пора к государыне, служба ждать не будет, – бросила она девке и снова посмотрела на сундук. Воспоминания о мечущемся Дмитрие вызвали у неё улыбку, что немало удивило Дуняху, за много лет своего служения боярыне она впервые видела её такой. Боясь спугнуть внезапно снизошедшую на госпожу благодать, Дуняха скоро кинулась открывать сундуки и доставать наряды. Боярыня, против обыкновения, не кричала на неё и не пыталась отвесить оплеуху, а неторопливо оделась и спокойно спустилась в

трапезную. Провожая Мирославу, Дуняха несколько раз незаметно осенила её крестным знаменем, а после того как удивлённый кротостью госпожи Антип закрыл за её возком ворота, Дуняха добежала до большой иконы спаса, что висела в трапезной, и бухнулась на колени. Молилась она истово, благодаря господу, о ниспосланное её госпоже благословении. Иначе это и не назовёшь. Все в доме знали, что любой жест или слово невольно могли вызвать ярость боярыни, а на расправу она было скоро.

* * *

А боярин Дмитрий не помнил, как добрался до дома. В растерянности, нетвёрдой походкой, как пьяный бродил по горницам, в голове гудело, как с тяжкого похмелья, но уже не так, как раньше, когда он проснулся.

Он силился вспомнить, как оказался в спальне боярыни, но не мог. Всё, что пришло на ум, так это вино, которое ему она поднесла за столом. Мысли боярина сейчас были спутаны. Они неслись сильным шумным водопадом – быстрые, не ухватишь: «неужто она подмешала любовного зелья»? – мелькнуло в голове Дмитрия. Но он тут же отбросил такую догадку. «Нет, сие совсем не леть³³. Быть такого не может, верховая боярыня государыни и зелье.... Всё это бабы сказки, нет никакого зелья».

Молодой боярин снова попробовал припомнить как он оказался в опочивальне Мирославы и не мог. Дмитрий остановился посреди трапезной залы и в голове снова сильно зашумело.

Резко кольнула мысль об отцовском поручении, которое он дал, отправляясь в Новгород: «за еретиками следи, жди от Ильи человека и коли получишь весть – знать нашёл он аспида, сразу не мешкая со всеми людьми, выступай, куда будет указано. Мне же, при любых важных событиях шли гонца на подворье архиепископа Новгородского». «Ну вот, Илья снова ушёл в поиск, Отец в Новгород, а его снова оставили на Москве с наказом: ожидать событий. И всё же...», – он снова вернулся мыслями к прошлой ночи. Его не оставляло чувство неуверенности и беспокойства, и даже злости. Но толи на боярыню, толи на себя, Дмитрий пока разобраться не мог.

В распахнутую дверь вбежал запыхавшийся дворовый мальчишка.

– Хозяин, там до тебя человек – переводя дух, выпалил он.

– В такую рань? Ещё солнца на небе нет, значит не с добром, – на ходу буркнул Дмитрий и шагнул вслед за мальчишкой.

Возле крыльца его ждал приземистый смерд с кое-как подстриженной бородёнкой, и осторожными движениями, как у старого кота, лицо его было знакомо. Увидев боярина, он плавно, до низу поклонился.

– С острога я. Ночью еретики помёрли, представились, значит. А хозяина Епифания сыскать не можем нигде, за телами-то уже божедомы пришли, а никто не разумеет, можно ли отдать, аль нет... Еретики ведь, – пролепетал смерд.

В голове Дмитрия шум оборвался.

– Коня! – растирая пульсирующий висок, громко сказал он, застывшему в стороне мальчишке, – и воев побуди.

Через несколько мгновений всё подворье пришло в движение. Откуда-то взявшиеся дружинники из конюшен выводили лошадей, некоторые спокойно и деловито приторачивали к сёдлам щиты, все разбирали длинные копыя.

Осторожный холоп ещё не успел выйти со двора, как в распахнутые ворота выступил отряд из десяти конных воинов, одиннадцатым впереди скакал Дмитрий Ласкарёв.

³³ Не леть (*старо русск.*) – невозможно.

Пустынную в ранний час улицу перегородил одинокий всадник. Он развернул коня поперёк и ждал приближения малого отряда.

Ласкарёв поднял руку и остановил своих людей, а сам выехал вперёд.

– Здрав будь боярин, заблудился с ночи, али дело, какое, в такую рань? – нервно спросил Дмитрий.

– И тебе поздорову быть. Я бы и рад рань пропустить, да вот с ночи ищу греческих поворы, вестимо, только они могут на свет божий вывести из чащи мыслей моих. Ты, надясь указывал мне, что хочешь спытать судьбину за крестом у дороги? Так я к тебе за этим.

– Э-э, боярин, не то время ты выбрал... Уйди с дороги! Али не зришь, теперь недосуг мне? – С нажимом в голосе сказал Ласкарёв.

– А ежели не уйду, то что? – с вызовом спросил Беклемишев.

Дмитрий нервно дёрнул повод, и его чёрный конь, переступив с ноги на ногу, повернулся на месте.

– Не задерживай мя, сам зришь дело спешное, и некогда тут с тобой копошится, – сдерживая гнев, промолвил Ласкарёв.

– Боярин! – заметил Берсень. – Копошатся только домовые в чулане да кикимора под печкой.

– Ох, и мастак ты языками цепляться, да мне не до того, – преодолевая снова подступивший шум в голове, ответил Дмитрий. – Взять его..., – бросил он воинам за своей спиной.

Распалённый Беклемишев застыл в удивлении, ещё никто за всю его жизнь, так не отвечал ему – знатному боярину. Пока он замешкался, один из ласкарёвских воинов быстро забрал у него саблю, а второй – дюжий зеленоглазый детина с длинной бородой, ловко накинул петлю на плечи и замотал верёвку вокруг тела, сильно притянув руки к бокам.

Дмитрий вытянул своего скакуна плетью и тот рванул с места. Следом за ним весь отряд на рысях проскочил улицу.

Обогнув торговые ряды с первыми купчишками, которые сонно почёсываясь, брели в свои лавки, всадники миновали подъём к мосту перед ещё закрытыми Рыбными воротами, и, не сбавляя скорости, промчались вдоль старой стены над рекой к воротам Богоявленским. Сонные сторожа, сразу узнав Дмитрия Ласкарёва, быстро раздвинули рогатки и ни о чем, не спросив, пропустили отряд, только взглядом проводили до острога.

* * *

С давних пор на Москве повелось: возле церквей и соборов, перед мостами и трактами, что к торгу вели, каждый день стояли нищие – выпрашивали у прохожих милостыню. Кто увечья свои показывал, кто присказку, какую весёлую выкрикивал, но все протягивали руки с мольбою. Купцы московские, да слуги дворов зажиточных от нищих отворачивались, а назойливых просителей били, чем не попадя пока не отстанут, плевали через плечо и говорили: «вот уж где ворьё и погань, с утра до ночи так и норовят чего ухватить». Но нищие в Москве в ночь на своих «просильных местах» не оставались. Чуть свечереет – из тёмных переулков гнилыми тенями выползали божедомы³⁴. То мужики видом страхолюдные и духом смрадные. Днём отсыпались они в землянках да курных избах, что за рекой возле большой скудельни³⁵, а к ночи, словно язвы, проявлялись возле городских ворот. Шли они, молча, и сторожа караульные у рогаток, издали признав их старшин, только в стороны расступались, да крестом себя осеняли, глаза отводили, чтобы не смотреть на жуткие мордасы, кои грязным волосом заросли,

³⁴ Божедомы – сторожа кладбищ или погостов, живущие там отдельной общиной и погребавшие покойников.

³⁵ Скудельни – места, богатые глиной и к посевам не пригодные. Когда глину всю выбирали, место отдавали под погребение странников, нищих, инородцев и умерших в эпидемиях.

да дымом пропахли. На животе у каждого божедома, поверх засаленной одёжи, передник из дерюги или шкуры собачей. В руке – по суковатой крепкой палке, у иных с железным накопником загнутым крюком.

По давнему уговору, со сторожами острожными, всех, кто из сидельцев безродных представился, божедомы забирали. Как ночь за середину – трое, а то и пятеро тянут верёвкой по снегу плот из горбатых досок кое-как сколоченный. Прямохонько к острогу. Обрато идут тяжело – полный плот мертвяков, коих острог уморил. Всех за реку тащат. Там у костров снимут со всех тел, что за ночь собрали: одежонку, кресты нательные, да ещё что найдётся. Добычу между собой поделают, а мертвяков всех в одну яму заруют, и рядом тут же новую копают – на завтра.

И в эту ночь, всё было так же. Стукнули страхолюды божедомные в острожные ворота, затащили свой плот на двор – ждут, когда мертвяков выносить начнут, но их всё нет и нет. Так и стоят на морозе зубами лязгают. Кашлянул старшина, к караульным шагнул:

– Мы с благословением божьим, пришли забрать прах к праху, коли есть упокойники – не томите, а ежели нонче небеса никого не призвали, дык мы завтрава придём – ночь уже на исходе, восвояси пора нам.

Сторожа друг на друга глянули, у огня место божедомам указали. Один внутрь острога шмыгнул, а второй в сторону отошёл, с опаской, рогатину взял поухватистее, да нож в сапоге нащупал.

Быстро вернулся сторож из острога: «ждите», – бросил на ходу божедомам и к товарищу своему отошёл, о чём-то вполголоса с ним заговорил.

– Нет, не по уговору это. До утра ждать не можем! – взревели ожидающие.

Из караулки выбежала вся острожная стража. И божедомы ринулись к воротам, крюками своими затрясли, сами ворота распахнули, а с улицы их встретил отряд Ласкарёва. Дружинники застыли, нацелив копы на страхолюдов. Те пали на колени и палки свои побросали.

Дмитрий толкнул коня в бок сапогом и выехал вперёд.

– Ми-и-и-р вам, божьи люди! – выкрикнул он, перекрывая все голоса во дворе острога. Все затихли и усталились на Ласкарёва.

– Мир вам! – ещё раз крикнул молодой боярин. – Нонче новопреставленных не будет, приходите за ними завтра, – чуть тише продолжил он. – За терпение, вот вам мзда малая, – снова перекрикивая ропот, Дмитрий бросил одному из божедомов три малые монетки, что нашлись в кармане. – Далее всё будет, как и раньше – по прежнему уговору, – закончил он, мысленно подивившись, с какой ловкостью двигался бородатый страхолюд, монеты поймал, те только звякнуть успели.

Божедомы закивали заросшими грязными космами головами, поднялись, подхватили растрёпанную верёвку, к которой был привязан их плот и бегом припустились мимо расступившихся воинов.

Ласкарёв слез с коня, к нему, низко изогнувшись в поклоне, рысцой подбежал один из острожных стражников.

– Где еретики? – гневно спросил Дмитрий.

– Дык в клетях, где держали их, там и нашли – лежат они тама, мёртвые уже.

– Веди.

Боярин скрылся в тёмном чреве острога, в след за ним шагнули два его дружинника, остальные вои все спешили, кроме связанного Беклемишева, который один так и остался в седле. Ещё перед Богоявленскими воротами он пытался крикнуть сонной городской страже, чтобы его освободили. Но скакавший рядом детина незаметно для всех, резко хряснул его по носу, а потом беззлобно затолкал ему в рот свою громадную рукавицу.

– Так-то потише будет, – миролюбиво прогудел он, сверкнув зелёными кошачьими глазами.

Сейчас этот детина, встал к морде его коня и взял животину под уздцы.

Один из острожных сторожей, с уродливо обожженной половиной лица, по-видимому, решив, что зеленоглазый за старшего, горбясь от холодного ветра, подошёл нетвёрдой походкой.

– Ну и чудной у тебя хозяин. Вы же одними конями могли смердов божедомных потоптать, и спросу никакого! – выпалил он, обернувшись к нему вою.

– Дурень..., – глядя сверху вниз, буркнул воин.

– Отчего же дурень-то? Рази не так заведено, коли смерд на боярина крысится – ему конец, – продолжал суетиться жжёный острожный.

– Вот от того ты и дурень, что энтакие словеса мне рекёшь. Иди отсель, покуда не «приголубил» тебя.

– Почто гонишь? Можа, я твоему хозяину..., поведать чего важного хочу?

Воин смерил уродливого с лица стражника пренебрежительным взглядом:

– Ну, коли важного, то жди. Токмо, рядом будь... Тут, пред взором моим.

Острожный кивнул, и встал справа от зеленоглазого.

Утренний мороз щипал за щёки и заползал за шиворот. Жжёный переминался с ноги на ногу, хлопал себя рукавицами по плечам.

– Я энто..., – снова подступил он к воину, – вижу вы, уже кого-то по утряни притащили, это к нам на сидение? – стражник заискивающе посмотрел на зеленоглазого.

– А вот это не твоего ума дела – отрезал воин, и нахмурился. Этот острожный ему не нравился. Вид его был отталкивающий: чёрная борода, хоть и немного скрывала уродство лица, но росла клоками, да и статью этот стражник был похож на старый лесной пенёк – руки ноги как корневища.

Из тюремного чрева скорым шагом вышел Дмитрий, он уже собирался подняться в седло своего скакуна и тут встретился взглядом с зеленоглазым. Воин кивком указал в сторону переминающегося рядом корявого острожного служку с обожжённым лицом.

Ласкарёв бросил поводья и, обойдя своего коня, приблизился к месту, где, не то от холода, не то от страха трясся странный острожный.

– Чего поведать – то хочешь? – строго спросил Дмитрий.

– Дак..., это..., – жжёный стянул с головы свой поношенный колпак и обнажил заросшую черным волосом голову с заметными отметинами старых рубцов, ... – может и важно сие будет тебе, господине, – проямлил он, глядя снизу-вверх.

– Ну, отойди-кось в сторонку, да говори, но берегись! Ежели слова твои пустые..., – Ласкарёв, покосился на зеленоглазого и вслед за уродливым острожным отошёл к караулке.

– Не гневайся господине, вижу, ты хоть годами и молод, но зело умён и справедлив и не обидишь простого человека..., – начал заунывным голосом корявый острожный.

– Ты это брось, господь одарил меня терпением, но оно не безгранично, говори по делу! – резко оборвал Дмитрий.

– А я вот, по делу..., по делу и говорю, – затряс спутанной кольцами чёрной клочковатой бородой острожный, и, дыхнув запахом хмельного перегара, качнулся ближе к Дмитрию и зашептал:

– Вчерась, ввечеру, наш голова Епифаний сам ходил проведывать сидельцев, что опосля богу душу отдали, и еду им сам относил, а к ночи вдруг со двора сам-конь отъехал. Напоследок, мне в воротах бросил, что мол-де до завтра его не будет..., по делу он.

– То, и без тебя вестимо, уже, – раздражённо бросил молодой Ласкарёв.

– А..., ну да, ну да..., – закивал головой странный острожный, – но, я так помыслю, что он сызнова поехал туды.... Ну, это..., скарб³⁶, который с сидельцев обирает, на монету менять.

³⁶ Скарб (устар.) – пожитки и ношенные вещи.

Это он, тама всегда делает..., – острожный указал рукой куда-то вбок – У хвелей³⁷, на гнилом дворе.

– Что-что? Где это?

– Да тут недалече, всего с дюжину верст буде. Я туда, вместе с ним, един раз ездил. Коли будет, какая награда, то укажу...

– Ты вот что..., как звать тебя? – Дмитрий смерил доносчика взглядом.

– Тихоном меня крестили, а люди прозвали Тишак, – дрогнул уродливым лицом острожный.

– Так вот что, Тишак, коли укажешь, где Епишка хоронится, будет тебе награда, коли брешешь..., – шкуру твою палёную с живого сдеру и так по Москве гулять отправлю, понял?

– Понял, понял, господине..., – согнулся в поклоне острожный.

Дмитрий скорым шагом вернулся к своему коню и рывком поднялся в седло.

– Дайте коня, этому..., – махнул он рукой, в сторону сгорбившегося Тишака. – Устин, веди воев вслед за указчиком, – сказал Ласкарёв зеленоглазому, – я вас догоню, только тут кое с кем перемолвлюсь.

Зеленоглазый понятиливо качнул головой и развернул своего коня, а Дмитрий подъехал к Берсеню. Резко выдернул у него изо рта кляп.

– Ну что, боярин? Сам зришь, недосуг было мне, – молодой Ласкарёв без тени улыбки качнул головой в сторону входа в острог. – Я, пожалуй, сейчас тебя отпущу и езжай поздорову домой, а о том, что утром было никому не сказывай – куры и те засмеют.

– А ты мне не указывай греческий выродень, – развязывая, да верни саблю, и поглядим, кого засмеют. – Яростно сверкая глазами, выпалил в ответ Берсень.

– Эх..., ничего ты не понял, боярин, – миролюбиво, со вздохом, сказал Дмитрий.

– А тут и понимать неча, греческая ищейка на русского боярина руку подняла!

– Вроде годами ты не мал, а речи твои как у несмышлёныша, коли не прекратишь лаяться – возьму в энтог острог запру, там посидишь, одумаешься.

– С вас, греков станется, только не из таковских мы, чтобы за себя не постояли!

– Грозишь?

– А ну развяжи, али боисся? – заёрзал в седле Беклемишев.

– Дурень, зачем мне тебя развязывать, коли ты шипишь? Всё утро о деле хотел пытатъ, а теперь вместо этого, токмо глупостью от тебя разит, – с насмешливой укоризной проговорил Дмитрий. – Однако, мне всё ещё недосуг, а потому решай: или даёшь слово боярское, что забудешь обо всём или...

– Что? Убьёшь, как пленников, что под покровом своей тайной службы в острогах морите? – выпалил Берсень.

– Дурень, – повторил Ласкарёв, сам удивляясь своему спокойствию, – от смерти хотели мы спасти слугу твоего Силантия и брата его, потому и держали их тут тайно, но видать..., те, кто боялся, что они нам что-то расскажут, добрались до них и здесь.

– Как Силантия? – опешил Беклемишев, так это их... тут... – Но, я за энтим вас – греков и искал, чтобы..., – перебивая, сам себя затараторил Берсень. Он даже не сразу заметил, как Дмитрий начал освобождать его от верёвки. – И что же теперь, всё? – заглянул он в глаза греку.

– Возвращайся домой боярин, а мне надо по следу убийцы идти, далее..., – пробурчал грек, запрыгивая в седло.

– Так, я с тобой..., – повёл заиндеветшими плечами Беклемишев.

– Эва как! – удивился Ласкарёв. – Тебе то это на кой?

– А за тем же, что и тебе, – огрызнулся Берсень.

³⁷ Хвели (старо-московск.) – топи, болота.

– Чудно мне это, но нет... Не обессудь, с собой не возьму, – Дмитрий ударил пятками в лошадиные бока и зарысил с острожного подворья догонять свой отряд.

Берсень же, соскользнул с коня и вошёл в грязные острожные двери. Ему было преградили дорогу, но Иван резко со злостью толкнул плечом одного стражника и дёрнул за шиворот второго.

– А ну, показывай, где тут у вас новопреставленные, – прорычал он в самое лицо опешившего острожного. Прибежавшая на шум стража, увидела Беклемишева, и, памятуя, с кем он прибыл на острожный двор, расступилась, пропуская его в тёмное и вонючее нутро острога. Идя вслед за острожным стражем, Берсень спустился в подземелье, где возле шаткой лестницы увидел два тела, лежавшие рядом, накрытые одной большой дерюгой. Иван вырвал факел из рук острожного и, наклонившись над покойниками, резко сдёрнул дерюгу. В лицо ему ударил резкий запах пота и мочи, что исходил от тел. Боярин на мгновение зажмурился, но тут же разлепил веки и осмотрел лица покойников, приблизив к ним затрепавший факел.

Он сразу узнал Силантия, а лицо второго покойника показалось ему незнакомым. Беклемишев, преодолевая зловоние, ещё постоял над телами и заметил, что бороды у обоих были в рвоте, а губы совсем почернели как уголь. «Отравили», – пронеслось в голове боярина. Он отвернулся и молча, тяжёлыми шагами направился к выходу из смердящего острога.

Шагнув на двор, Берсень увидел перед собой косматого сторожа, который прижимал к груди его саблю.

– Вот, передать велено, – космач на вытянутых руках подал Беклемишеву его клинок.

Иван рывком схватил свою саблю и, не оборачиваясь широкими шагами, пошел к своему коню.

* * *

За воротами, Дмитрий Ласкарёв дал коню шпоры и, проскочив мост, птицей вылетел на заледеневшую за ночь дорогу, где конь чуть сбавил шаг. Тем не менее, боярин довольно быстро нагнал растянувшуюся колонну своих воев, которые не слишком поторапливали коней. После не долгого пути, весь отряд подъехал к «Гнилому подворью», что отгородилось частоколами от леса, на пригорке, за деревней Хвели.

Само подворье состояло из нескольких почерневших от времени изб, в которых останавливались на ночь путники и торговый люд, из тех, кто лишней монеты не имел или шибко берёг. Ближе всех к дороге стояла заметно более новая справная изба. Она была выше прочих, за крепкими тесовыми воротами, которые днём всегда были распахнуты настежь. Слева от избы тёмных холодным зевом шерился погреб, в который то и дело юркали расторопные бабы-кухарки, справа помещался хлев, длинная коновязь с яслями и выдолбленным бревном. Вода в долбленке с ночи замёрзла, сама коновязь припорошена первым снежком. До полудня ещё далеко, а вокруг уже шум и движение, кто-то съезжает со двора, а кто-то только открыл глаза после вчерашней попойки. Гомон, споры и ругань – обычный день придорожной корчмы-кабака.

Весь отряд спешил за воротами, но в высокую избу зашли только Дмитрий и Тишак.

Не смотря на крепкий, новый кирпичный фундамент, пол в избе был земляной, потолок хоть и курной, но ещё не прокопчённый и крыша с дымником, да восемь широких окон, от того в избе казалось светло. Две печи посредине разгораживали кабак пополам. В дальней от входа стороне только столы, да лавки, которые облепили заезжие постояльцы, в ближней части полаты на ту и другую сторону и возле самых дверей цветные ширмы, за которые забегали бабы-кухарки, там они готовили нехитрую стряпню и бодяжили хмельное. Купчишки и местные ярыги-питухи, с раннего утра послезали с полатей и теперь вся дальняя часть избы уже была заполнена их возгласами и спорами. Двери из простых досок, но широкие и высокие, как

в сенной сарай, проезжай хоть на возу – косяки не заденешь. В углах и на печах масляные светильники горят с раннего утра до поздней ночи. В красном углу светец с лучиной, без оклада, видать древний – почернел от копоти.

Бородатый и кряжистый хозяин постоялого двора, с глазами кроваво-красными, не старый, но седой как старик, большую часть времени тоже проводил в этой новой избе. По всему было видать, что, доволен потраченными на неё барышами. Откуда те барыши у хозяина никто никогда не спрашивал, каждый знал, что на подобный спрос он сразу делался притворно глухим, отсюда и прозвище у хозяина – Неух.

Постоялый двор был с дурной славой, люди молвили, что пропадают там мелкие купчишки вместе со всем добром, но так как имён никто не называл, то и как, будто всё было невзаправду. Окрестные ярыги и проезжий люд никогда не оставляли двор. Для них на нём было во всём раздолье.

За это раздолье кабацкое Неух не раз стоял на Ямском дворе у Воскресенских ворот в пытошных клетях перед хитрыми дьяками, пишущими при допросе воровские речи пытуемого. Ему грозили и каленными добела клещами, и дыбой, и палачами, готовыми сорвать с него одежду и начать расправу. Не раз ему говорилось, что позван он за бесчинства, кои идут на его постоялом дворе: «обругание святых церквей и угодников божиих и паче того самого бога, да и непристойных – де речей про Великого государя и жену его государыню – Софью, да про бояр ближних ко двору из честных родов, а про служилых и того пуше срамного скажется немало»....

Неух всегда падал ниц, и со слезой в голосе гнусавил: «Несчетно лет володею двором сим и не единожды хотел продать окаянное место, но токмо никто цены не даёт, а я человек бедный. И так, в убытках и прорухе живу. Отец-воевода и вы, государевы люди, дьяки милостивые, обскажите как быть? Вам ведь ведомо – я чутьем скорбен, словеса в уши мои стучатся, но не все в голове-то держатся. Зор, тож не соколячий, внемлю я вразумлению вашему о погоне лихих людей, да токмо как их узнать-то? Для меня все едины питухи и купчишки, все за очагом и питием на мой двор заезжают.... Сами же господа объезжие из стражи московской по харчевым и прочим постоялым дворам ходють, а мой, всё стороной объезжают».

Двор Неуха давал приказу Большого дворца в два раза больше против всех постоялых и кружечных дворов. А лично государеву дворецкому, князю Шастунову Петру Васильевичу мзду немалую. Взамен князь повелел: «Неуха и двор его с кабаком, не шевелить!»

И хотя тёмные дела на постоялом дворе не прекратились, и его хозяина не раз забирали в приказ, но тот каждый раз возвращался к своим делам. Что ещё более укрепило веру завсегдатаев «Гнилого подворья» в том, что Неух совсем не прост и силу имеет немалую.

Кое-кто из писчих подьячих шептал князю Шастунову, что мол, с лихими надо как-то управляться, а двор этот для них как сметана для кота, но князь всегда отвечал одно: «Лихих людей по делам их имати, но в ином месте...»

Сегодня, ближе к полудню Неух сразу заметил зашедшего в кабак Тишака и его молодого спутника. Боярина Неух не знал, но опытным взглядом заприметил, что он «непростая птица».

Купчишек и питухов в этот час в кабаке было уже немало. Были среди них и лихие, для дел своих ожидающие темени ночной.

Тишак привычным движением сразу шагнул за пёструю ширму, что была натянута слева от входа. Боярин следом за ним. Туда же тяжелой походкой зашёл и Неух.

– Кланяюсь тебе хозяин..., – начал было Тишак, но осекся. Неух и Дмитрий молча и неотрывно смотрели друг на друга. Кабачник первый отвёл глаза и поклонился. Вначале нехотя, но после, как будто что-то вспомнив – ещё раз, глубоко в пояс.

– Здрав буде, молодой господине, прости не ведаю, как величать тебя, – начал глухим голосом Неух.

– То, не большая беда, – сухо ответил Ласкарёв.

– Ага, понимаю, – кивнул головой, умудрённый жизнью кабачник, – знать..., с делом каким ко мне?

– Дело наше не велико и не про тебя, – с ленцой в голосе сказал боярин. – Человек у тебя на дворе, нас дожидает. Знакомый тебе человек, Епишкой кличут. – Дмитрий стрельнул взглядом в сторону Тишака, тот только кивал в такт словам боярина.

– А на что тебе он? – насторожился Неух и почему-то тоже посмотрел в сторону лыбящегося своим обожжённым ртом Тишака.

– Да вот, за труды награду ему передать я должен, по уговору.

– Это да. То дело дельное. Награду Епифаний любит, – подмигнул кабачник. – Туточки он был, на подворье, в дальней избе ночевал, коли не хочешь искать, я могу ему передать награду-то.

– Э-нет, добрый человек, – усмехнулся боярин, – в таких делах третьи руки негожи. Ты нам укажи, а мы, уж, сами справимся.

– Ну, коли так, то идём, – согласился Неух.

Выйдя на двор, он сразу заметил воев Дмитрия и нахмурился, но ничего не сказал, а спокойно пошёл в сторону одной из дальних чёрных изб подворья.

– Вот тут он..., – указал на низкую дверь хозяин постоянного двора, когда они подошли к избёнке, – ... и вона конь евойный в стойле, мотнул головой направо Неух, туда, где был привязан молодой пегий жеребец.

– Иди-ка вперёд, позови, – сказал Дмитрий, переминающемуся с ноги на ногу Тишаку, тот легонько стукнул в старую рассохшуюся дверь.

– Хозяин, это я. Хозяин..., – позвал Тишак. Никто не ответил.

– А-ну..., – Ласкарёв сам подошёл к двери и решительно дёрнул за дверную скобу. Дверь, с лёгким скрипом сразу открылась. – Не заперто.

– Эй, Епифаний..., – крикнул в тёмное нутро избы Дмитрий, и, не дожидаясь ответа, сразу шагнул внутрь. Следом за ним зашли Тишак и Неух. Последним, задевая могучими плечами дверные косяки, протиснулся зеленоглазый дружинник Устин.

Сделав несколько шагов, Дмитрий поморщился: пара раздерганных в клочья овечьих шкур и какое-то тряпье накрывали горку, из которой торчали новые желтые сапоги. Рядом, на полу лежало новое седло и пара распоротых перемётных сум, из которых высыпался обычный дорожный скарб и несколько полновесных, новых монет московской чеканки.

Зеленоглазый воин шагнул вперёд и рывком поднял овчины. Под ними, широко раскинув руки и запрокинув голову, лежал Епишка с перерезанным горлом.

Преодолевая отвращение, Дмитрий подступил ближе. Одежда убитого спереди вся была залита кровью, которая в полумраке избёнки казалась чёрной. Кривой нож с широким лезвием, был крепко зажат в левой руке мертвеца. На пальце блеснул серебряный перстень с мутным камнем. Задержав дыхание, Дмитрий молча наклонился над телом и, коротко выдохнув, отпрянул назад: у Епишки было не только перерезано горло, но и крестообразно рассечены веки, обнажая вместо глаз – запекшиеся кровью провалы. «Сделать такое можно было только чем-то очень острым» – отметил про себя Ласкарёв.

– С кем же ты бился, Епишка? – пробормотал он вслух.

Заметив на поясе мёртвого острожного головы тяжелый кожаный мешочек, Дмитрий достал нож и срезал его. Внутри оказалось ещё с дюжину серебряных монет разного веса. Забрав все деньги, Ласкарёв поспешил оставить мрачное место. За дверью он шумно выдохнул и оглядел своих спутников.

– Та-а-к, чую, что не всё нам хозяин порассказал, о том, как встретил нонче раба божьего Епифания, – процедил сквозь зубы Дмитрий и пристально посмотрел на Неуха.

– Э, нет.... Нет, нет, нет..., господине не смотри на меня так. Я этих дел не ведаю и ничего об этом слышать не хочу, – поднял руки, как будто защищаясь от удара кабачник. Скосив глаза

вбок, он неожиданно шарахнулся в сторону от шагнувшего к нему Устина и быстро затараторил: – господине, правду реку, о сем ничего не ведал, одно только наверняка – сие сотворили не обитатели моего двора. Глянь: и серебро тут, и вот конь привязан, и сбруя его рядом. Разве утерпели бы они, знай, что тут такое богатство?

– Постой, не сипети пустое, – придержал его за рукав Дмитрий. – Можа ты и правду рекёшь, а вот только не всю, чую я, где-то тут и лжа проскакивает.

Неух хотел что-то ответить, но не успел, удар кулачища зеленоглазого воина опрокинул его на землю.

Стоявший рядом Тишак, от неожиданности зажмурился, шрамы на его лице стали лиловыми.

Кабачник лежал на земле и мотал головой, пытаясь прийти в себя.

– Так..., – утвердительно кивнул Устину Дмитрий. Его голос как далёкое эхо доносился до сознания Неуха. – Реку тебе, внове и в последний раз – ежели ты сейчас с толком всё обскажешь, зачем приехал Епишка, и кто его ждал – останешься цел. Ну, а коли будешь запираяться – не взыщи. Из тебя выбьют всю дурь прям на этом месте.

Кабачник из-за звона в голове расслышал не все слова, но смысл сказанного до него дошёл быстро, и он отчаянно замотал своими седыми патлами.

Ласкарёв сделал знак остальным своим воям, что стояли в отдалении, возле ворот постоянного двора. Те только этого и ждали, потому повскакивали в сёдла и в пять шагов уже были возле молодого грека.

Неух замычал, попытался встать и как слепой начал шарить рукой в воздухе вокруг себя.

– Поднимите, – грозно прозвучал звонкий голос Дмитрия и сразу шесть рук с треском рванули грузное тело Неуха с земли вверх.

– Ну! – Ласкарёв сдвинул брови к переносице, как это делал в минуты сильного гнева его отец. Это возымело действие – кабачник дрогнул, решив, что сейчас его жизнь на волоске.

– М-Микита Бобр ждал Епифания, – почти захлёбываясь, тихим голосом промямлил он.

– Кто это? Нынче, он где? – резко спросил Дмитрий, коснувшись груди кабачника. Тот отпрянул и замотал головой.

– Н-не знаю, ещё на заре со двора съехал.

– А ты..., – Ласкарёв обернулся к прячущему глаза в сторону Тишаку, – слышал про такого?

– Дык..., кажись, слышал, но видеть не видывал. Он жеж..., навроде купца этот Микита...

– Купца? Где сей купец живёт? И лавка его где? – теперь Дмитрий подступил с вопросами к сотрясающемуся от страха жённому острожному.

– Того, не ведаю, господине, он жеж, того..., не с лавки торг ведёт. Встретился с кем надо, товар забрал, монету отдал и все дела.

– Эва-как. А где он встречается то? – начал терять терпение Дмитрий.

– Да, ведь, тут. Завсегда на этом дворе.

Ласкарёв, резко обернулся к кабачнику, тот усердно закивал головой, подтверждая слова Тишака. Его заплывший левый глаз превратился в щёлку, а второй – мутно глядел то на одного, то на другого державшего его воя, и подрагивал в ожидании нового удара.

– Истинно так. Бобр бывает наездами, о своих делах ничего не говорит, за ночлег да за вино платит, да мелкую монету иной раз «за молчок» подкинет, и снова исчезнет. Как-то краем уха я слышал, что многие дела он в Новгороде ведёт, – роняя с разбитой губы на седую бороду капли крови, затараторил Неух.

– С кем на Москве вел дела энтот Бобр, – мрачно спросил Дмитрий.

– Наверняка того не ведаю, – снова затряс головой кабачник, – почитай, токмо с Епифанием его и видывал.

– Да, неужто, только с ним? – вмешался в разговор Устин, и Неух вжал голову в плечи.

– Вспомнил, – сразу сказал он, – вспомнил.... Ещё по лету, Бобр тута встречался с Демьянкой-конюхом. Кто таков энтот Демьянка и откуда этот человеке, я не ведаю. Токмо «конюхом» при мне его Бобр называл.

– С кем ещё видывал этого Бобра? – недоверчиво сощуриив один глаз, спросил Ласкарёв.

– Дык, более, не с кем...

– Доподлинно ли? – переспросил Дмитрий.

– Вот истинный крест, сдохнуть мне на этом месте! – истово перекрестился Неух.

– Это, само собой, – утвердительно прогудел рядом Устин и посмотрел на молодого грека.

Кабачник даже зажмурился, а Тишак задрожал.

– Вот как мы поступим, – посмотрев куда-то за спину Неуха, проговорил Дмитрий, – сейчас мы тебя отпустим, и ты приберёшь всё в этой избе. Коня и всё, что найдёшь – забирай. А Епишку – отвезёшь к божедомам, что при скудельни живут. Знаешь то место?

Кабачник кивнул.

– Значит, там его и отдашь страхолюдям – они закопают.

Неух опустил голову, снова соглашаясь, с молодым Ласкарёвым.

Дмирий усмехнулся, и чуть подождав, пока кабачник снова поднимет свой взгляд, отдал последний наказ:

– Теперь слушай. Впредь, коли прознаешь, что, про этого Никиту, не мешкая, пошлёшь ко мне человека на подворье близ монастыря Николы Старого, спросишь боярина Ласкарёва. Ежели сослужишь верно, то будет тебе награда, а обманешь – смерть. Уразумел ли?

Неух, преодолевая тупую боль в голове, несколько раз кивнул.

– Что ж, нам делать тут боле нечего. Устин, не забудь..., – Дмитрий указал глазами на Тишака и зашагал в сторону своего коня. За ним двинулись вои. Промеж них, сгорбившись, к выходу с подворья протопал и Тишак.

Немного позднее, хозяин подворья, стоя на коленях перед иконами, приложив к заплывшей щеке медную ложку, силился вспомнить, где он уже слышал имя этого боярина, но всё, что ему приходило на ум – это лишь обрывки чьих-то рассказов о неких слугах московского государя. От этого кабачника бросало то в жар, то в холод и он срывал свою злобу на бабах-кухарках, а опосля, пил горькую, сегодня как никогда.

* * *

После обеденного сна государь Иоанн III Васильевич покинул опочивальню не сразу. Истово помолившись перед отцовскими иконами в золотом киоте, он коленопреклонённо замер на полу и закрыл глаза. В голове как в весеннем омуте крутились обрывки мыслей.

С детства отец внушал ему, что бремя правление скользко и шатко – один неверный шаг и всё рушится и тогда поднять то, что столетиями строили его предки, будет уже нельзя. Но ведь он всё делает лишь во благо государства, отчего же, так тоскливо на душе?

– Господи, почему я всю жизнь разговариваю с тобой, но ты молчишь? Почему всегда я начинаю разговор, но не слышу ответа? Да и разве это разговор? Подай мне знак господи, – прошептал государь иконам. Но как всегда, ответом ему была лишь тишина.

Тяжело поднявшись с одеревеневших колен, он опёрся на посох и нетвёрдой походкой шагнул за порог опочивальни.

Пройдя полутемными переходами, Иоанн миновал челядинский покой, где стояли, и негромко переговариваясь между собой, отроки и теремные служки. За одной из двойных дверей слышалось эхо ровных голосов, там его ждали.

Прежде чем войти в думную, он остановился и прислушался. Кто-то, со знанием дела говорил о войне на литовских рубежах, о русских полках и литовцах и о каких-то наёмниках.

Иоанн по голосу узнал старого князя Ивана Юрьевича Патрикеева – мудрого воеводу, служившего ещё его отцу, и даже приходившимся ему двоюродным родственником.

Патрикеев степенно говорил кому-то о том, каким порядком воюют западные страны, а также о том, что те, кто пришёл оттуда в литовское войско, для русских ратей не опасны:

– ... Так что польза от этих самых пикинеров в наших русских условиях более чем сомнительна, – гудел князь своим густым басом, – ведь наш-то воин он спокон веков в основном с татаринoм бился, а тот, не чета их манере. Против татарина любые глубокие, малоподвижные пехотные и рыцарские колонны бесполезны, и беспомощны. Ни уйти, ни навязать бой, тогда как текущая как река татарва всегда над западным войском верх брала, и не мудрено, ведь бусурмане до копейного боя издали пускают тучи стрел, а оставшихся от такого «дождя» в живых добивают со всех сторон лихим налётом конницы.

Токмо с нами, у татар не так, мы то-ужо половчее татарского войска будем, а брони, да мечи у нас западных не хуже, – подытожил Иван Юрьевич.

Великий князь сурово сдвинул брови, мелко перекрестился и толкнул дверь в палату.

Все присутствующие громко выкрикнули здравницу Великому князю, он ответил им коротким поклоном и примостился на своё кресло.

– О чём бояре разговор ведёте? – как бы с ленцой спросил государь.

– Да вот обсуждаем послание от князя Фёдора Бельского, что в посольский приказ гонец доставил, – выступил вперёд князь Патрикеев.

– Послание? – Великий князь удивлённо поднял брови, – и о чём пишет сей славный муж?

С поклоном вышел посольский дьяк Фёдор Васильевич Курицын: – в послании своём князь Бельский отписал о стычках с отрядами литовского князя Соколинского, а к посланию приложил вот это, – дьяк показал круглую розетку с изображением красного креста и мечом под ним, – только сегодня утром гонец доставил.

– Что это? – с пренебрежением спросил государь.

– Сей знак носят на груди сотники и тысяцкие в ливонском ордене, – пробасил рядом князь Патрикеев.

– Орденцы вместе с Литвой? – с недоверием переспросил великий князь.

– То не диво, видать, своих ратных людишек не хватает, вот и позвал Соколинский орденцев, а те до злата охочи, – пояснил Патрикеев.

– Но ордену надобно дать вразумление, что закрывать око на их лихodeйства мы не станем, а посему пусть посольский приказ готовит грамоту в орден с испрошением, чего желает их магистр войны али мира. А к большому приказу, моё слово такое: всякую торговлю с орденскими купцами прервать, товары их на торг не пущать. Пусть в ордене знают, что коли меч на нас вместе с нашими недругами поднимают, то дружбу теряют.

– Государь, стоит ли нам из-за горстки наёмных охотников терять дружбу с орденom, – робко спросил Курицын.

– Дружбу? Ну, коли в ордене у нас такие друзья, то их дружба не дорого стоит. Как могут воины, Христа славящие, идти убивать иных христиан, да ещё и за мзду?

– То не диво, что рыцари в набеги ходят, – продолжил Иван Юрьевич, – для них все, кто не под папским крещением – суть еретики, а по уставу ордена его братья призваны на вечную войну с еретиками.

– Вот! – выступил из угла митрополит Геронтий. Он до поры стоял в тени и только прислушивался к разговору. – Вот таковы они последователи веры латинской! Не зря глаголют: «там, где папёж, там и грабёж».

– Кто сие глаголет, отче? – в ответ на возмущение старца, снисходительно улыбнулся Великий Князь.

– Народ! Народ православный! – Геронтий воздел свой костяной посох вверх. Он чувствовал, что его, как и при разговоре с ночным гостем снова легко распаляет гнев, и мысленно корил себя за сей грех.

– Ох, митрополит! – с такими речами только и остаётся, что войско исполчить и на Рим войной идти, – продолжил миролюбиво увещевать государь.

– А хоть бы и так? – ершисто выдохнул Геронтий. – За веру православную, можно и в сечу вступить, ибо православное воинство христово супротив папского ворья всегда с божьей помощью верх брало и далее так будет!

«А ведь он как будто серьёзно о походе-то. Что на него нашло?», – отметил про себя государь Иоанн.

– Э-э-э отче, укроти свой гнев праведный, тут-то врагов нет, – попытался он успокоить митрополита.

– На то уповаю, – сипло ответил Геронтий, продолжая метать молнии взглядом.

– Да что с тобой отец-митрополит? – не выдержал Великий Князь.

– Со мной, слава Христу, ещё есть божье благословение, хотя чую, что, когда призовет господь, тяжело мне будет ответ перед ним держать. А вот в державе твоей православной, среди душ, к свету глядящих, упали зёрна гнили. Из Новгорода архиепископ Геннадий пишет о брожении ереси среди монахов, из Волоколамского монастыря настоятель Иосиф шлёт грамоту о движении по Руси отступников от православия и тех нечистивцев, кто «прельщает» православных еретическими учениями, о том же извещает и епископ Суздальский Нифонт. Даже отец Паисий Ярославов, что кротостью своей и миролюбием известен, и тот, обеспокоен ползущей скверной ереси и поругательством святынь.

Великий князь нахмурился. В голове снова шелохнулись обрывки тёмных мыслей. И, как бы отгоняя их, он махнул рукой, митрополит истолковал этот жест в свою сторону и задрал кверху бороду, яростно засверкав глазами. Иоанн почувствовал растущее напряжение и среди думы. Окинув всех отеческим взглядом, он попытался снова настроиться на миролюбивый тон.

– Будет тебе, отче, нет никакой ереси в пределах русских, а то, что глупцы да юроды бают, так-то по тёмности их дремучей. Да если и рекёт, кто богопротивные речи, так ведь не названы они, с кого спрос-то? – раздраженно отмахнулся государь.

– Ой-ли... не названы? А те – из Немцова монастыря, что названы были? Иде они, может даже на Москве? – С яростью в голосе спросил митрополит. Он опёрся обеими руками о свой посох и подался всем телом вперёд, как будто готовился к прыжку.

Великий князь недовольно заёрзал на месте. В последнее время митрополит Геронтий всё чаще вступал с ним в конфликты.

– Так чего ж ты желаешь? – напряженно спросил государь.

– Защиты для веры отцов наших!

– Что-ж... – продолжая сдерживать гнев, вымолвил Великий князь, – ... то дело праведное, грамоту к наместникам с повелением на преследование еретиков – получишь, остальное всё в руках церкви и бога.

– На том благодарствую, – сухо ответил Геронтий. – Позволь же мне по делам сим удалиться.

Государь коротко кивнул и митрополит, осенив его крестным знамением, медленным шагом вышел из думной.

Пока за дверью не стихли шаги старца, в думной никто не проронил ни слова.

* * *

При дворе государыни сегодня суета. Люди из свиты послов, заморские мастера и купцы, ожидая милостей от московского престола, прибыли с подарками, в надежде, что она поможет им получить благоволение Великого князя.

Софья любила устраивать такие приёмы, на них она снова чувствовала себя на вершине власти, и, хотя явных значимых решений в обход воли своего мужа—великого князя, она принимать не могла, многие понимали, что мнение Софьи, несмотря ни на что, часто, перевешивает мнения самых ближних к государю князей и бояр. Вот поэтому, иноземцы и торопились предстать при дворе государыни. Каждый приём, был, ими весьма ожидаем. И пусть проводились они скромнее, чем при навеки исчезнувшем византийском дворе, но ярче, чем у самого московского государя. И это будоражило мысли не только московских людей, но и многих за пределами русских границ. Ведь кроме неё, в целом свете, ни одна из жён правителей такого никогда не делала. А Софья, делала вид, будто и не догадывалась ни о чём. Однако принимая иноземцев, часто узнавала многое из того, что после, в склад с другой информацией, открывало положение дел в разных европейских странах, а самое главное, становилось понятным отношение правителей этих стран к Руси и их тайные и явные политические желания. Своими мыслями и выводами она после наедине делилась с мужем.

Потому, к приёмам государыня готовилась. Заранее собирала всё, что только могла узнать о тех иностранцах, кто хотел предстать пред её очами. И в этом ей всегда помогала пронырливая Мирослава, которая через своих людей, часто следила за нужными иноземцами, прибывающими или уже живущими на Москве, примечала: с кем ведут дела, в каких домах бывают, а иногда, и какие речи ведут.

Но сейчас, боярыня никак не могла прийти в привычное для себя равновесие духа. Её то охватывал страх, то безудержное веселье. Она сама удивлялась недавней своей дерзости и одновременно, в глубине души, боялась последствий своих поступков. Мирославу будоражили мысли о сладкой прошедшей ночи, и при этом обдавал хладом страх позора. «А что, ежели, молодой Ласкаръ будет на Москве бахвалиться и тогда, об их блуде пойдёт молва, и прознает государыня? Или того хуже, слух дойдёт до старого чёрта – Фёдора Ласкарёва, что он тогда с ней сделает? Он сейчас далече, но ведь вернётся и тогда...! Пожалуй, даже государыня не защитит... Или не узнает... Или... сама и отдаст приказ... Ох страх, страх, страх... Неужели молодой Дмитрий кому расскажет? Или промолчит? Или забудет? Забудет? Ох, Дмитрий... М-м-м... Сокол. Сильный, красивый, пригожий. Может это господь сжалился и послал его, чтобы разом наградить любовью за все прошлые годы. Любовь?» – Мирослава вздрогнула, это не укрылась от взора государыни.

– Что с тобой, как будто хвораешь? – спросила, обычно сдержанная на эмоции великая княгиня.

– Прости матушка, ломота в костях, да и в висках шумит, то от непогоды, – виновато улыбаясь, склонила голову боярыня.

– Да, пожалуй, в палатах и вправду зябко, вели пожарче топить, – махнула широким рукавом Софья.

– Сейчас сполню, – отозвалась Мирослава.

Время давно шагнуло за полдень. После приказа верховой боярыни, с самой обеденной молитвы, печники не жалели дров и в больших палатах великой княгини стало жарко как в бане, хоть одёжу скидывай. Серый, безжизненный свет едва пробивался в окна, растворяясь в отсветах огней полусотни свечей, что горели в светильниках на богато убранных стенах. Снова с хмурого неба то и дело срывался мокрый снег. Некоторые слюдяные пластинки в свинцовых оковках, что были вставлены в окна – протекали, и на стенах вокруг этих окон появилась

испарина. С порывом ветра снежные хлопья ударялись и прилипали с улицы к слюде, сумрак в окнах сгустился, и по едва уловимому знаку вездесущей Мирославы, слуги ещё добавили свечей в шандалы. С потолка на золоченых цепях спустили паникадила, каждое о шести подсвечниках и быстро затеплив все ярусы свечей, ярко осветили приёмную залу. А чтобы гостям во всем была приятность, слуги внесли ещё и позолоченные с боков жаровни с курящимися заморскими благовониями.

Сотворив короткую молитву, государыня начала свой приём. Гомон голосов в приёмной зале смолк не сразу.

– Потому при московском дворе жалуют мастеров из всех городов Европы. В этом лете, божией милостью в землях наших утвердилось благоденствие. Мы рады всем тем, кто ищет дружбы с нашей державой....

Софья сидит высоко. Большой золочёный престол весь отделан темно-красным бархатом. Сама в высоком венце, голову держит прямо. Искусно сшитое широкое темно-красное платье красиво облегает её стан и как будто сливается с престолом. На плечи накинута горностаевая шубея нараспах. Волосы, тщательно забраны под убор. Приятный, бодрящий дымок сгустился под сводчатым, расписанным золотом и киноварью, потолком. Дорогие ковры на скамьях и на полу, чистота и тепло обобщают особый уют приёмной палаты. Лицо государыни приветливое, добродушное.

– ... Рада я ноне видеть вас всех при нашем дворе, ибо вижу, что, как сами вы, так и прочие люди из стран ваших имеют желание жить с нами в мире. И пускай все знают: Москва привечает тех, кто с намерениями добрыми, но для врагов мечи наши остры, и так будет вечно, ибо путь сей указывает нам любовь к родной земле. А теперича, пусть каждый, кто хочет молвить, выходит по одному, так, чтобы все могли его слышать, ибо в добрых делах нет утайки...

По правую руку от государыни всё именитые и родовитые, есть и думцы её мужа-Ивана, а по левую её ближние, всё больше греки, да худородные русские служилые бояре, преданные лично ей, как верные псы.

С позволения мужа – Великого князя она завела эту собственную «думу» из членов свиты. С ними и устраивала в специально выстроенной приёмной палате такие дипломатические приемы иностранных послов и гостей, ведя с ними разговоры «величаво и ласково».

Иноземные посланцы, по одному выходили вперёд и произносили хвалебные речи государыне Софье, среди прочего не забыв упомянуть и о своих просьбах. Великая княгиня слушала их по большей части с лёгкой улыбкой, иногда кивая и, даже отвечая, на их родных наречиях. После речи венецианского посла Пьетро Лурдани вперёд вышел долгобородый немецкий купец, который просил о милостях для своей торговли на Москве. Государыня, не прерывая купца, сделала легкий знак Мирославе подзывая её.

– На венецианского посланца посмотри, что-то он в стеснении, проводи его в задние комнаты, там, в дали от остальных говорить с ним буду.

Боярыня согласно кивнула и ловко юркнула между ближними боярами, прямо в толпу вставших полукругом иноземцев.

Вскоре приём был окончен, всех пригласили к столам, на званный пир, а венецианец с хитрыми бегающими глазками предстал перед Софьей.

Пьетро Лурдани был опытным дипломатом, долгое время состоял в подручных у известного всей Европе посла-лисы Амброджо Контарини. С ним же, одиннадцать лет назад впервые побывал в Москве. Он достаточно неплохо разбирался в ситуации при дворе Великого московского князя, поэтому о деликатной стороне своей нынешней миссии самому Иоанну Васильевичу, он ничего не сказал, а терпеливо ждал момента всё донести через «правильные уста» – через Софью. Сейчас Лурдани учтиво изогнулся в поклоне, и, не сводя глаз с широкого браслета, что плотно прилегал к запястью московской государыни, начал подобострастным голосом:

– Высокородная принцесса! Всемиловитейшая деспина! Дозволь передать тебе поклон от твоего брата – хранителя императорского наследия кесаря Андрея....

При упоминании о брате ресницы Софьи слегка дрогнули.

– Твой брат сейчас гостит в пределах Венецианской республики, и, узнав о моём предстоящем путешествии, пожелал передать через меня вот это, – Лурдани ловко извлёк из-под своего плаща письмо и с почтением передал в руки Софьи. Та, молча, приняла, но не вскрыла, а отложила в сторону. Это немного смутило дипломата, ведь он рассчитывал, что сможет построить беседу исходя из содержания письма, которое он знал заранее.

– Помимо писанного, твой брат просил передать ещё несколько слов, – гнусаво вымолвил венецианец, рассчитывая, что сможет в беседе донести мысли, которые ему вложили при дворе дожа.

На его удивление, московская государыня снова промолчала, но ведь не затем же, она позвала его в отдельные покои? Лурдани решил действовать наверняка и с некой долей откровенности стал говорить о том, что Андрей Палеолог, испытывая нужду, обратился к республике с просьбой оказать поддержку в борьбе с османами, при этом он рассчитывает на помощь своей сестры и её мужа – московского государя. Венецианский дож не отказал в своей поддержке, но памятуя о том, что Андрей всё ещё не расплатился по своим долгам перед Папой, просил Софью и её мужа Ивана выступить поручителями за своего родственника и об этом официальным посланием сообщить республике.

Словесный поток дипломата на мгновение иссяк, и он перевёл дыхание. Государыня продолжала молчать.

– Скажи хоть слово, о превосходная, какие вести я должен увезти с собой для твоего брата, будь милостивой принцесса...

Софья подняла на дипломата свои очи, и что-то кольнуло в груди у Лурдани, вместо обычных светлых, с огоньком глаз, он видел тёмный омут, и венецианец онемел: таким откровенным холодом повеяло от этого взгляда.

Пьетро Лурдани потупил взгляд, он лихорадочно пытался сообразить, что было не так в его пылкой речи, ведь всё было рассчитано безупречно, но великая княгиня Софья, похоже, осталась совершенно равнодушной к просьбе своего брата, а это так на неё не похоже!

– Ожидала я разговора о делах государственных, о торговле между Московией и Венецией, коя из полноводной реки в малый ручеёк превратилась, ибо турецкий флот стал полновластным хозяином в Черном море, потеснив и венецианский, и генуэзский и прочие. Но видать политические интриги заботят ныне Венецию более, чем благополучие своего народа. Мне, слабой женщине, таких дум не осилить. А за вести о брата благодарствую, – спокойно произнесла она. – И впредь, посол, не докучай мне такими мелочами. Боле не задерживаю.

Венецианец отступил на шаг и, не поднимая взгляда, раскланялся. Как только он исчез за порогом, Софья звякнула в колоколец. Мигом появилась Мирослава.

– Брат мой, Андрей, ныне под крышей дожей венецианских обитает, видать совсем задолжал, шли к нему гонца надёжного, зову его к себе погостить. Мыслию, что муж мой его пригласит, но пока я ему сие мысли вложу, пусть гонец уже будет в дороге.

А теперь, пора нам вернуться к нашим прежним замыслам, приготовь всех на завтра, ибо дьяк Федор Курицын будет на утренней беседе. Посмотрим, чем он дышит.

Боярыня ответила молчаливым поклоном, краем глаза заметила лёгкую усмешку государыни и улыбнулась в ответ.

* * *

Иван Беклемишев, раскачиваясь в седле в такт неторопливому лошадиному шагу, тащился в сторону Большого приказа. Он был погружен в свои раздумья и не замечал ни лёг-

кого липкого снега, что снова сыпал из серого неба, ни спешащих по своим делам москвитян. В голове его снова зрели вопросы, но задать их было некому.

На площади, что в народе прозвали «Никольский крестец», кто-то резко остановил его коня, взяв под уздцы.

Иван встрепенулся от своих мыслей и увидел перед собой, улыбающееся лицо своего отца.

– Сыне! Ты никак туговат стал на ухо? Я уж тебе кричу-кричу, а ты и головы не повернул, – добродушно прогудел Никита Беклемишев.

– Прости батька..., – рассеянно промямлил Берсень.

– Да чего уж, – отмахнулся Никита Васильевич. – Я ж разумею, что ты всё ещё в розмыслах о том..., – он неопределённо махнул рукой в сторону. – Однакось, раненько ты сегодня со двора утёк, я было, в приказ за тобой послал, ан, нет тебя там.

– А почто искал батька?

– Дык ...Я за то и говорю, что холоп от думного дьяка Фёдора Курицына поутру был. С приглашением. Завтрева к обеду ждёт нас дьяк. Я смекаю, что сие не спроста. Такой человек просто за ради дружбы к себе не зовёт.

– Что ж, коли звал, то надобно пойти, – согласился Берсень. Он хотел было рассказать отцу о том, что видел утром в остроге, но передумал. Да и не был он уверен, что верно повёл себя с Ласкарёвым, сознание собственных ошибок досаждало. Отец ничем не поможет, а лишнюю думу подсалять в его голову Иван не хотел. Надобно самому во всём разобраться.

Никита Беклемишев уловил настроение сына, но вида не подал. Вместо этого он махнул рукой своему стремянному, что стоял подле коней на другой стороне улицы.

– А что сыне, не поворотить ли нам к дому, да не пойти в баньку, да с веничком еловым, да с медами стоялыми, монастырскими, глядишь, и все печали твои разгоним? – предложил отец.

– Медами сказываешь? – переспросил Берсень, его вдруг тронула неожиданная мысль. – А что батька, не заехать ли нам прямо сейчас к отцу Михаилу, после нашего разговора недобрый осадок у меня на душе, и мёду там отопьём, может он и успокоит?

– То дело хорошее, хотя прежде не замечал я в тебе такого почтения к сему славному пастырю, но коли желаешь, поедем, – удивлённо пробасил Никита Беклемишев.

«Вот сейчас всё и прознаем. Теперича, отче Михаил, не отвертись! Почто утаил, что мой холоп со своим братом на твоём подворье жил?» – вертелось в голове Ивана, пока они разворачивали коней к Архангельскому собору. Он мысленно представлял, как будет вопрошать об этом настоятеля и как тот, понимая, что Берсеню уже много известно, не сможет уйти от ответа. Эти мысли как чёртики скакали у Ивана в голове до самого храмового подворья.

Вот и церковный двор, вот и знакомые с детства ворота. Вихрем, спешившись, Берсень забарабанил в калитку и не остановился, пока изумлённый привратник наскоро не откинул засов и не впустил нечаянных гостей на храмовый двор.

– К отцу Михаилу мы, – выпалил Иван.

– Дык, это..., нету ведь его в храме, – промямлил всё ещё ошарашенный неожиданным напором знакомый привратник. – После утренней службы, отбыл он к дьяку Фёдору Курицыну, тот скорбную литию на дальнем погосте по своим и чужим холопам, сгинувшим от моровой язвы, заказал..., мыслю, что аккурат сейчас этот молебен там и идёт. Может вам туда, ежели что спешное?

Беклемишевы, услышав про Курицына, не сговариваясь, переглянулись.

– А это что? Тоже служба? Её кто ведёт? – недоверчиво указал Никита Беклемишев, на безмолвную процессию монахов, что молчаливо шли размеренным шагом через подворье.

– То братия на отпевание шествуют, и у нас преставился ночью один из монасей. Да вы про него знаете.... Тот, который в прошлом разе с глазной хворью был, – ответил привратник.

Берсень нервно сощурился и отвернулся к осеняющему себя крестом отцу.

– Да батька, на завтра разговор с дьяком Курицыным зело нужен. Ой, неспроста, всё заплелось в один жгут.

Отец в ответ, лишь молча, кивнул головой.

* * *

Моложавый писчий чернец, бесшумно вошёл в покои и, изогнувшись в поклоне, протянул митрополиту Московскому, только что написанную и ещё пахнущую чернилами грамоту, всю перевитую жёлтым плетёным шнуром с тяжелой печатью в виде восьмигранной геммы с изображением льва, терзающего змею – знак Московского государя.

Геронтий одним движением вырвал из рук писаря свиток и быстро развернув, прочёл его на одном дыхании.

«...Милостию божией, Великий князь Иван Васильевич всея Руси, богомольцу нашему Геронтию, митрополиту всея Руси.

Во спасение душ православных и повсеместного ограждения от скверны и хулы Христа сына божия и пречистой его богоматери, и защиты от поругания святых икон, наше соизволение и просьба к тебе об искоренении ересей повсеместно, а коли, кого в хуле нашей веры православной Христовой застать, али иметь свидетельство об их святотатстве, будь то священники и диаконы, и диаки, и служилые, и простые люди, того имати и предати суду городскому али церковному и той же казни...»

Резко свернув свиток, впервые за несколько дней митрополит просиял. Как будто ухватившись за какую-то мысль, он круто повернулся на месте, и, отбросив посох, ринулся к столу. Не глядя, выдернул из чернильницы перо и долго писал. Обернулся, бросил колющий взгляд из-под седых кустистых бровей, на писца. Тот затрепетал.

– Вот эту грамоту..., – Геронтий подал маленький пергамент, испещрённый строчками без разделения на слова, – в Новагород преподобному Геннадию, эти же грамоты..., – он указал на другие несколько листов, – спешно разослать по всем обителям и епархиям, акромья монастыря Успения на Явонь-реке, а вот эту ..., – Геронтий особо выделил плотный свиток, – в Волоколамский монастырь. Пусть наши люди скачут днём и ночью, без роздыху.

Подавая листы, митрополит резко взмахнул широким рукавом, как крылом чёрным и не глядя на отпрянувшего монашка, поднял старческое лицо кверху, изрёк на выходе:

– Нет, бесы! Очистим от вас святую нашу церковь, вырвем гниль из тела чистого! – яростно погрозил он сухим кулаком куда-то в сторону. И, как будто опомнившись, грозно зыркнул на застывшего в страхе чернеца.

– Чего ждёшь? Ступай же, – уже мягче произнёс Геронтий.

Писарь покорно склонил голову, собрал всё, что отдал ему митрополит, и, пятась к двери задом, безмолвно удалился.

Старец осенил крестом закрывшуюся дверь и беззвучно зашептал слова молитвы.

* * *

К вечеру государь Иоанн Васильевич навестил покои жены. Замерев на пороге Софьиной опочивальни, он молчал, долго смотрел, как она в одной рубашке сидела на низкой скамеечке возле постели, и сама расчёсывала волосы. Софья всегда это делала перед сном. Он даже помнил, как однажды спросил ее, почему не велит девкам, а она, как бы в шутку отвечала, что так от лишних дум, что за день в голове собрались, избавляется.

Иоанн медленно втянул через нос ароматный запах, которым были пропитаны эти покои. Тут всё как будто прежнее, но все для великого князя как будто внове. «И как ей так уда-

ётся...», – мелькнуло в его голове. Прикрыв глаза, он снова вспомнил, как в первые годы после свадьбы Софья часто брала его за руку и перстом своим мягким водила по его шершавой ладони, вычерчивала линии, перебирала его пальцы с короткими ногтями, что-то шептала на непонятном ему ромейском...

– Что же ты стоишь, государь мой, не проходишь далее, али не по нраву тебе стало это место? – не меняя позы, сдержанным голосом произнесла Софья, словно продолжая давно начатый разговор. – Ты государь и муж мой, тебе открыты все двери во всех покоях, даже тех, дорогу в которые ты позабыл, – с лёгким укором продолжила она, и, повернув голову, посмотрела прямо в глаза Иоанну. Он смутился и отвёл взгляд. Нетвёрдо ступая, прошёл и сел на большую богато убранную кровать. Как бы невзначай кашлянул.

– Иноземцев сегодня много у тебя было..., чай опять просили о заступе перед нашими купцами, али ещё чего? – перевел он разговор на другую тему.

– Да, вестимо, все торговые люди так устроены, что при любом случае ищут себе выгоды, – с ленцой в голосе ответила Софья. – Хотя, многие из посольских почище купцов будут.

Иоанн дёрнул бровью и повернулся всем телом к жене, и она продолжила:

– Среди прочих, посланник венецианский попытался обставить события, связанные с нахождение моего брата Андрея под крышей их правителя, как великое одолжение мне, и, настаивая на этом, намекал на желание получить помощь в войне с османами.

– И что же, как думаешь ответить венецианцу? – нервно спросил Иоанн.

– Да ответила уже, чтобы не докучал мне такими речами.

– Но ведь он брат твой, и я же, помню, как ты о нём терпишь печаль-истому.

– Да, мой господин всё так, я люблю своего брата, но при этом, своим слабым женским умом понимаю, что дело сейчас не в нём. Пока у нас с Литвой нет мира, Папа будет любыми способами стараться нас обвести вокруг пальца. Для этого он может отставить в сторону, на время, все свои притязания к венецианцам и прочим союзникам, ведь казна его уже видит дно сундука, а венецианцы – по сути своей торгаши, от того и рады откупиться не монетой, да войском, а обещаниями, да грамотами. Потому посланник венецианский, не сказав тебе всех целей своего посольства, явился ко мне. Но, те, кто его послал просчитались. Ужо я с детства хорошо ведаю манеру своего брата Андрея. он никогда не отличался сильной волей. Смелостью, пылкостью речей, иногда добротой – это всё да, но не волей. И сейчас он мечется в поисках пристанища по всему свету. А Папа не даёт Андрею забыть о тех деньгах, что были переданы для похода супротив турок и так легкомысленно растрачены им.

В то время пока Софья говорила, великий князь привычным движением поглаживал свою русую бороду и не отрывал взгляда от её лица, пытаясь понять, что она чувствует, говоря о брате. А Софья не таила своей печали.

– Ну..., – закричал Иоанн, – может всё же..., как-то помочь сродственнику..., – и снова взгляд на Софью.

– Сейчас нам никак нельзя показать, что дела Андрея для нас могут быть сколь-нибудь важными, коли поймут это в папском окружении, не дадут покоя не ему, ни тебе государь, – тихим голосом сказала она. – Если только...

– Что? – встрепенулся Иоанн.

– Думаю, что можно было бы поступить по-родственному и самим пригласить Андрея погостить при твоём дворе. Ежели, он приедет и останется, то сие будет верный знак для всей Европы о том, что жить на Руси лучше, чем в землях папских и венецианских, этим два дела можно разом порешить: и папу отвадить от его интриг и величие свое державное явить. Но тут как поступить – тебе решать, это твой государев выбор, ты волен в нем, – Софья покорно склонила голову, и Иван, довольный, спрятал улыбку в своей бороде.

– Ну..., может, так и порешим, – растягивая слова, сказал он. – Я теперича, пока пойду, но вернусь, ночевать нонче тут буду, – улыбнулся Великий князь.

Софья пала на колени и прижалась губами к его руке.

– Ну, будя, будя..., – Иоанн погладил своей рукой по её струящимся как река волосам. – Пусти, я уже скоро, – отстранил он от себя жену и, продолжая играть усмешкой на губах, направился к выходу из её покоев.

– Государь, – окликнула его Софья. Он обернулся. – Совсем запамятовала я, просить тебя хотела о безделице, – Софья так и стояла на коленях, всем своим видом выражая покорность.

– О какой безделице?

– Ты знаешь, как я люблю книги. Послы иноземные в подарок привезли много новых, среди них есть и такие, которые описывают нравы и быт при дворах прочих государей европейских. Ты бы прислал ко мне кого-то из ближних толковых людей, кто побывал при дворах разных, пусть он скажет: всё ли верно прописано в этих книгах.

– А, это хорошо, это верно, всякое писание иноземное надо с правдой поверять, церковные мужи мне намеренно так же сказывали. С этим я тоже помогу, – ещё раз улыбнулся Иоанн, по всему было видно, что о приглашении к московскому двору Андрея Палеолога он уже принял решение, – но кого прислать-то?

– Да вот, хоть дьяка Фёдора Курицына. Люди сказывают, зело учён, сей муж, и как раз, при дворе Угорского короля Матвея жил, уж там-то, он, наверное, многое из иноземных придворных обычаев зрел?

– Фёдор? Что ж, этот, пожалуй, толковый, завтра же пришлю к тебе, – благодушно махнул рукой Великий князь. Софья в ответ коротко кивнула, и тот довольный вышел в галерею, ведущую через тёплые сени в Среднюю палату, там его уже ждали.

* * *

Закончился длинный, полный событиями день.

Откинувшись спиной к стене, Дмитрий думал. Сегодня он должен отправить отцу очередное послание о московских делах, но как писать о своих неудачах? Или всё-таки удачах? Мысли никак не хотели прийти в покой. Молодой боярин вертел в руке соколиное перо, но буквы с него так и не могли соскочить на пергамент. Думы острыми вспышками то и дело перескакивали совсем на другое. Только что от него вышел слуга боярыни Мирославы – дядька Антип. Он внимательно выслушал сказ молодого боярина, согласно кивнул, когда Дмитрий упомянул о важности поиска купца Бобра, и, торопливо перекрестив лоб, скорой походкой отправился пересказывать всё своей хозяйке. Сам Ласкарёв, дабы не навести ненужную тень на Мирославу, с ней решил пока не встречаться. Так он передал через Антипа, но на деле... Что-то, о чём он даже боялся подумать, мешало ему самому увидеть боярыню. Заново обмакнув перо в чернила, Дмитрий ещё раз прочёл первые строчки своего послания отцу, он всеми силами заставлял себя сосредоточиться на этом письме, но всё равно невольно вспоминал о боярыне Мирославе. За всю свою жизнь Дмитрий не встречал таких. У него уже были любовные утехи и с молодницами, и с вдовыми женками, но такого, чтобы его просто уложили к себе на постель, не было, ни разу. Он одновременно злился и трепетал. При мыслях о Мирославе по его бокам пробегали мурашки, он страшился этих мыслей. Думал о том, что будет, если узнает отец. И как быть, рано, или поздно он всё равно увидится с Мирославой. Шутка ли – верховная боярыня государыни! Нет, отец, коли узнает – сразу убьёт. Такого позора он терпеть не станет. Но почему убьёт? И откуда он может что узнать? Из подсознания Дмитрия снова всплыл образ боярыни, но не той, какой она бывала при дворе государыни, а той, какой она была утром – сонная с распущенными волосами....

– Боярин, гонец за грамоткой явился, – прервал светло-медовые мысли Дмитрия дворовый....

– Скажи, пусть обождёт, – нервно ответил молодой боярин и стал торопливо писать. Выходило нескладно, но Дмитрий уже не старался выводить слова в мысли так, как учил отец – ровно, коротко, но, по сути. Отписал просто: «... За хозяйством догляд веду со старанием, но голубей в клетке потравили, сторожевой пёс видно лакал из той же миски, потому как, хоть и сбёг из своей конуры и околел, а запах потравы от него я учуял. Уповаю, что луна, верно, передаст мои молитвы нашей матушке, и она за всё простит. Дмитрий». Присыпал послание песком, закрутил вощёной ниткой и запечатал восковую печать своим перстнем.

Через четверть часа гонец уже поторапливал свою сивку по замерзающей дороге. В позднюю осень темнеет рано, а путь до Новгорода не близок, почитай пять дней, а то и с лишком. Потому и скакал он навстречу ночи. Теперь без сна, лишь с короткими передышками.

Глава пятая

Тайная явь

Поздним вечером в палатах дьяка Фёдора Васильевича Курицына собралось почти две дюжины человек. Люди всё разные и меж собой незнакомые. Одни по виду монахи, другие калики скорбные. Кабы кто увидел такое сборище, мог подумать, что дьяк умом рехнулся, и собрал в своём доме уличный сброд. И это при всём притом, что он слыл человеком брезгливым, особенно в общении. Ещё более удивительным было то, что такие собрания в доме дьяка проходили через две недели на третью, по воскресениям. Тихая жена Курицына вместе с детьми в такие вечера покорно уходила ночевать к своим батюшке и матушке, а дворовые люди ещё в субботу получали два свободных дня роздыху. В большом доме оставался лишь один безмолвный слуга, да бабка стряпуха – прибиральница.

Все пришлые сидели в большой гостевой палате и слушали дьяка. Огня жалели, палили лишь по одной свечке в трёх шандалах, потому многих лиц сразу не разглядеть, одни бородачи да космы из теней видны.

Сам дьяк, против обыкновения не спокоен: то сядет на лавку меж слушателей, то встанет и ходит посере́д палаты, то что-то посмотрит в листах, исписанных мелким почерком.

Слушатели все молчали. Дыхание затаили и внимали. А Фёдор Васильевич плавно и складно баял сказки, что сам вечерами слагал. В них всё больше про Ивана-царевича, да Елену прекрасную и премудрую.

Чуть слышно скрипнула большая дверь, в палату тяжелым шагом вошёл человек. Дьяк, не прерывая сказа, указал ему на место напротив себя, тот молча, прошел и сел. То Волк-Курицын, брат дьяка-сказителя. В полумраке его косматая грива волос и широкая борода казались ещё больше, чем были на самом деле. Кое-кто из слушателей, глядя на вошедшего, невольно перекрестился.

Но вот дьяк закончил свой сказ величальными словами, и разом все слушатели задвигались. Поднялись со своих мест и с поклонами отправились к выходу.

Медленно со своего места поднялся и Волк, неспешно подошёл к дьяку.

– Никак не возьму я в толк, брате, почто ты сказки этим людинам рассказываешь?

– Не понимаешь? – удивился Фёдор Курицын. – Сказки мои, есмь отражение дня нынешнего в понятном для простого люда слове. И скоро все, кто их услышит, будут помнить лишь, что женка государева – мачеха злая, дети её – коварны, а вот Иван, и Елена Прекрасная напротив, образы чести и доброты. И чтобы не случилось, когда наследник вступит на престол, всё будет по правде и справедливости. А кто у нас сейчас мачеха-то? Вот то-то. Ну а то, что Иван не младший, а старший по роду, то не самое главное. Всё равно народ суть ухватит.

– О-как, далече ты хватил, – пробурчал Волк, ежели кто дознается про твои думы головы не сносить.

– Пошто я? Энто народ русский так думает. Теперича все сказки, что тут мной сказаны, как будто от него пойдут, от тех самых людей, коих ты ныне видел.

– Что ж, тебе виднее, усмехнулся Волк. – А вот, брате, тебе сказка иная. Писанная не по-нашему, хоть и мала, а видать, больно хороша, коли гонец, что её вез, так торопился, что в ночь скакал, и не заметил, как его арканом сняли, – Волк показал свиток с сорванной печатью.

Дьяк взял у брата грамоту и впился в неё глазами. – Греческий..., – бросил он, вникая в суть послания. – Давно получили?

– Совсем недавно, ещё воск на печатях не застыл, – хмыкнул Волк. – Потому я сам тебе и привёз. Знамо дело, судя по всему, молодшим греком писано, старого и среднего на Москве

сейчас нет, знать в послании что-то важное! – добавил он, но Фёдор Курицын ему не ответил, оторвавшись от письма, он что-то складывал в уме.

– Так ты сказываешь, что это молодой Ласкарь отправил гонца? – дьяк посмотрел на брата, – что ж, послание писано мудрёно, но проникнуть в его суть не трудно. А что с гонцом?

– А нет его. Пропал. И..., стало быть, грамотка вместе с ним, – криво усмехнулся Волк.

– То есть?

– Псарь мой Гаврилка не рассчитал маненько, на дороге его нагнал, петлёй захлестнул, да как с коня рвал, придушил.

– То напрасно. Ну, заполучили мы сие греческое послание, но не шибко много оно нам дало.

– Как так?

– А вот послушай: младшой Ласкарь упоминает про «голубей» – это, несомненно, сигнал о смерти безумного монаха Никея, и его брата Силантия...

– Ишь... ты, «голуби», – хмыкнул Волк.

– «Сторожевой пёс» – это смрадный Епишка, который и отправил «голубей» на тот свет, – продолжил растолковывать дьяк, а «матушкой» греки привыкли величать государыню Софью, ну и «луна» – это её ближняя слуга – боярыня Мирослава. Вот, зришь? Нет ничего такого, о чём бы мы уже не ведали. Потому худо, что гонца задавили. Греки хитры и заметят пропажу, будут искать своего посыльного, насторожатся, а нам это совсем не к чему.

– И что делать? Мне не по душе эти греческие грамоты. Ведь пока они держали под своим замком этих умалишенных, кто знает, что успели вызнать? Ежели прознали греки, кто укрылся от мира за именем Никей, то и прочие имена сведать не сложно. А это прямая указка на меня, а стало быть, на нас. Разве не для того покойник Болеслав Лукомский прибрал проныру Патрикья, чтобы не поднимать давней мути на поверхность?

– Да, истинно так и с этого всё зачалось. Греки как клещи вцепились и не отстают, подбираются всё ближе. И мертвецов уже целых хоровод. А между тем, как ты сам знаешь, на Москве сейчас только младшой из них, а где остальные? Вот то-то, и я не ведаю. И что они замышляют, а может уже и делают, о том тоже, только гадать можем, притом, что каждый раз, как они исчезают из поля зрения – что-то происходит, то Лукомского споймали, то Никея сграбастали. Мыслию, что ежели бы они не боялись, что мы имеем от государя заступу, то по их воле..., мы с тобой оба кормили бы уже червей своими телами.

– И что с того? Ради того дела, что мы задумали разве это цена? А отступить нам не след. Я так думаю, брате, коли взял топор – топори.

– Эх, – глубоко вздохнул дьяк Фёдор, и чуть покачался всем телом из стороны в сторону, – каждый день прошу у Господа сил, выдержки и разума – продолжать то, что мы начали. Ещё помощников, верных в делах, прошу. Ведь вот энтот Епишка, сызнова напортачил – отраву-то пленникам дал, но жратвы тюремной для них пожалел. От того, знамо дело те как подошли, так сразу стало видно, что загнулись они от яду.

– Ну, с Епишкой мы уже управились, он теперича своих мертвецов сам по пути в ад догоняет, – мрачно изрёк Волк.

– Толку-то.... Каждый раз приходится за всеми подчищать. То Епишка, то теперь за твоим псарём....

– Ты думаешь, что и Гаврилку надоть тоже, того? Крякнуть? – поднял брови Волк.

– Какого Гаврилку? – не понял Фёдор.

– Ну..., псаря маво....

– Нет, конечно! – недовольно махнул рукой дьяк, – так людей и вовсе не напасёшься! А люди..., люди они нам теперича будут ой как нужны! После тех потерь, что случились в Новогороде, теперь каждый оставшийся в деле человек гожається. Хотя бы, до тех пор, покуда новых не соберём. И это, милай, твоя забота!

Как некстати всё произошло с Лукомским... Именно сейчас всё так завязалось..., а нам со всей этой историй теперь будет сложнее узнавать о задумках грекини Софьи и её окружения. И это притом, что нам всегда было очень нужно иметь своего человека в самом вражеском стане....

– Это где? У греков что ли? Так ты для этого хотел приветить молодого Беклемишева? Но он, же с ними навряд ли как не в дружках....

– Шире зри, брате, я же тебе о другом толкую: пора понять, сможем ли мы приветить к себе ту «Луну», которая ноне многими тайнами ведаёт, на своём месте она нам была бы зело полезна.

– Хм..., – задумался Волк, – эту змеюку так просто не ухватишь, да и не верю я, что Софья-грекиня поверяет её в дела тайные, не того полёта птица, надо на молодшего грека капкан ставить, а не на глупую бабу тратить время.

– А я вот, всё же, хочу попробовать вначале с бабой сладить. Давно об этом думаю, и может чего и получится.

– Ну, коли так..., делай, как знаешь, ты ведь у нас «разумный», – досадливо отвернулся от брата Иван-Волк.

– Да ты не серчай, брате, – подступил к нему Фёдор, – знаю я, что о нашем деле радеешь, только давай, все же действовать с опаской и неспешно. За младшего грека пока погоди, найдём и к нему стёжку, но так чтобы наверняка....

– Пока мы годим, они нам таких рогаток наворочают, что после не продерёмся, – пробурчал в ответ Волк.

– Да ты не спеши, в таких делах важен расчёт и удача, вот я и хочу всё верно сделать, без спеха и суеты. Смотри, сейчас полночь уже, ты оставайся, ради такого случая пригублю с тобой хмельного, а поутру ещё раз обмыслим, – миролюбиво предложил дьяк.

– Нет, брате, свои полати лучше греют, – решительно отмахнулся недовольный Иван.

– Гм..., – запнулся Фёдор, ему был неприятен отказ самовольного младшего брата, склонив голову набок, он на мгновение замер, шумно выдохнул и покачал головой.

– Ну, что ж..., воля твоя, видать уже о девке своей заскучал, ой смотри..., грех сей, как бы беды большей не сотворил.

– Э-э-э, брате, какая от неё может быть беда? – досадливо отмахнулся Волк, – пойду я, пожалуй, – он развернулся к выходу.

– Да, вот ещё что, – остановил его дьяк, – завтра у меня будут гости, Никита Беклемишев с сыном, пора нам юнца в нашу игру привлечь. Заедешь?

Волк, молча, коротко кивнул и без прощания шагнул за оставленную кем-то приоткрытую дверь.

После ухода брата дьяк Фёдор Курицын медленно поднялся по скрипучей широкой лестнице в свою малую горницу-кабинет. Разные мысли скакали у него в голове. Жаль, что брат-Волк ушел, а Фёдор так и не сказал ему о своей вечерней встрече с государем.

* * *

Думный дьяк Фёдор Васильевич Курицын очень устал.

События прошедшего дня истощили все его силы. Примостившись за узким, почерневшим от времени столом, по своему обыкновению, Курицын затеплил тонкую свечу и ещё раз, в подробностях, припомнил каждое событие ушедшего дня. Мысли зацепились за неожиданное поручение Иоанна Васильевича. Дьяк прикрыл глаза и ещё раз в своей голове повторил вечерний разговор между ним и Великим князем.

Итак: Иоанн вышел в Серединную палату, улыбаясь, что в последнее время вечерами бывало не часто. Судя по всему, он шёл в хорошем настроении от Софьи, что тоже было

редкостью, ведь весь последний год между ними чувствовалось некое отчуждение. Выйдя на центр палаты, государь по обыкновению, остановился и обвёл взглядом всех присутствующих. Обычай вечерних встреч появился после приезда на Русь Софьи, это она втолковала Иоанну смысл этой церемонии, и государь взял за правило, чуть ли не каждый вечер проходить мимо тех, кого считал заслуживающим особого доверия. Часто он спрашивал о каких-либо делах, но бывало, что проходил молча. В этот вечер Великий князь кивнул ему – Курицыну: «ты вот что, Фёдор...», – молвил Иоанн Васильевич, – «... ты поутру загляни ко двору супружницы моей. Ведь, чай, не зря в Угорщине ты время провёл, вот и расскажешь, что и как там, у короля Матфея при дворе, сходятся ли обычаи с теми, что в книгах иноземных описаны, будут греки да гости заморские, вот там и потолкуете о сём, а заодно, может, что для своих посольских дел узришь». Говоря всё это, государь не переставал улыбаться, после, не сказав более никому не слова, вышел в резные двери тёплых сеней, что вели в его покои. Такое поручение великого князя озадачило всех, кто был в Серединной палате, но конечно никто не подал виду. Сам Фёдор Курицын понимал, что государь передаёт наказ греческой царевны, что-то она замыслила, чувствовал это дьяк, интерес Софьи случайным не бывает. «Ах, как некстати человек брата прибрал греческого гонца. А может в этом-то всё дело? Это хитрая греческая ловушка?» – Курицын на мгновение похолодел, но отбросил мысли о примитивной западне, слишком не похоже это было на грекиню.

Что бы отвлечься от тревожных мыслей, дьяк подумал о том, что сегодня на отходном молебне по умершим от болезней москвитянам ему сказал настоятель Михаил о помощи в продвижении их общего дела. Того самого дела, ради которого дьяк прилагал столько усилий. Ведь уже почти три года Фёдор Курицын, тайно, но с усердием помогал продвижению среди монашеской братии и не только, идей, которые он почерпнул ещё, будучи в посольстве при дворе короля Матвея Корвина. Сильно запали ему в душу слова, вычитанные в разных книгах, что давал ему король Корвин и его придворный духовник Николо Паулер о самовластии души. Часто думал Курицын о вольном определении человека по природе рождения, а не по замыслу бога. Там же, при дворе Корвина, Фёдор свёл знакомство с учёным богословом, астрономом и философом Сахарией, который держал путь из литовского Киева в далёкий басурманский Дамаск. Будучи давним знакомцем монаха Паулера, Сахария был очень занимателен. Хорошо образован и многосложен, он знал семь языков, легко читал труды западных и восточных мудрецов. Ко двору Корвина он прибыл специально, чтобы воспользоваться расположением Паулера и прочесть несколько редких книг из библиотеки короля, почитай лучшей библиотеки во всей Европе. Несмотря на свою учёность, Сахария не был гиблым занудой. Этим, да ещё умением говорить о самых сложных вещах просто, привлёк он к себе Фёдора Курицына. И теперь, когда сей дивный философ, прибыл в пределы московитских земель, Фёдор с великой опаской, но с охотой, помогал ему. Ведь и сам дьяк был искренне уверен, что не всё в жизни есть только божья воля, как это утверждают православные старцы. Курицын считал, что сам человек обладает свободой воли, но бог ведет каждого по жизни, лишь помогая ему, а не предопределяя всё заранее. При этом закон морали обязателен не только для человека, но и для самого бога. Вот и настоятель нового кафедрального Успенского собора Алексей тоже поддерживает эти мысли, а пресвитер великокняжеского Архангельского собора Дионисий говорит, что Иисус был такой же пророк, как и прочие, и это ясно из иудейских богословских книг, которые более древние, чем греческие с которых делали переводы ещё при Владимире Крестителе, с ним согласен и друг Фёдора Курицына – настоятель храма того же Архангельского собора – отец Михаил. Именно отец Михаил рекомендовал дьяку привлечь к своим заботам Беклемишевых, как самых гожих к общему делу людей. Знал он их хорошо и отмечал, что и государь к ним благосклонен и молодой Берсень ещё сам того не ведая, вовлечен в дело. Правда, пока не так, как того требовали интересы Курицына, но ведь это ж пока... Однако и противников у их общего дела тоже не мало: яростный новгородский архиепископ Геннадий, резкий в речах

игумен Волок-Ламского монастыря Иосиф, прочие древние старцы-церковники, да и митрополит Геронтий, видать неспроста глаголит перед государем гневные речи. Но самые несносные гонители и преследователи новых церковных идей – греки Ласкарёвы. Им бы всё по их, по греческому писанию пусть было, и порядки византийские на Москве этим писание насаждаемые для них отрада, а ревнительница сих порядков грекия – царевна византийская, что из кремлёвских палат на Русь их законы ставит!

Подумав о Софье, Фёдор снова вспомнил о предстоящей встрече и снова не смог найти объяснений, зачем он ей понадобился. Незнание тревожило. Снова в голове хитрая мозаика мыслей, но много не сходится, нет ответов на вопросы, одна тёмная круговерть.

Очнувшись дьяк от прикосновения чьих-то тёплых рук, вздрогнул от неожиданности, понял, что заснул сидя за столом. Фёдор посмотрел вокруг себя мутным взглядом, заметил озадаченное лицо жены.

– Ты что здесь? – сиплым спросонья голосом спросил он.

– От родителей возвернулась, – тихо ответила она.

– Ночью? Ай, случилось чего? Где дети? – всполошился Фёдор Курицын.

– Зачем ночью? Глянь, утро на дворе и детушки со мной, дома мы все, – удивилась жена.

– Как утро? Уже? – дьяк осознал, что проспал долго. Свеча прогорела, но в горнице было светло от солнечных лучей, что падали через мутное малое оконце. «Софья», – мелькнуло в его голове, «она же на утро, через государя мне наказала явиться, эх...», Курицын ринулся во двор. Дьяковы холопы, что поутру вернулись на двор, удивлённо смотрели на своего хозяина. Таким они его видели первый раз.

Фёдор метнулся под навес конюшни, где на боку стоял его возок, один из конюхов нетопливо набивал на него новые полозья. Дьяк вспомнил, как накануне, бросил ему о том, что одна сторона расшаталась. Ретивый холоп, видно решил это исправить.

«Но почему именно сейчас? Ах, бесовщина», – дьяк яростно заскрежетал зубами.

– Эй, чего стоите! – рявкнул Курицын на оторопевшую дворню, – каурого жеребца мне седлайте, да мигом!

Всё на подворье пришло в движение, из конюшни вывели жеребца и наспех его заседлали.

Дьяк с натугой забрался в седло, и резко ударив каблуками по лошадиным бокам, выехал на широкую проезжую улицу.

– Ой ты господи, без молитвы со двора умчал, как бы не было беды какой, – сокрушалась, глядя ему вслед, жена.

Фёдор Курицын не любил ездить верхом. При случае он садился в свой уютный с крытым верхом возок, и там, не спеша обдумывал свои планы и замыслы, пока ловкий возничий, управляя упряжкой, доставлял его до нужного места. Дьяк не понимал тех из кичливых бояр, кто даже через улицу переезжали только верхом, дабы подчеркнуть свою мужество. Но сейчас он сам брал верхи во всю конскую прыть. От непривычки к быстрой езде у него ныли кости, а мысли скакали словно чёртики. «Отродясь такого не бывало, чтобы службу заспал! Не иначе колдовство, какое, эва...» – прошелестело у него в голове, когда дьяк продирался в гомонящем людском потоке, что с Тверской улицы рекой тек к большому торгу. Уже на подъезде к новым Чешковым воротам³⁸, Курицын устыдился своим мыслям, но какое-то смутение всё равно шевелилось в его душе. «В народе говорят, что Софья не чужда чарам, это же и сам король Корвин у него выпрашивал. Неужто она, сон-дремоту напустила?» – подумал он и сам себе усмехнулся. «Нет, никаких чар и прочь эти мысли. Оборони господи. Коли напрослину подумал, прости, а коли это, правда... так и подавно о сём думать не след, ведь тогда она через

³⁸ Чешковые ворота – были в Тайницкой башне московского кремля, когда та была проездной.

чары наперёд всё выведает...» – дьяк в воротах придержал коня, перекрестил лоб на надвратную икону и скорым шагом въехал в кремль.

Среди многоголосия, царившего возле заново возводимого трёхкупольного Благовещенского собора, дьяк явно различал выкрики и псковский говор, то мастеровые торопились собрать «леса» до настоящих морозов. Курицын, ведя коня в поводу³⁹, свернул вдоль стены налево, и, пройдя до теремов, остановился. От длинной коновязи быстро подбежал служка и взял его коня под уздцы.

Фёдор Васильевич чинно подошёл к крыльцу в палаты византийской царевны.

* * *

Двери в приёмную палату Софьи закрыты наглухо, у дверей никого, даже стражи нет. Лишь рядом длинная горница с приоткрытой резной решётчатой калиткой. В горнице сей боярыни и боярышни из свиты государыни, по её повелению занимаются разным рукоделием.

Курицын, кликнул через калитку одну из показавшихся знакомой боярынь, попросил сказать Софье, что он ожидает. Ушла за двери и не вышла к дьяку эта боярыня, но немного погодя, оттуда выскользнула Мирослава и молча, встала, спиной к тяжелым дверям прислонившись.

Дьяк Курицын занервничал. Он не знал, то ли не зовут потому как опоздал, то ли государыня иную, какую игру задумала, и потому не велит проводить его пред свои очи.

Отойдя от калитки, он начал прохаживаться возле дверей, которые подпирала Мирослава, в очередной раз, пройдя из стороны в сторону, Курицын остановился напротив боярыни и начал издалека:

– Поздорову ли живёшь светлоокая Мирослава, не поведаешь ли, как сегодня настроение нашей матушки-государыни, во здравии ли она?

– И тебе здравия дьяк, – с лёгкой насмешкой в глазах отозвалась верховая боярыня, – государыня, хвала господу, здорова, и меня хворь стороной обходит.

– Э-э-э..., – неожиданно для самого себя замялся Курицын, подбирая слова для продолжения разговора, но в голову ничего не шло, и он решил напрямки: – может, ведаешь, зачем государыня меня позвала, чем могу услужить ей?

– Нет, сие мне не ведомо, – с сухостью отрезала боярыня, что насторожило дьяка. «Врёт», – подумал он, но, не подав виду, а с учтивым поклоном подступил ближе.

– Ну, а как сама живёшь-бываешь, давненько нигде тебя не видать, даже на воскресных службах в церквё среди прочих боярынь тебя не узреть.

– А ты никак за мной пригляд ведёшь? Али мало на Москве церквей, или ты их всех перед службами нароком обходишь? Будто сам не ведаешь, что, как и прежде, служу государыне, и на моление я всегда при ней? – резко ответила Мирослава.

– Ведаю, ведаю..., мне государевым словом указано многое ведать, – с хитрым прищуром проговорил дьяк.

– Ну а коли так, тогда об чём спрос? – Мирослава недовольно передёрнула плечами, и сделала шаг в сторону, чем вызвала улыбку на лице Курицына.

– Вот смотрю я на тебя и всё удивляюсь, до чего же не похожа ты на всех остальных боярынь, коих я видел за всю свою жизнь, – опять шагнул он к Мирославе.

– Дивны речи твои, – удивилась боярыня, – как угадать, похвала, али хула сейчас была сказана?

³⁹ В те времена, возле великокняжеских палат верховая езда не допускалась, без особого на то разрешения, это не касалось самого Великого князя, членов его семьи и государевых гонцов.

– Что, ты? Какая хула? Как можно? – с притворным испугом махнул рукой дьяк Курицын. – Напротив, низко кланяюсь твоему великому разумению и усердию в службе государыни нашей, – Фёдор Васильевич сделал шаг назад и насмешливо поклонился в пояс, а затем продолжил:

– Когда я во первой раз увидал тебя, а было это уже давненько..., почему-то сразу подумал: «эта – высоко взлетит».

– Правда, что ль? И почему? – по-бабьи всплеснув руками, боярыня поддержала игру дьяка. – Я вот тех времён сейчас и не упомяну, может тебе тогда что-то померещилось?

– Ой, нет, – широко улыбнулся в ответ Курицын, он оглянулся в сторону горницы, где рукодельничали боярышни, и, склонившись к Мирославе, понизил голос:

– Как сейчас, помню, это было сразу после того как ты овдовела. Я даже и не сразу понял, как вдруг ты очутилась в свите нашей государыни Софьи. Ведь было много девиц и знатнее и чего таить, чуть пригожее, но... Князь Фёдор Хромый... Мда, помнишь его? Вижу, что помнишь. Ведь это он привёл тебя в терема государыни? Понимаю, нелегко тебе тогда было... Твой муж – боярин Телепня, помер, а братья его, всё добро ваше и земли растащили по куску, как коршуны. Это теперича, когда ты при государыне, они на Москву носа не кажут, а тогда... ух... А сколько было вокруг сребролюбцев богатых и брюхатых, готовых взять тебя к себе в терем женой... Но ты нашла покровительство у нужного человека. Он ведь тогда в самой силе был, верно? Акромя нашего государя ни перед кем спину не гнул. Я догадался, что ты, должно быть, делила с ним ложе и это, не смотря на траур по убиенному мужу, потому как в одночасье, вдруг оказалась в государевых хоромаш, и не на последнем месте. Я подивился, что князь Хромый нашёл в тебе такого, чтобы ради своих утех определил близ самой государыни, но одновременно проникся немалым уважением к твоему умению обретать возжеланное тобой любым путём, пусть даже чёрным али окольным.

По мере того, как Фёдор Курицын говорил, лицо Мирославы каменело и бледнело, она хотела было что-то сказать ему ядовитое, но тоже кинула взгляд в сторону горницы с боярышнями и передумала, только смирив дьяка холодным взглядом.

– Затем... лет через девять, – как будто не замечая перемен на лице собеседницы, продолжил говорить Курицын, – ... ты выслужилась в старшие боярыни при государыне, а князь Фёдор Давыдович Хромый⁴⁰ стал тебе уже не нужен, и его нашли дома, мёртвым. Подумать только, вечером вернулся он от государя, весел и бодр, а к утру уже преставился. Какая странная хворь, неправда ли? И тогда, я был ещё больше тобой впечатлён.

– Благодарствую и за похвалу, и за твою сказку, – холодно ответила Мирослава, – хотя, я не имею никакого отношения к тому несчастью, да и не было у меня причин не любить князя.

– Ну да, – ухмыльнулся Курицын и сложил руки крестом на груди, – я так тогда и подумал.

– Тогда к чему ты завёл нынче этот разговор? – грозно сверкнула глазами боярыня.

Дьяк отпрянул от неё и заулыбался, чуть помешкав, он приблизился почти вплотную к боярыне и перешёл почти на шепот.

– Я примечаю, что терпение не одна из твоих добродетелей, сразу к делу желаешь? Ну, так пусть, это даже лучше. Я вот что подумал..., – дьяк на мгновение замолчал, собираясь с мыслями, – ...ты же почитай совсем одна, ни друзей у тебя, ни родни, никого на Москве из ближних, вишь, даже в церкву сходить и то не с кем, сама говоришь, что токмо службой живёшь....

– Тебе-то какая об этом печаль? – в полный голос спросила Мирослава, она начала злиться.

– Да я ж с добром, вроде как дружбу предлагаю, – посерьёзней Курицын.

⁴⁰ Хромый Фёдор Давыдович – воевода и боярин на службе у Иоанна III Васильевича, умер в 1483 г.

– Спасибо дьяк, благодетельствовал, – процедила сквозь зубы боярыня, – опосля твоих рассказней и грустных намёков, самое время говорить о дружбе.

– Ну, коли не о дружбе, так может о взаимной выгоде, – быстро прошептал и лукаво ухмыльнулся Фёдор Курицын, – только подумай, сколь много ты могла бы обрести ещё, ведь, кабы наш государь мог заранее узнавать, что за задумки у его женки, сие было бы им оценено. Особенно интересны государю те, о которых разговор с иноземцами ведётся. Ведь многие из иноземцев, после встречи с нашей государыней начинают думать, что над головой московского государя есть другое небо и там вершатся дела иные, а сие неместно.

– А сказывать государю об этих задумках будешь, конечно, ты? – чуть склонила голову Мирослава.

– Ну, поначалу-то так, а опосля, когда в доверие войдёшь, сможешь и сама, чай не спужаешься? – дьяк лукаво подмигнул боярыне, ему показалось, что он ухватил нужное направление разговора. «Вон-чѐ, к государю прямую дорогу хочешь, айда боярыня», – пронеслось у него в голове.

– Я-то не спужаюсь, да токмо так разумею, ежели государю потребно, он меня и сам призовет, а не через тебя вопрошать будет, и ещё я думаю, что негоже мне за своей государыней соглядатой быть, – твёрдо отрезала боярыня.

– Фу-ты, глупая баба..., – сдерживая нахлынувшее раздражение, нервно сказал Курицын, у него от разговора с боярыней даже разболелась голова, и он с трудом владел собой. Шумно выдохнув, дьяк снова зашептал: – как не возьмёшь ты в толк, что судьба человеческая текуча, и она находится в руках разных людей, зачем тебе заводить врагов там, где можно обрести друзей?

– Уж не грозить ли ты мне собрался дьяк? – Мирослава упёрла руки в бока и расправила плечи, – тогда вот тебе мой сказ: служить я буду лишь своей госпоже, и так будет до тех пор, пока не призовет её всевышний.

– Э-э-э, это ещё сколь годов то? И кто к старости оценит твои заслуги? – произнёс Курицын. – И видно запомнила ты, что тоже смертна? Поведай мне, что она подумает, если ты вдруг канешь в лету? – с наигранной откровенностью бросил Курицын, указывая пальцем в сторону закрытых дверей.

Мирослава на мгновение задохнулась от волны ярости, хотела даже накричать на дьяка, но быстро взяла себя в руки и лишь крепко сжала кулаки.

– Прежде она прознает, кто стоял за злодейством, и тогда, эти люди будут мечтать о лёгкой смерти, – ледяным тоном ответила боярыня. На её щеках горел лихорадочный румянец, но она продолжала сдерживать свой гнев.

– Вот как? И что, ты думаешь, она пойдёт даже против воли нашего государя? – с приторным удивлением тихо спросил дьяк.

– Да, если эта воля будет грозить лихом ей или её детям, – резко ответила Мирослава.

– Крамольны речи твои, – притворно сокрушаясь, покачал головой Курицын. Но представим, что всё именно так, как ты речешь. Однако, ты сама-то.... Вот ты, насколько важна для неё, чтобы получить заступу от гнева государева?

– Хочешь это проверить дьяк? – Мирослава шагнула вперёд, толкнув грудью Курицына. – Это почём ты такой спрос ведёшь?

– Да я так, просто..., без всяких намерений..., – невнятно забормотал Курицын, – ... размышлы мои не по злобе, а ради потешного разговора, – с лукавой улыбкой он отступил на шаг назад. – Шуткую я, – продолжая улыбаться, отмахнулся дьяк. – Но..., однако, речи твои дерзновенны и, если они станут вестимы..., – Фёдор Курицын не окончил мысль, но красноречиво показал пальцем в потолок.

– А я не страшусь, ибо акромя тебя никто их и не слыхивал, а коли так, то даже если донос сотворишь, то буде твоё слово супротив моего и не более, – боярыня высоко подняла подбородок и сверкнула глазами.

– Я это запомню..., – погрозил пальцем дьяк.

– Твоя воля..., – презрительно ответила боярыня.

В этот момент далеко за дверями брякнул колоколец. Софья звала. Мирослава, ещё раз смерив дьяка жгучим взглядом, скрылась в приёмной палате своей госпожи.

«Мда... Дерзка боярыня и, видать неспроста. Не токмо перед государевым человеком страха в ней нет, но и бабья кротость давно вся вышла. Верно молвил брат – змеюка она. Сдаётся, что Софья таких-то и привечает, одного поля с Ласкарями сия «перезревшая ягодка», – задумался Курицын. «А может, это натура её така. Она ж, на свет божий, где-то в новгородских землях появилась? А на Москву, её уже опосля замуж выдали... Но дух тамошний в ней всё одно бродит. И энто может мне для чего-то сгодится. Токмо надоть ко времени об этом упомнить. Мирослава хитра, но не умна, а я на досуге обмыслю как эту кобылу стоялую захомутать в своё стоило. Ничего... Покориться...». Мысли его прервались. Перед дьяком Курицыным широко распахнулись двери и две боярышни, почтительно склонив головы, указали ему идти за ними к государыне.

* * *

– Господи помощи и зашити, – еле слышно прошептал дьяк Фёдор Курицын, входя в покои великой княгини. Разговор с Мирославой отвлёк его от тревожных мыслей, но вот теперь они новой волной захлестнули его сознание. Трижды поклонился он в пояс не многим присутствующим гостям, перекрестился, и, подойдя к Софье, поцеловал перстень на её белой пухлой руке. В глаза решил не смотреть, пусть не знает о его смятении.

В просторной приёмной палате, по обыкновению было светло. Лампады и свечи во множестве горели перед всеми образами, отражаясь в золотых окладах и потолочных росписях. Подле Софьи, полукругом сидели разные люди, иноземцы, принятые на службу к её двору.

Ответив на приветствие дьяка, царевна дала рукой знак к продолжению уже начатого ею разговора. Сама она сидела в своём любимом, высоком, наподобие трона, кресле, иногда вставляла фразы то на греческом, то на итальянском языке. Курицыну греческий был кое-как знаком, а вот итальянский – только по наитию и некой схожести с латынью.

Речь, к удивлению дьяка, шла об отношениях между Русью и Венецией. Фёдор ошарашено смотрел то на одного, то на другого из говоривших, и не мог взять в толк, почему столь секретные разговоры ведутся без государя, но при нём – человеке, который не входил в ближний круг Софьи. Может он чего недопонял из чужого наречия? Дьяк обвёл взглядом всех присутствующих: вот в длинных одеждах с седыми бородами в пояс, похожие лицами друг на друга братья Траханиоты – Дмитрий и Юрий, многомудрые греки-дипломаты, что служили ещё отцу Софьи и пришли вслед за ней на Москву, вот в зелёном камзоле с золотыми пуговицами и замысловатым кружевным воротом архитектор и мастер тайных дел Антон Фрязин, который и в посольских делах хват и новые башни кремлёвские ставить горазд, а вот от жары распахнул плащ и откинул полу своего кафтана длинноротый и востроносый книжник и личный ювелир Софьи – угрянин Трифон. Все они то и дело снисходительно поглядывали на Курицына, который силился вникнуть в смысл разговора.

– ... с Венецией нам торговля нужна, но как быть с турецким флотом, кой перерезал все торговые пути по Понту Эвксинскому⁴¹? – продолжил говорить Дмитрий Траханиот, – я вижу,

⁴¹ Понт Эвксинский – визант. название Чёрного моря

что сейчас венецианцы не сильно в настрое морские пути освобождать, а мы в этом деле и сами нем подобны и их сдвинуть в сторону нам нужную не можем.

– И я думаю, что венецианские товары для Московии были бы весьма кстати, – подал голос Трифон, – но ведь доставить их можно и сухим путём, с безопасным проходом через владения короля Корвина.

– До владений короля согласен, а дальше как? – задрал кверху бороду клинышком Антон Фрязин, или позабыл ты, что у нас с Литвой всё ещё война?

– Да, война, – поддержала Софья и кивнула Фрязину, – а посему, ныне самый краткий путь для венецианских товаров будет вокруг всей Европы, через Новагород.

Слова Софьи звучали спокойно и чётко. Её мелодичный красивый голос магически обволакивал любого слушателя и казался не подходящим к её располневшей фигуре, укрытой складками черного платья, отделанного соболями. Волевому лицу царевны, больше соответствовал бы резкий и высокий тон.

– Но в том, и дело, что венецианцы не жалуют этот путь, они не хотят рушить уговор с Ганзой, по коему их товары потребно продавать на ганзейских рынках, – степенно вставил своё слово Юрий Траханиот.

– А вот мы испросим у Фёдора Курицына, как быть в таком случае, что посоветуешь? – Софья перевела взгляд на пытающегося вникнуть в суть беседы дьяка.

– Тут непростое дело, царевна, так сразу сказать не могу, – отвечал Курицын по-гречески, сдержанным голосом, проглатывая окончания слов, а мысль была только о том, что Софья неспроста задаёт такой вопрос.

Царевна была недовольна его ответом, но сделала вид, что не заметила уклончивость фразы. Стрельнула глазами в пустые чаши гостей и звякнула в колокольчик.

– Вели принести Коммандарии⁴² и пусть её не портят, разбавляя водой, – сказала она подбежавшей Мирославе, – да истопнику укажи – поленьев не жалеть!

Верховая боярыня, в ответ лишь молча, поклонилась и скользнула в сторону печи, обложенной изразцами с греческим орнаментом, потрогала её рукой и удивлённо покачала головой.

– Оставим на сей день разговор о венецианской торговле, – немного усталым голосом предложила Софья, и о строительстве московском, пожалуй, тоже довольно, – она перешла на итальянский: – Я ценю твоё усердие, Антонио, – сказала она Фрязину, – но ты мне ещё послужи. Помоги мастерам тайник устроить в новой Большой палате. Пусть сотворят его в верхних, недоступных для всех покоях, чтобы я с детками моими, могла лицезреть приёмы послов заморских, кои мой муж чинит. Пора старшенького моего, Василия, к премудростям государя готовить.

– Выполню, царевна, твой наказ, – мастер тайных дел Антон Фрязин услужливо склонил голову. – В стене секретный подзор устрою.

Дьяк Курицын с трудом разбирал разговор, Софья говорила быстро. Но и того, что понял, хватило для смутных мыслей: «не рано ли она своего сынка к правлению готовит, – подумал Фёдор. – По всем канонам на великокняжеский престол Иван Молодой сесть должен. Да и государь благоволит к Ивану, своему первенцу, всегда с собой рядом на пирах сажает, требует Ивана Молодого вместе с ним государем величать. Зачем Софья при мне такой разговор завела? Или я, не понял, чего из её речей? Или это хитрая греческая ловушка? Надоть держать все мысли пока при себе, но я сие запомню, а при случае, использую».

– Да, вот ещё, Фёдор, – неожиданно по-русски обратилась царевна к дьяку, – послы иноземные зная мою слабость к книгочтению, среди прочих даров преподнесли мне несколько. В них прочла я о разных обычаях придворных, многое из описанного, мне кажется странным. И

⁴² Коммандария (Commandaria греч. Κομμανδάρια) – вино с острова Кипр.

по совету моего мужа – нашего государя, решила я тебя спросить: что ведаешь о сих обычаях, ведь ты изрядно побыл при дворе короля Матфея Корвина, чай повидал и слышал там не мало?

– Это, смотря о каких дворах речь, кое-что, я действительно слышал, осторожно согласился Курицын.

– Да вот хотя бы... – Софья взяла с высокого резного столика книгу в переплёте из телячьей кожи и открыла её, «заранее приготовила» – промелькнуло в голове дьяка. ... – Вот тут некий итальянский учёный муж, монах именем, э-э-э... – царевна снова заглянула в книгу и прочла по слогам: ... – Себастьян Вердини, побывав при дворе гишпанского короля Фердинанда, описывает, что среди прочих обычаев сей король устраивает особые церемонии, именуемые «Аутодафе», не слыхал ли? – Софья внимательно посмотрела на Курицына.

– На слух не могу припомнить, может, изволишь, государыня пояснить, в чём смысл церемонии? – ответил вопросом на вопрос дьяк, он смутно припоминал, что уже слышал слово «аутодафе» при дворе Корвина, но не мог вспомнить точно от кого и по какому случаю.

Софья перелистнула страницу в книге и прочла:

– Тут вот писано, что это действо, проводимое перед лицом гишпанского короля и королевы, высшего духовенства и всего королевского двора, которое начинается церковной процессией, продолжается богослужением и выступлением проповедников, призывающих к публичному покаянию осуждённых еретиков, а далее идёт чтение их приговоров и завершается их казнью. Хотелось бы мне знать Фёдор, так ли это? Уже ли в земле гишпанской столь много еретиков, что там завели такой обычай?

Курицын слушал царевну и внутри его всё холодело. Он видел, что она, читая из книги, то и дело поглядывала на него. «К чему она клонит? Неужто, это мне намёк? Нет! Великий князь этого не допустит!» – пульсировало в голове дьяка.

– Нет, не слыхал я о таком обычае, – пересохшим ртом еле вымолвил Фёдор.

– Ну что ж, коли, нет, так нет, – поспешно согласилась Софья и продолжила беседу с Курицыным, больше похожую на допрос.

– А вот скажи мне, – государыня чуть улыбнулась, – тут недавно попалась мне от монахов Кирилова монастыря занятная книжица о некоем Дракуле-воеводе⁴³, – голос царевны звучал вполне миролюбиво, но от этого дьяку было не по себе. Он удивлённо поднял глаза на Софью.

– Не её ли ты, Фёдор, давеча написал? А что твой этот, Дракула правда столь лют был? Может ты хватил лишку, приврал чуток, ну как обычно в сказках бывает?

Курицын внутренне содрогнулся «и про это ведаёт...», но старался не подавать виду, отвечал ровно:

– Всё что мной описано – правда, царевна, как и то, что преемники Дракулы в сговор с турками вступили, да с помощью измены жизни его лишили.

– Вот ведь злодеи-то..., своего ж господина..., – с притворным отвращением махнула от себя рукой с тяжёлым браслетом на запястье Софья.

Что она хотела сказать этим жестом, для Курицына осталось загадкой, он пытался собрать все мысли в голове воедино, но лишь удушливая волна подступила к горлу. «Эх, жарыща-то, какая», подумал он и пропустил момент, когда государыня на мгновение зачем-то очень внимательно посмотрела в точку меж его бровей и быстро сделала вид, что разговор с дьяком ей уже наскучил. Она погладила резные боковины своего трона и перевела разговор на другую тему. Обратив взгляд к Дмитрию Траханиоту, она чуть склонилась вперёд и даже понизила голос:

– Верные люди доносят нам, что на Москве, как и в Новогороде, ересь завелась. Простые мужики и бабы о Библии прямо на улицах споры ведут, святую Троицу сомнению придают. И

⁴³ «Сказание о Дракуле» – древнейший из известных оригинальный древнерусский памятник художественной прозы. Автор повести – Фёдор Курицын. Повесть посвящена реально существовавшему князю Валахии Владу III Басарабу Дракуле.

даже кое-кто из попов и прочих вместо святого Евангелия за советом к звёздам обращаются, да к нечестивым ворожейкам ходят. Кончины света, о котором в Библии сказано они не страшатся. Что скажешь об этом, Димитрий? – Говорила всё это Софья греку, а сама из-под длинных ресниц, то и дело поглядывала в сторону Курицына.

– Сие уже ведомо мне, госпожа, – отвечал с поклоном Траханиот, – от архиепископа новгородского Геннадия я знаю и об усердии твоих верных людей, кои борются с этой напастью. По мере скромных своих возможностей и я прилагаю усилия им в помощь, вот написал книжицу о последнем дне света⁴⁴, верю, что дело сие государственно важное и за ересь все ответ держать будут и на небе и на земле! – во время речи, длинный палец грека попеременно указывал то в пол, то в потолок, со стороны это могло показаться смешным, но никто из присутствующих даже не улыбнулся.

Софья осталась довольна ответом Дмитрия, кивнула ему и обратилась к Курицыну:

– А ты дьяк как думаешь, близок ли конец света, али нет? Многие из церковников укажут, что сие может произойти в семитысячном годе⁴⁵, так ли это?

Фёдор сжался под пронзающим взглядом царевны.

– Я, государыня Софья Фоминична, об этом ещё пока не думал, ведь сие престало церковным мужам, а я всего лишь слуга Великого князя.

– Тем более подумать был должен, – с нажимом произнесла царевна, – коли служишь ты государю, то... должен быть чист в помыслах и душевно, али не так? – взгляд Софьи застыл. Она, не мигая, смотрела Курицыну прямо в глаза. В приёмной палате было жарко, но Фёдору показалось, что жгучий ледяной холод сдавил его голову. Собрав всю свою волю в кулак, он попытался ответить:

– Внемлю я словам твоим светлая государыня, дабы направить мысли по указанному пути сегодня же буду честь святое писание.

– Ну что ж, хорошо коли так, не буду более тебя задерживать, дьяк. Теперь иди, правь службу нашему государю, – Софья отмахнулась от Курицына, давая ему понять, что разговор с ним окончен.

Фёдор осторожно встал со своего места, и, пятясь задом к дверям, удалился. Вослед ему, молча, смотрели иноземцы-царедворцы. И только уже выйдя за двери, дьяк расслышал слова царевны, которые она, обращаясь к своей свите, произнесла по-гречески: «сам Владыка Геронтий, третьего дня со мной говорил. Молвил, что, знает начальствующего у еретиков, но имени мне не назвал, а я и так его знаю. По справедливости, надо сжечь это племя поганое, с корнем бы вылопать из пределов Московских ...».

На княжий двор Курицын вышел со страхом в сердце. В себя пришел только уже сидя в седле. Подстегнул конягу. «Следует торопиться, чай уже гости званные дожидаются, а к вечеру надо ещё к государю успеть», – мелькнуло у него в голове, но миновав мост через Неглинную реку, дьяк снова сбавил ход, непривычно ему верхом. Волной накатили воспоминания о взгляде Софьи: «ведьма, как есть ведьма», – поёжившись, подумал он. «Прав учитель Сахария, выводить надо всё племя греческое, не то совсем заберут всю Москву в свои руки, да так придавят, что вздохнуть не сможем. Или мы – или они, другого пути видать нет. Но всему своё время, тут надо без спешки, одна ошибка и сами вперёд них на погосте окажемся».

⁴⁴ Книга Д. Траханиота «О летах седьмой тысящи».

⁴⁵ В 1492 году по православному календарю наступал 7000 год. Было широко распространено мнение, что это время «конца света». Опасения, связанные с предстоящим концом мира, поддерживались многими ортодоксальными деятелями русской церкви. Против этого мнения выступали тайные еретики.

* * *

Софья лёгким кивком ответила на поклоны своих приближенных, которые вышли от неё чуть погодя после дьяка Фёдора Курицына.

– Ну, что теперь скажешь? – обратилась она к верховой боярыне Мирославе.

– О дьяке? – осторожно спросила боярыня.

– Не о торговле же венецианской ..., – великая княгиня откинулась на спинку своего большого кресла и чуть склонила голову набок. – Коли, желаешь, начни с неё, ежели смыслишь.

Мирослава в ответ лишь покачала головой. Зная характер своей госпожи, она не стала её больше переспрашивать, а быстро поведала ей о событиях последних дней. О том, как был найден Епишка и о том, что Дмитрий Ласкарёв сейчас в поиске какого-то неведомого купца Никиты Бобра, при этом, не забыла упомянуть тот разговор, что состоялся между ней и Фёдором Курицыным, перед тем как он сегодня вошёл в приёмную палату к царевне.

Выслушав Мирославу, Софья легонько пристукнула ладонью по ручке своего кресла: – А я чувствовала, нет, я знала, что они зашевелятся – вороги.... Снова все нити обрывают, и своим пёсым хвостом следы заматают, ох уж эти Курицыны.... И ведь везде норуют своё нечестивое рыло просунуть, ишь, чего хотели: государю о моих разговорах рассказывать. Ну-ну, пусть. Токмо, не по их ртам сия ложка. Чай после нынешнего нашего разговора, призадумается Фёдор Курицын. Пусть знает, что за его кознями я слежу.

Да, – резко сменила тон государыня, – ты молвила, что двор, где нашли тюремщика-отравителя находится под покровительством князя Шастунова?

– Вроде так, – подтвердила боярыня, мысленно в очередной раз, удивляясь способностям своей госпожи – запоминать все детали любого разговора в мельчайших подробностях.

– Неужели и он в сговоре с Курицыными? Тогда Ласкарям стоит опасаться и его мести, сейчас он в силе, даже мне будет не просто их защитить.... Но куда суть, да дело, мы попробуем Курицына-дьяка, через нашего государя немного окоротить.

– Ой, матушка, неужто самому государю об осторожных молвить станешь? – изумилась Мирослава.

Софья в ответ снисходительно улыбнулась.

– Нет, глупая, но кое-что сказать я ему найду. И пусть Курицыны думают, что это бабы капризы, это даже во благо, такие мысли от главной сути всё укроют. Молодшему Ласкарю же, моим словом вели этого купчишку, что на этом гнилом разбойном дворе бывал, сыскать живого или мёртвого. Я мыслю, что уже конечно мёртвого, но в этом надо удостовериться.

– Да, матушка, всё передам.

– А знаешь, что мне пришло в голову? – царевна коснулась своего любимого широкого золотого браслета на левой руке, – а не мог ли этот осторожный, после того как отравил узников, сам покончить с собой?

– О нет, матушка, это вряд ли..., – покачала головой боярыня.

– Да-да, верно ты говоришь, – поспешно согласилась Софья, – но мне кажется, что вскоре, именно такие слухи могут пролететь на Москве.

– Да, такое может быть, – с улыбкой согласилась Мирослава.

– Хорошо, что мы понимаем, друг друга, – удовлетворённо кивнула царевна. – Пожалуй, пока закончим об этом, нам уже пора собираться к обедне, а перед этим надо проведать моих детушек.

Софья резко встала, со своего большого кресла и направилась к дальней сводчатой двери, верховая боярыня Мирослава с поклоном последовала за ней.

* * *

Никита Васильевич Беклемишев, вместе с сыном Иваном свернули с Тверской улицы в длинный проулок. Ехали малым чином, всего с одним холопом, так велел им дьяк Фёдор Курицын, к которому и направлялись бояре. Беклемишевы взяли с собой молодого, но смышлёного Сёмку, который умел держать язык за зубами. Всё указывало на то, что разговор предстоял непростой, потому Беклемишевы, против своего обыкновения, молча, ехали друг за дружкой.

Берсень всю дорогу думал о старце-монахе. «Сам ли он к господу преставился от старости, али ему «помогли»? Но если не сам, тогда кто? Греки? Курицыны, а может – отец Михаил?», – от всех этих мыслей у Ивана Беклемишева перехватывало горло, словно не хватало воздуха.

Вот и подворье дьяка, ухоженный частокот и расписные ворота с нарисованным яркими красками сине-зеленым плетением. На перекладине над входом вместо надвратной иконы лишь крест золочёный. Бояре и холоп спешили, постучали в ворота. На подворье залаяли псы и послышались голоса. После некоторой возни обе створки распахнулись, открывая въезд. Двое подворников в одинаковых беленых рубахах склонились в поклоне.

На ступенях перед крыльцом, по обычаю, вместо хозяйки, бояр ждала дворовая девица в праздничной одежде с ковшом в руках. Иван доселе никогда не был на дворе Фёдора Курицына, потому с интересом разглядывал полностью отштукатуренный и покрашенный в бело-желтый цвет терем, который поблескивал новенькой слюдой в окнах. Особо бросалась в глаза дорогая ещё не потемневшая резная дубовая черепица, на высоких скатах крыш. «Вот тебе и дьяк-затворник, однако, на приют постников-бессеребренников его двор совсем не похож», – подумал про себя Берсень. К гостям подбежали несколько мальчишек, забрали у них поводья, повели скакунов в сторону конюшни. За ними, оглянувшись на своих хозяев, прошёл и Сёмка.

Никита Васильевич Беклемишев степенно подошел к крыльцу, принял корец, немного отпил, молча протянул ковш сыну, разгладил рукой бороду. Иван Беклемишев пригубил и чуть не поперхнулся после первых же глотков – в ковше оказалось густое терпкое вино! – он взял себя в руки, сделал несколько глотков и отдал корец девице, которая с подобающим поклоном посторонилась и пропустила бояр в дом. За дверьми их встретил немой слуга, который знаками попросил следовать за ним и провёл Беклемишевых в трапезную.

Посреди залы высился застеленный узорчатой скатертью стол, на котором уже во множестве расставлены тарелки и подносы с яствами. Сама трапезная освещена двумя десятками толстых свечей, что торчали в шандалах вокруг стола.

К гостям вышел с приветливой улыбкой сам дьяк Фёдор Курицын, следом за ним шаг в шаг ступал его брат – косматый Иван-Волк Курицын.

– Добро пожаловать гости дорогие, – широким жестом поприветствовал дьяк Беклемишевых.

Бояре в ответ поясno поклонились, Берсень заметил, что дьяк Фёдор отчего-то тяжело дышал: «бежал он откуда то, что ли, или это уже от старости отдышка, вроде не по годам ещё...».

– Рад я вам, уважили, почтили, – продолжал с улыбкой Фёдор Курицын.

– И тебе за приглашение благодарствуем, – чинно ответил Никита Беклемишев.

– Ну, что же стоим? Пожалуйте за стол, – не переставал улыбаться дьяк Фёдор.

«Не похоже на него», – подумал Берсень, «видать что-то задумал».

Сели за стол, и тут же в трапезную вошли четверо холопов. Они внесли серебряную чашу примерно двухведерного размера, до краев полную ароматного пенного пива, еле слышно шипящего пузырями.

– Ну, гости, за встречу? – весело сказал радушный хозяин, – давай, боярин Никита, твой первый глоток.

Никита Васильевич чинно разгладил усы, взял со стола кубок и зачерпнул им из чаши, сделал пару глубоких глотков и шумно выдохнул. За ним из чаши зачерпнул Берсень, а после Волк и сам Фёдор Курицын. По его знаку холопы поставили чашу на специальную подставку возле стола, а сами удалились. Осушив кубки, пирующие, неторопливо, с должным тактом стали придвигать к себе угощения.

Пока закусывали, разговор за столом не складывался. Это немного раздражало дьяка Фёдора, но он продолжил улыбаться и ласково смотреть на своих гостей. Его брат – Волк Курицын не утруждал себя излишней скромностью, а с хрустом разрывал печёных куропаток и, чавкая, обсасывал кости, не забывая время от времени прикладываться к кувшину, в котором было уже не пиво, а темное испанское вино. Такое поведение Волка было неприятно Никите Беклемишеву, Фёдор Курицын это видел, но брата одёргивать не торопился, думал, как бы завести беседу на нужную тему.

Никита Васильевич Беклемишев, тоже нетерпеливо ерзал на лавке, и, оглядываясь по сторонам.

Беклемишев младший, ел и пил мало, не проявлял своей обычной весёлости, но пристально смотрел на Фёдора Курицына, ждал, что хозяин дома сам заговорит о чём-то важном.

Но будто нарочно, дьяк и его брат чинно предавались трапезе.

Первым не выдержал Никита Беклемишев. Он обратился к дьяку Курицыну:

– При всём моём уважении, но может, уже перейдём к дельному разговору, ведь ты же, нас позвал не яства вкушать, а по делу?

– А чем яства могут помешать разговору? Если говорить о чём-то стоящем, то..., – оторвавшись от кувшина с вином, с удивлением пробасил Волк. Его нисколько не заботило, что вопрос был обращён не к нему.

Никита Васильевич уже хотел высказать Волку что-то резкое, но его опередил Берсень:

– Коли дело с вином мешать, можно друг дружку потом не понять. Во хмелю, сколь не говори, а всё одно, разойдёмся каждый при своём, и получится как в сказке, про гуся и рубаху.

– Не слыхал такой. – Оживился Фёдор Курицын. – А ты брате? – он повернулся к Волку, тот отрицательно помотал своей буйной шевелюрой.

– Может, расскажешь? Уж я зело сказки люблю.

– Отчего ж не рассказать, слушай:

Жили-были муж с женой. Жена была баба своенравная, ленивая и не рукодельная. Да, к тому же, еще и большая лакомка: все проела на орешках да на пряничках. Так что, наконец, осталась в одной рубахе, и то в худой да изорванной. Вот подходит большой праздник. А у бабы нечего и надеть, кроме этой хламидной истлевшей рубахи. И говорит она мужу:

– Сходи-ка, муж, на торг, да купи мне к празднику рубаху покрасившее.

Муж достал последний медяк и пошел на торг. Прошёл по торгу, посмотрел, да стало жалко ему последнего пятака отдавать за рубаху. У других мужиков бабысами рубахи шьют. Увидал, мужик, что продают гуся, и купил его заместо рубахи.

Ворочается он домой, а ленивая жена на печи лежит и оттуда ему кричит:

– Купил мне рубаху?

– Купил, отвечает муж, – да только гуська.

А жена на радостях недослышала и говорит:

– Пусть и узка, да изношу!

С этими словами соскочила с печи, сняла с себя изорванную рубаху и бросила в топку.

Поворотилась к мужу и спрашивает:

– Ну, где же рубаха? Дай, я надену.

– Да ведь я рёк, что купил гуська, а не рубаху.

Так и осталась глупая баба без рубахи, нагишом.

Берсень закончил сказку, и на мгновение за столом воцарилась тишина. И тут в тишине послышался резкий выдох и смех.

– Ха... Ха-ха-ха, – первым басом засмеялся Волк, а вслед за ним и все остальные.

– Он сказал, что «гуська», а она: «узка»? – Ха-ха-ха, ой, хо-хо-хо, – не унимался Волк, он покраснел лицом, и, сотрясаясь всем своим могучим телом, бил себя кулаком по колену мотая косматой головой. Его вид ещё больше веселил всех присутствующих.

Когда все отсмеялись, Берсень стрельнул по весёлым лицам своими рысьими глазами и как бы в продолжении разговора спросил:

– Ну, так может, пора и к делу?

Отец с укоризной посмотрел на сына, и, пытаясь сгладить неловкость, обратился к Курицыным:

– Вы уж не прогневайтесь за нашу торопливость, весьма благодарны мы за ваше приглашение и за угощение изрядное. Токмо, хотелось бы, на тверёзую голову всё обсудить, ежели разговор важный, то сперва о нём беседу вести в самый раз.

– Что ж, дело, да. Имеется к вам дело, – продолжая улыбаться, сказал дьяк Фёдор Курицын. Он провёл рукой по своей груди, ниже русских колец бороды, разглаживая вышитую рубашку, что была хорошо видна в вырезе его малинового кафтана. Как бы ища поддержки, дьяк посмотрел на брата, на Никиту Беклемишева и снова на своего брата. У Фёдора Курицына был такой вид, будто он что-то хочет сказать, но не решается. Наконец, он положил обе руки на стол перед собой и взглянул прямо в глаза Берсеня.

Под его взглядом Иван Беклемишев посерьёзней, внутренне почувствовав, что сейчас речь пойдёт о чем-то, важном. Его настроение тут же передалось отцу, и, глядя на них, даже Волк Курицын перестал смеяться и замолчал.

Фёдор Курицын, слегка кивнул, выражая своё удовлетворение вниманию присутствующих, и чуть наклонившись вперёд, повёл разговор.

– Ходят слухи, – проговорил он, понизив голос, – что здоровье нашего государя, – да живет он вечно! – пошатнулось....

– Да ну, это ерунда! – перебил, всё ещё находящийся в весёлом расположении духа Никита Беклемишев. – Я вчера видел Великого князя, он был весел и бодр.

– А между тем, митрополит и его свита тайно молятся об исцелении государя, – уверенно сказал Фёдор Курицын. – Я знаю это достоверно от нашего общего знакомого – отца Михаила.

Беклемишевы переглянулись.

– Как? – воскликнул Берсень Беклемишев, – наш государь болен, попы совершают молебны, но об этом никто не знает? Но, почему?

– Всё дело в том, что никто не хочет огласки. Ведь сразу, как и всегда, всплывёт вопрос о престолонаследии и о том, кто подхватит Русь, если что-то случится с государем, – вставил как бы невзначай Волк.

– Да что за слова, ты рекёшь, – нахмурился Никита Беклемишев, он всегда относился с недоверием к мужиковатому брату дьяка Курицына. – Знамо дело, кто. Чай, всем известно: Иван Иванович Молодой, ныне Тверской князь – старший сын нашего государя, он и обретёт престол.

– Да, по всем канонам так и должно быть, – согласно кивнул Фёдор Курицын, но...

– Что «но»? – с лёгким недовольством, фыркнул боярин Никита.

– Но, так думают не все, – снова подал голос Волк.

– Да ты об чем? – спросил Никита Беклемишев, уже с нескрываемым раздражением.

– Вот, для того и позвали мы вас. Дабы об этом потолковать. Но в нынешние времена говорить откровенно сложно. Особливо о тех делах, кои великой печатью ложатся на судьбу

всей нашей Руси. И я расскажу вам обо всём, но в обмен на клятвенное обещание молчать о том, что вы здесь услышите.

– У тебя к нам веры нет, дьяк? – изумился Берсень.

– Напротив, боярин Иван. Именно вам я и доверяю, иначе не позвал бы для такого разговора. Но в таком деле, я, потребовал бы обещания даже у самого государя, – решительно ответил Фёдор Курицын.

– Ладно.... Клянусь именем Христовым, что не изреку никому того, что тут будет говорено, – стрельнул своими кошачьими глазами из-под светлых бровей Иван Берсень.

– И я клянусь, – осеняя себя крестом, сказал Никита Васильевич Беклемишев.

– Вот и ладно, – удовлетворённо кивнул Фёдор Курицын.

– Ведомо ли вам, бояре, что на самом деле происходит сейчас в кремлёвских палатах и вокруг них?

– Ранее думали, что ведомо, но теперича, после твоих слов, даже и не знаем, что сказать, – недовольно пробурчал Никита Беклемишев.

– Ну, так вот, – тихим голосом продолжил Фёдор Курицын, – всё идёт к повороту и изменению уклада на Руси, окончательно на византийский манер. И для этого, власть церковных мужей укрепляется и становится, чуть ли не вровень с великокняжеской. А кто будет в противлении сему, того подвергнут сыску и истреблению!

– Быть того не может, ты верно с ума сошел, почтеннейший дьяк! – не сдержавшись воскликнул Берсень. – Зачем на византийский? Чем он лучше нашего, исконно-русского? А что мы на это скажем? А, государь Иоанн Васильевич?

– Он уже дал согласие.

Вся кровь бросилась Ивану Беклемишеву в голову. Он ошарашено посмотрел на своего отца, тот по-бычьему склонил шею и молча сопел.

– У тебя от обилия государственных дел и прочих хлопот мысли путаются, дьяк, – сказал Берсень уже спокойно. – Ты забываешь, что такое не может быть решено без воли наследника и всех бояр.

– Вот! – торжествующе поднял палец вверх Фёдор Курицын. – В этом сейчас всё и дело! Потому они и начали действовать с двух сторон! С одной стороны – удалять от дел нынешнего наследника, а с другой – церковной дланью прижимать всех, кто мог бы этого наследника поддержать.

– Да как так, «удалять от дел»? И кто такие эти «они» и почему сие допускает наш государь? – резко вскинул голову Никита Васильевич Беклемишев.

– А разве ещё не понятно? – дьяк Курицын сощурил левый глаз. – Наследник, ноне, почти на Москве не бывает – из Твери только по отдельному зову государя является, и от государственных дел далёк. А между тем, под крышами кремлёвских палат, уже созрели перемены, и за всем стоит грекия Софья и её окружение. А с ними заодно митрополит Геронтий и многие близкие к нему главы церкви и монастырей.

Берсень побледнел, а Никита Беклемишев напротив – налился краской.

– Имей в виду, дьяк, – сказал он, – что ты обвиняешь супружницу государя и высших сановников церкви в измене.

– А вот тут ты ошибаешься, боярин. Это вовсе не измена. Царевна Софья искренне верит, что делает всё правильно и только укореняет государственную власть. А святые отцы – оказывают ей поддержку, ибо они ревнители той самой веры, что пришла к нам из Византии – с родины Софьи.

– Та-а-ак, – протянул Никита Беклемишев. – К крамольным речам добавились ещё и богохульные.

– Ах, оставь это, – притворно равнодушно махнул рукой Фёдор Курицын. – Нет в моих речах ни крамолы, не богохульства, одна лишь, правда. И сейчас она станет тебе ещё очевид-

ней. Ибо доподлинно известно, что государева тайная служба, о которой все слышали, но никто толком ничего не знает, уже начала охоту на тех, кто, по мнению греческой царицы и нашего митрополита, могут препятствовать в осуществлении их плана. Одним из таковых «препятствий» являлся Борис Лукомский, он же литовский княжич Болеслав.

– Врёшь! Врёшь, дьяк! – вскочил с места Берсень. – Я-то, доподлинно знаю, что Борис Лукомский сеял крамолу!

– Ой-ли? Неужто всё знаешь? Тогда, может быть, ты расскажешь, как было дело? И зачем он поехал в Литву?

Иван на секунду замер хватанул ртом воздух, отрицательно затряс головой и сел на своё место.

– Нет! Ибо связан я клятвой государю нашему, потому умолчу.

– Что ж..., похвально, что держишь свои клятвы, – Фёдор Курицын с улыбкой молитвенно сложил руки. – Но тогда, я, обскажу, как на самом деле всё было и отчего погиб княжич Борис.

Услышав слова дьяка, отец и сын Беклемишевы на миг окаменели. А Фёдор Курицын, как будто ничего не замечая, обыденным голосом начал свой рассказ:

– После того как государь усмирил новгородских бунтовщиков, некоторые церковники, под покровительством Софьи, решили прибрать земли окрест Новагорода к своим рукам. Такой уж, верно, у них уговор был с государыней. Многие люди с земель новгородских бежали из-под их церковного гнёта в Литву. Вот для того чтобы через старост и прочих вернуть людей под власть Москвы, был послан на литовскую сторону Борис Лукомский. Но на беду свою, его перехватил посланник митрополита. Борис одержал верх, однако ему было невдомёк, что охоту на него уже ведут посланные Софьей греки. Вот так и попал княжич Лукомский в двойной капкан. А далее, ты сам ведаешь.

– Чудны слова твои Фёдор Васильевич, – сдерживая эмоции, ответил Берсень, – ведь я своими ушами слышал от Бориса-покойника другой сказ.

– То и не мудрено, – перебивая Ивана Беклемишева, вставил дьяк, – ведь страшной клятвой поклялся княжич сохранить тайну.

– Ты так надёжно сие говоришь, будто ведаешь, кому он клятву давал, – сверкнул глазами Берсень.

– Мне... Мне давал клятву Борис, – с лёгкой усмешкой, ответил Фёдор Курицын.

Беклемишевы снова застыли в немом вопросе.

– Мой грех, не успел я его спасти из вашей «спросной», – печально продолжил дьяк.

– Что-ж, коли так... Жаль молодого княжича Лукомского, его доля печальна, – перекрестившись, сдержанно произнёс Никита Васильевич Беклемишев. – Однако ты, дьяк говорил и о другом. У меня и язык не повернётся повторить сии крамольные речи, как с этим теперь быть?

– Ты прав, Никита Васильевич, о том, что я сказал ранее, нужно речь на особицу. Ведь это касается всей Руси, и той участи, которую ей – нашей отчине, определили Софья и митрополит. А ты как про это мыслишь, Иване? – дьяк посмотрел в сторону Берсенья.

– Нет, не могу я поверить твоим словам, пока ты не представишь доказательства, – тряхнул кудрями молодой Беклемишев. Его отец тоже что-то хотел сказать, но сдержанно отмолчался.

– Доказать я смогу, за этим дело не станет – с напускной важностью проговорил дьяк. – Сейчас мне более интересен вопрос, что ты готов сделать, узнав, всё, что здесь было говорено?

– О чём ты Фёдор Васильевич? – вместо сына спросил Никита Беклемишев.

– Я отвечу на твой вопрос боярин Никита, но сначала, пусть твой сын Иван ответ даст. Если бы представился случай, сызнова заняться делом Бориса Лукомского, взялся бы он за это? Разве боярская честь не взывает к отмщению за своих людей? Ведь это вашего человека греки уморили в остроге? Как его звали то? – дьяк повернулся к своему брату.

– Силантий, – подсказал Волк.

– Ах, да..., Силантий, с ним ещё брат его был. А ныне оба покойники.

Фёдор Курицын перекрестился, вслед за ним сотворили крестное знамение и все остальные.

– Чудно мне об этом речь вести, – торопливо изрёк Берсень и резко посмотрел на дьяка Курицына. На лице того не дрогнул ни единый мускул. Тогда молодой Беклемишев продолжил. – Дело сие закрыто, сам это из уст государя слышал, а посему: к чему твой вопрос?

– Может быть, я и ошибаюсь, – медленно ответил Фёдор Курицын, пристально глядя ему в глаза. – Но внемли...

Он придвинул свое кресло к тому, в котором сидел его брат Волк, наклонился над столом и понизил голос:

– Допустим, что нам доподлинно известно о сговоре Софьи и митрополита и мы точно знаем, что грекия обещала старцу земли, богатства и новый порядок, который укрепил бы церковную, а значит и евонную, власть чуть ли не вровень с великокняжеской. Допустим, мы знаем, что византийка своими посулами вложила в уста митрополита желанные ей речи о создании тайной службы, а наш государь этому внял. Допустим, события в Новгороде – это всего лишь проба того, что уготовано этими людьми для Руси повсеместно. Что ты скажешь тогда?

Берсень посмотрел на отца, на лбу у того выступил пот.

– Вот, видите бояре, – продолжал дьяк, – вам и сказать-то нечего, ибо понимаете, что грядут великие перемены, и если сейчас не начать борьбу супротив греческо-церковного сговора, то вскоре они нас так спеленают, что никто и пискнуть не посмеет, а посмеет, так услышан уже не будет...

Берсень вскочил.

– Умолкни! – вскричал он. – Я не поверю, чтобы государь мог допустить такое!

Фёдор Курицын посмотрел на него с притворным состраданием и перевёл взгляд, на Никиту Беклемишева ожидая, что скажет тот.

Берсень Беклемишев уже совладал с собой и, шагнув в сторону дьяка, опередил своего отца в речи:

– Все это ложь! Какой-то злокозненный хитрец и бездельник обманул тебя, дьяк, а ты ему поверил. Если бы существовал такой сговор, он хранился бы в величайшей тайне. А ведь, по-твоему, выходит, что: либо митрополит, либо грекия – предали не только великого князя, но и себя?

– Твой ум остёр как бритва, – печально улыбнулся Фёдор Курицын, но ведь мог быть кто-то сторонний, кто подслушал их, – заметил он.

– И этот «кто-то», просто так отдал секрет тебе?

– Меня удивляет, – заметил дьяк, – что ты еще не понял сколь глаз и ушей можно купить за злато-серебро.

– Но у грекини больше золота, чем у тебя, да и митрополит не нищенствует.

– Всё так, однако, люди вокруг них не отказываются от лишней монеты, а тем более кошеля, набитого ими.

– Митрополит-то слуга господя, рази ж, кто рискнёт подслушивать? – возразил Никита Васильевич, чем вызвал громкий смешок Волка и грустную улыбку у Фёдора Курицына.

– Что ты предлагаешь? – громко спросил Берсень, обрывая дальнейшие пространственные разговоры.

Братья Курицы враз стали серьёзными.

– Противостоять нужно, – твёрдо сказал дьяк.

– Противостоять, но кому? Митрополиту? Софье? – возмущённо развёл руками Никита Беклемишев.

– Понимаю, согласно кивнул Фёдор Курицын, в открытую тут ничего не выйдет, однако есть мысли, как окоротить греков из тайной службы, а это уже не мало, тем более Иване с ними хорошо знаком, если конечно не испугается, – дьяк пристально посмотрел на Берсеня.

– А я не из пугливых! Но как? Разве за этими дьволами-греками угнаться, – вспыхнул Иван Беклемишев.

– В сём я тебе могу помочь, – снова улыбнулся Фёдор Курицын. – Всё устрою, покажу все ходы и выходы. Только для этого, надо прямо сейчас обо всём договориться. Ты же боярин вольный, и можешь вовсе оставить свою нынешнюю службу, однако, чтобы не вызывать лишних кривотолков, отчего бы тебе не перейти в разряд нашего посольского приказа? Оно конечно, посольская служба, может, тебе и не по характеру, но она весьма казиста к тому делу, о котором ты сейчас радеешь. Да и..., – дьяк неожиданно широко улыбнулся – ...негоже молодцу проводить дни свои в черпании чернил, да шуршании свитков.

– То есть ты предлагаешь службу в своём приказе? – сощурился Берсень.

– Внешне да, а на самом деле – даю тебе в руки все мне известные ниточки, и волю распутывать их, ведь куда бы ты ни пожелал поехать, всё это будет как бы по делам приказа.

– Э..., как же это? Всё так просто? – удивлённо закрутил головой Никита Беклемишев. – А что государь, он как же?

– С государем я сам всё берусь устроить, – почти ласково проговорил дьяк Курицын.

– Тогда и раздумывать нечего, по рукам, – воскликнул Берсень. Своим быстрым ответом он удивил Курицыных и ошарашил отца.

– Ну, коли ты так скоро решил..., значит приходи завтра, поутру, к государеву красному крыльцу, а оттуда напрямки в приказ, там запишем тебя в разрядную грамоту, – с плохо скрываемым удивлением проговорил дьяк.

– Давайте поднимем чаши! – резво предложил Волк.

Беклемишевы разом встали и подняли свои кубки, сделали по малому глотку и поставили.

– Стало быть, пора и честь знать. Коли токмо об этих делах звал ты нас говорить, то мы, пожалуй, пойдём, – искоса глядя на сына, вымолвил Никита Беклемишев.

– Да..., пожалуй, что да, – рассеяно, ответил Фёдор Курицын, – об остальном опосля..., – добавил он, встав из-за стола.

Беклемишевы отдали поклоны, и вышли на двор, братья Курицыны остались в трапезной вдвоём.

* * *

– Эк, как Курицыны всё закрутили..., – задумчиво сказал отцу Берсень, когда они выехали со двора дьяка.

Никита Васильевич ответил сыну не сразу. Бросил взгляд по сторонам и даже чуть придержал коня, отставая от едущего впереди холопа Сёмки.

– Мда..., разговор получился «с душком», – наконец пробурчал старший Беклемишев, – и уж очень мне не по нраву брат дьяка Федора – косматый Иван. Не зря в народе его «волком» кличут. Ну, ведь есть не человек, а басалай. С ним, не то, что дело иметь, сидеть за одним столом противно, иной смерд благообразнее, чем этот звероподоб.

Уловив, что сын не разделяет его настроения Никита Васильевич, оставил разговор о брате дьяка, и продолжил свою речь уже в такт мыслям Берсеня:

– Я вот в толк не возьму, как это митрополит, Софья и греки – эти Ласкари..., всё так провернули и зачем это всё им? Зачем загубили нашего ката?

– Не терплю я этих греков батя... Хитрые, высокомерные и глазами так и шарят вокруг, так и шарят.... Вот прям, вытащил бы саблю и..., так и изрубил бы каждого из них на месте!

Но при этом... Я совсем не уверен, что они сколь-либо причастны к убийству Силатния и его брата, – резанул отцу Иван Беклемишев.

– Да?

– Угу... Я именно потому и согласился на это сальное предложение дьяка, чтобы иметь случай самому до всего доискаться. Да и..., чего скрывать, нынешняя служба в приказе мне не по нутру. Надоело сидеть средь духоты писарской, вольной дороги хочу.

– А Борис Лукомский? Греки же его..., или они и тут не касаемы?

– Да, скорее всего не косаемы, – уверенно кивнул головой Берсень. – Сам подумай, батя, стоило тащить на Москву Бориса, если грек Илья мог его кончить ещё в Литве? Но он зачем-то его привёз, и более того – отдал нам?

– Мда, загадка, – нахмурил брови Никита Васильевич, – но, может, стоит, о всех этих сомнениях известить государя?

– Даже не вздумай отец! Во-первых, он может счесть, что я не держу данного ему слова о молчании, это может так и есть, но не в этом дело... Во-вторых, что нам доподлинно ведомо? Домыслы братьев Курицыных, да мертвяки, которые, кстати, теперича и не сыщутся. Сам же учил меня не ронять слова в пустой омут. А это именно такой случай. Мы свою преданность государю делом докажем.

– Так-то оно так, – согласился старый боярин, – но, а как же, быть с государыней Софьей? Ведь, согласившись на службу для дьяка, ты в такую бучу встречаешь, что осерчай она – не сносить головы не тебе, не мне.

– А вот тут ты прав отец, хоть мне и не по нутру, многое из того, что она делает, но ложиться поперёк дороги государя и государыни мне не след. Буду всё делать с опаской. Тут ведь главное, что все смутные дела и разговоры – это удел Курицыных, пускай у них на этом портки преют, коли такова их затея. А я, всего лишь выполняю волю, головы посольского приказа, у коего, теперича, так же, как и ты, состою под началом.

– Хитро сынка. А ты – молодец! Знать не зазря, ты, с хитроумным Гусевым столь времени в единой упряжке был, перенял науку–то, – с гордостью двинул кустистыми бровями Никита Васильевич.

Берсень в ответ лишь подмигнул отцу и дал пятками коню под бока, нагоняя едущего впереди Сёмку. О своей недавней стычке с младшим из Ласкарей он решил ничего не говорить.

* * *

Дьяк Фёдор Курицын второй раз за день торопился в кремль. Только теперь ему надо было успеть предстать перед государем.

После разговора с Беклемишевыми, он пребывал в сомнениях.

Возможно, что в довершении ко всему подействовали слова брата, который после того, как Беклемишевы выехали со двора, спросил с кривой усмешкой: «А не ошибся ли ты часом, брате, выбрав этих людей для дела? Молодой Беклемишев вовсе не так прост, как это казалось ранее».

– Ошибся – не-ошибся, а теперь уже всё закрутилось, – вслух произнёс дьяк.

– Что? – обернулся к нему возница.

– Поторопись, говорю... – резко ответил ему Курицын, и тот, привстав на месте, прошёл по спинам коней кнутом.

Возок дьяка понёсся к кремлю стрелой.

«Однако, ежели что... их слова против наших и боле ничего» – подумал Фёдор Курицын, вспомнив утренний разговор с Мирославой. «Как будто местами поменялись», – усмехнулся про себя дьяк, когда его возок остановился возле красного великокняжеского крыльца.

Не смотря на спешку, дьяк из возка вылез не сразу. Хотел додумать свою мысль.

«А мерзавку Мирославку, надо сместить и немедленно! Сейчас мне потребны свои глаза подле Софьи. Но тут наскоком ничего не решить, грекия слишком уж разборчива в своём окружении и новых людей не потерпит. Значит, придётся выдвигать кого-то из тех, кто при ней уже служит сейчас», – подумал про себя Курицын. «Все эти «ближние боярыни» – обычные бабы, кои вошли в палаты великой княгини не своим умом, а заслугами мужей. А мне, для своих дел нужна такая, которая смогла бы и родовитостью, и статью обойти нынешнюю грекинину прислужницу. И на ум, пока приходит только одна – княжна Виринея. Она же жена младшего сына дворецкого нашего великого князя. О! Эта, ой как сподобна!» – Подумав о Виринее, дьяк даже прищурился. Всем известно, что она, как и её муж, да и прочие из рода Шастуновых, очень охоча до власти и богатства. Да и собой она величава, но услужлива.

«Да, лучшей и не сыскать! Вот пусть она и порадеет за высокое место при государыне. А мы ей поможем. Надоть немедленно поговорить с великокняжым дворецким – Петром Шастуновым. Тот, небось, возжелает сноху пристроить».

С этими мыслями Фёдор Курицын вылез из возка и шагнул на ступени красного крыльца.

Спешно поднявшись в Серединные палаты, он вместе с другими стал ожидать выхода государя.

Но великий князь Иван Васильевич к ним в этот вечер не вышел. Против обыкновения последних месяцев, он до утра затворился в покоях своей жены-грекини.

Глава шестая

Аще по делам

По кривому переулку от хлебного рынка, что возле Поварской слободы, по ледяной, укатанной многими санями дороге шла Настя – управительница дома Ивана Курицына, которого народ прозвал Волк.

Скоро обойдя знакомые лавки и отправив дворовых с припасами на санях к подворью, она сама с малой корзинкой, решила посмотреть на народ, что топтал большой торг на площади, а может и прикупить чего для себя. Там, на большом торжке, много разного люду бывало, и часто случалось увидеть, чего диковинного. Да и как могло быть по-другому? С наступлением зимы сюда ежедневно привозят на продажу: хлеб из Рязани и Поволжья; мясо, кожу и воск – из Новгорода и Вологды; соль – из Поморья и немецкой Ганзы; лен – из Смоленска и Пскова, а шелка и ткани вообще с другого края земли.

Между торговыми рядами и моховой площадкой свои шатры разбили скоморохи. Веселя московский народ скабрзными прибаутками, они в разноцветном тряпье потешно прыгали и плясали под звуки гудков сопелок и бубнов. Всё действо разыгрывалось в круге на утоптанном снеге между шатров.

Услышав весёлый гомон, Настя подошла поближе, чтобы посмотреть представление. Как раз, когда она протиснулась ближе к кругу, разом грохнула и замолчала скоморошья музыка, и в центр выпрыгнул юркий мальчик-скоморох, одетый козой. Оглядев публику, он подскочил на месте и ловко выбил дробь по утопанному снегу своими деревянными башмаками. Среди глазевших на скоморошьи забавы людей прокатился хохот, «козарь», «козарь» – слышалось отовсюду. А парнишка прошелся по кругу и снова остановился в центре. Он был в вывернутом наизнанку козьем тулупе, на голове у него был мешок, сквозь который торчала палка с деревянной козлиной головой на конце. У «козы» были рога, борода и подвижная деревянная челюсть. «Коза» шумно щелкала челюстью, которую дергал за веревку «козарь». Помедлив секунду, парнишка снова выбил дробь своими башмаками, его ритм подхватил вначале один бубен, после – гудки и сопелки и, ускоряя темп, загрохотал барабан. Перекрикивая гомон толпы, с прибаутками, выскочили ряженные скоморохи и закружились вокруг «козаря»:

Мы не сами идем – мы козу ведем,
Где коза ходит – там жито родит,
Где коза хвостом – там жито кустом,
Где коза ногою – там жито копною,
Где коза рогом – там жито стогом!

Пропев последнюю строчку, скоморохи повалились один на другого, изображая копну, а наверх «копны» запрыгнул «козарь» и протяжно издал козье меканье. Толпа ответила дружным смехом.

Музыка снова разом стихла, и гулко ударил большой барабан. В круг вышел косматый мужик в полосатой рубахе и потёртом бараньем полушубке, на толстой пеньковой верёвке он вывел большого медведя. Скоморошья «копна» тут же рассыпалась, уронив «козу», которая смешно замотала головой и защёлкала челюстью.

– Ну-тка, Мишенька Иваныч, родом знатный боярыч, покажи нам, чему тебя хозяин обучал и каких людей ты на свете примечал! – дружно пропели скоморохи, схватили под руки «козу» и убежали с ней за свои шатры.

Медведь под балагурство и шутки своего поводыря начал показывать различные сцены: как теща для зятя блины пекла, возле печки угорела, головушка заболела; как девицы-красавицы из-под ручки глазками стреляют, женишков побогаче выбирают; как малые детишки горох воруют: где сухо – на брюхе, а где мокро – там на коленочках; как мать родных детей холит, а пасынков отвечает.

Каждая сцена сопровождалась взрывами хохота, криками одобрения и улюлюканьем. Пока мужик с медведем раскланивался перед толпой, из-за шатров выбегал то один, то другой скоморох с шапкой и пробегал перед кругом зрителей, собирая из их рук медяки.

В круг снова выскочила «коза», и под загрохотавший барабан начала выплясывать около медведя трепака, при этом, то и дело, задевая медведя – дразня его; медведь раздражённо озирался по сторонам, рычит, вытягивается во весь рост и кружится на задних лапах около своего поводыря – это значит: он танцует. После такой неуклюжей пляски мужик дал «козарю» в руки войлочную шляпу, и Михайло Иваныч, вместе с «козой» обходят с нею честную публику, которая бросает туда свои медяки. Музыка снова стихла, и мужик, что держал на верёвке медведя, стал предлагать любому из толпы выйти и побороть медведя.

– Есть ли тут, средь вас, богатыри с Михайло Иванычем потешится?

Не получив сразу ответа, мужик с одобрительной ухмылкой, повернулся спиной к толпе – лицом к медведю и скинув полушубок, громко крикнул: – дивись люд московский, как я Иваныча поборю!

В это время со стороны противоположной той, где стояла Настя, в круг вышел здоровенный детина с русой бородой, одетый в чёрный подрясник.

– Можно потешится, – низким голосом пророкотал детина, и, не дав никому опомниться, уверенно пошёл на медведя. Косолапый не ожидал увидеть так близко никого, кроме своего поводыря и знакомых ему скоморохов, поэтому он встал на задние лапы и шумно втянул воздух ноздрями. Детина бросился вперёд и обхватил вставшего медведя, который за всё свое скоморошье бытё впервые почувствовал себя в объятьях чужого человека. Медведь был обучен, потешно бороться со своим поводырём, поэтому растерялся. Уже через секунду русобородый и медведь покатались по утопанному снегу. Ручной медведь не понимал, что происходит и тихо ревел, пока сидящий сверху детина продолжал сжимать свои объятия. Опомнившиеся скоморохи, под хохот толпы подбежали к борцам и попытались их расцепить, не сразу, но это им удалось. Ошалевший медведь, под свист толпы на четвереньках убежал за шатры, а детина, поднявшись на ноги, отряхивал свою одежду от снега. Настя смеялась вместе с остальными над незадачливыми скоморохами и детиной, который вышел бороться медведя. Она сильно запыхалась от хохота и поначалу даже не поняла, что чья-то грубая рука сзади закрыла ей рот рукавицей. Не успела она опомниться, как её выволокли к стоящим неподалёку розвальням, на голову вздели мешок, а руки и ноги туго скрутили верёвками.

Свистнул кнут, всхрапнула лошадь и придавленную ко дну розвальней коленями Настю, увезли в неизвестность.

* * *

Её поставили на ноги и сорвали мешок с головы. Вместе с мешком сдёрнули повой и убрус⁴⁶. Волосы Насти до этого сплетенные в не тугие косы, рассыпались по её плечам. Большой бородатый дядька, грузно сопя, перерезал верёвки на одереженевших Настиных руках и ногах. Она осела на розвальни, что стояли позади и огляделась. Перед ней был большой бре-

⁴⁶ Повой – женский головной убор, наподобие шерстяной шапочки, напоминавшей чепец, стянутый на затылке. Под него полностью убиралась голова, а сверху ещё надевался убрус – вышитое полотняное, а у знатных женщин – шёлковое, белое или красное полотно, концы которого богато украшались жемчугом и спускались на плечи, грудь и спину.

венчатый дом с заснеженным двором, огороженный по кругу старым, но мощным частоколом. Двое, что приехали с ними в дровнях, топая ногами, зашли в дом, а дядька, помедлил мгновение, и ни слова не говоря, крепко схватил её за растрепавшиеся косы и грубо поволок за собой. Оцепенение Насти прошло, как только её волосы из распущенных кос оказались намотаны на руку пыхтящего дядьки. Она закричала и тут же, на ходу, получила удар в живот. Отчаянно хватая ртом воздух, онемев от боли, низко согнувшись и иногда опираясь руками в мёрзлый снег, Настя, вслед за тащившим её дядькой, пробежала через весь двор. Затем, он волок ее по тёмным холодным коридорам старого дома, пока, не втокнул в большой зал с пышущей жаром трескущей печкой. Тут девушка едва остановилась перевести дыхание, как вдруг получила сильный тычок в спину, от которого, сама того не желая пробежала ещё несколько шагов вперед, на середину зала. Дядька, не проронив ни слова, запалил от печного огня две большие лампы, поставил их на кованные подставки. Разгоревшееся пламя кое-как осветило мрачное место. Настя огляделась. Возле закрытых снаружи ставнями окон, стоял длинный колченогий стол, весь заваленный разными книгами, свитками, какими-то ящичками и потёртыми шкатулками разного размера. В двух шагах от стола громоздилось большое, грубое, почерневшее от времени кресло, напротив которого, вдоль стены, на разных сундуках и лавках лежали свёртки цветастых половиков, старой одежды и несколько пар стоптанных сапог.

Сверху слышались шаги, они быстро приближались к лестнице, что вела со второго этажа в зал, где оказалась Настя. По ступенькам загрохотали каблуки, в зал спустилась боярыня Мирослава. Она задержалась на последней ступеньке, стоя полу-боком, прожигая взглядом растрепанную Настю.

– Вот и встренулись мы, гадюка беспутная, – сухим голосом произнесла боярыня, подходя к девушке и на ходу поддёргивая рукава.

– Что ж, молчишь, не привечаешь? Признала ли меня? Али онемела? – насмешливо спросила Мирослава и неожиданно резко правой рукой впилась в лицо Насти.

– А-а-а..., – протяжно закричала Настя, пытаясь обеими руками разжать железную хватку на своём лице.

Боярыня несколько секунд сжимала девичье лицо, а затем с силой оттолкнула от себя Настью, и та упала, больно ударившись спиной об пол.

– Антип подними эту аспидову колоду! – бросила боярыня стоявшему поодаль дядьке, и тот с нескрываемым удовольствием снова запустил пятерню в волосы девушки, перехватив их у её затылка и подволок Настью к чёрному креслу.

– Боярыня..., боярыня не губи, – неожиданно тоненьким визгливым голосом взмолилась Настя. – Помилуй боярыня, не хотела я смерти нашему боярину.

Мирослава подошла к извивающейся на полу девушке.

– Ну что ж ты брусишь змеюка! Али не знашь, что как споймали твоего мужа-убойца, он всё и без ката про тебя довёл? – Боярыня замахнулась, чтобы ударить Настью, но та, так сильно забилась в истерике, что чуть не вырвалась из рук дядьки.

– Нонче ты всё нам расскажешь, а ну Антип встряхни ее! – Мирослава отошла в сторону, а дядька, крепко сжал Настины плечи, и несколько раз тряхнув как тряпичную куклу, сорвал с неё шубейку и шушун, а после бросил девушку на стоявшее рядом кресло. Сопя и пыхтя, он привязал её руки и ноги ремнями, что валялись рядом, под столом, к ручкам и перекладинам тяжёлого кресла. Настя поняла, что сейчас её будут пытать. Она резко напряглась, выгнулась всем телом пытаясь встать, и в ужасе заорала. Антип отреагировал мгновенно, сильным ударом в живот оборвал её крик.

– Ешшо поддать? – улыбаясь в бороду, он наклонился к самому лицу девушки, та отвернула голову и разрыдалась.

Мирослава скорыми шагами подошла к Насте и взяла её за подбородок.

– На меня смотри, змеюка, и то о чём вопрошать буду молви без утайки!

Девушка молчала, ловила ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, и только рыдания сотрясали её тело. В её животе проснулась нарастающая боль. Боль настолько острая, что мешала сосредоточиться. Стоящая над ней боярыня, несколько раз повторила вопрос о смерти своего мужа. Было видно, что её всё больше распаляет гнев. Но Настя молчала.

– Шевельни-ка её Антип, – бросила сквозь зубы Мирослава, отходя в сторону.

Дядька сзади резко ударил девушку по голове с такой силой, что она всем телом подалась вперёд и если бы не ремни, туго притягивающие её к креслу, то она оказалась бы на полу. В голове у Насти стоял звон, перед глазами поплыли тёмные круги. Всё тело обмякло.

Она пришла в себя только после того, как кто-то плеснул ей в лицо кружку воды.

– Ну, что? Будешь говорить? – девушка увидела перед собой сверкающие глаза Мирославы.

Пока Настя подбирала слова, терпение боярыни лопнуло, она схватила девушку за спутавшиеся как кудель волосы и несколько раз с силой ударила головой о высокую спинку кресла.

– Будешь? Будешь, говорить? – повторяла Мирослава.

– Д-д... Д-да! Боярыня не погуби-и-и-и, – наконец зашлась криком Настя, – всё обскажу, всё-всё, не убивай!

Мирослава отпустила девушку.

– Не убивай..., – повторила Настя, пересиливая свои рыдания.

Боярыня посмотрела в её обезумевшие глаза, наотмашь влепила пощёчину и брезгливо вытерла руку о её распашницу. После чего отвернулась и жестом указала Антипу, чтобы тот встал рядом с пленницей. Дядька осклабился во весь рот, и, подойдя к креслу, положил руку на левое плечо Насти, провёл вниз к груди. От этого прикосновения по телу девушки пошли судороги, и она мелко задрожала.

– Ну, и почто же ты замолчала, – Мирослава отошла на несколько шагов и встала лицом к пылающему в печи огню, при этом она оставалась полу-боком к своей пленнице.

Настя сглотнула подступивший к горлу комок, и, пытаясь унять дрожь, быстро-быстро, сбивчиво на одном дыхании выпалила:

– Сам боярин нашёл свой конец, аще по делам его, хоть и не хотела я ему смерти, а всё одно через меня господь на правёж призвал его.

– Ну, так сказывай, как... – не меняя позы, повысила голос Мирослава.

– Он..., он меня забрал от честна мужа, он первый обнажил мою наготу, и... брал злодейски... опосля, порушену, на дворе указал бить кнутом, за то, что противилась его забаве. Ночью муж хотел порубить боярина пока тот пьян спал, да не сдюжил он тогда духом на сие злодейство. Тогда, порешили мы убечь, но только споймали нас и снова били. А через седмицу боярин снова быти сильно во хмелю, сам пришёл в поварню, где я ладила стряпню для дворни и снова облапил. Я всей силой, что у меня была, толкнула его от себя, а ход в соляной подпол был открыт и он туда так и завалился. На шум из сеней прибежал муж с топорком лучинным, глянул на меня и в подпол спустился, там и порешил боярина за его клятое блудодейство. Собрали мы узелок с харчами, и ушли со двора, два дня в лесу за рекой хоронились. Да токмо не захотел муж более со мной порушенной жить, хотел тоже порубать, да не стал – бросил, ушел от меня. И некуда было мне идти, акромья как к дяде, что живёт надворником у Курицына, там и прижилась.

– Складно плетёшь свою лжу, – боярыня снова подошла к Насте и остановилась напротив. – Однако, вот что получается: ты горемычная от порухи бежала и муж тебя сам бросил, а живёшь ты сложницей с Иваном Курицыным и поди с горя носишь шубею лисью крытую бархатом, да морду свою белилами и румянами так же от горя мажешь. – Мирослава брезгливо скривила рот.

– Не сложницей..., не сложницей, а по хозяйству ведаю я у Курицына Ивана Васильевича, – перебивая сама себя, затараторила Настя.

Боярыня резко шагнула девушке и прервала её, влив очередную звонкую пощёчину, от которой голова Насти мотнулась в сторону.

– Вот так..., гадюка блудливая.... Вот так, я излечу в тебе лжу. Ведь в глаза мне брусить смеешь, а ну – взор долу! – Мирослава треснула ещё одну тяжелую пощёчину Насте.

Девушка вскрикнула и отчаянно выгнулась в кресле, не в силах ничего поделать.

– Долу взор, – повторила боярыня и, схватив Настю за затылок, пригнула её голову книзу, – зыкать на меня не смей!

Дядька Антип, что стоял рядом и сжимал плечо девушки, едва сдерживая блаженную ухмылку, медленно покачал головой:

– Наша боярыня лжу не терпит, али не знаешь! Про тебя и так всё ведомо, чай не в пустыне живёшь – на Москве. – Антип хотел продолжить, но не успел.

– Ну, хватит..., – Мирослава оборвала своего слугу. – Пора о деле радеть.

При этих словах Настя снова всем телом выгнулась в кресле, тщетно пытаясь освободиться от своих пут, дядька резко осадил её, и снова схватив за волосы, притянул её голову к спинке кресла.

Боярыня несколько мгновений, молча, наблюдала за телодвижениями девушки в руках Антипа, после чего решительно подошла к столу и взяла одну из старых шкатулок, с ней вернулась к Насте.

– Нет, нет – не надо яду, – взмолилась девушка. – Я признаю свои вины, да, да всё признаю. Не убивай, боярыня!

Не слушая Настины крики, Мирослава достала из шкатулки невзрачный перстень, хотя по виду золотой, и пристально посмотрела в глаза своей пленницы.

Толи от разгоревшейся печи, толи от взгляда боярыни, Настю обдало жаром, и она прекратила бороться с ремнями, которыми была привязана к креслу.

– Я решила..., – чеканно произнесла Мирослава, поигрывая кольцом. – Я решила дать тебе шанс, беспутная девка.

Настя вся превратилась вслух.

– Хоть преступления твои тяжелы и требуют кары, и лжа твоя мне постыла, – боярыня сделала вид, что любит кольцо, – я решила дать тебе шанс. Чтобы ты хоть малость искупила свои прегрешения и деятельным раскаянием заслужила себе Божью милость. Ведь Бог милосерден даже к таким как ты, а раз он всем отпускает грехи и очищает от любой греховности, то и мне, рабе божьей следует поступать по его заветам. Как там всё с боярином было на самом деле, ведает Господь, пусть он сам и изберёт тебе кару по грехам твоим, а я же, с его благословения, покамест, оставлю всё как есть. Однако условием является раскаяние и исправление, и я дам тебе возможность исправиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.